

ISSN 2073-5618

Translator **П**ереводчик

№ 18 2018

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Забайкальский государственный университет»
Забайкальское региональное отделение
Союза переводчиков России

П Е Р Е В О Д Ч И К

Научно-художественный журнал

№ 18

Чита
Забайкальский государственный университет
2018

УДК 81'25
ББК 81.18
ББК Ш18
П 27

Научно-художественный журнал «Переводчик»
(Печатный орган Забайкальского регионального отделения
Союза переводчиков России)

Главный редактор

О. В. Стельмак

канд. филол. наук, доцент кафедры европейских языков и лингводидактики ЗабГУ, председатель Забайкальского регионального отделения Союза переводчиков России;
контактный телефон 8 (3022) 26-86-55
e-mail: ovstelmak@mail.ru

Редакционный совет:

Т. В. Воронченко

д-р филол. наук, профессор, директор НИИ филологии и межкультурной коммуникации ЗабГУ;

М. В. Константинов

д-р ист. наук, профессор кафедры истории ЗабГУ;

И. А. Романов

канд. филол. наук, доцент, декан факультета филологии и массовых коммуникаций ЗабГУ

Редакционная коллегия: О. В. Ушникова, И. Н. Силицкая, И. А. Боброва,
И. Н. Костина, А. Н. Булдыгерова

П 27

Переводчик : научно-художественный журнал / Забайкал. гос. ун-т ; гл. ред. О. В. Стельмак. – Чита : ЗабГУ, 2018. – Вып. 18. – 260 с. – (ISSN 2073-5618).

Журнал «Переводчик» предназначен для филологов, лингвистов, а также для тех, кто интересуется вопросами перевода и переводоведения. Раздел «Информация» знакомит читателей с информацией Союза переводчиков России и Забайкальского регионального отделения СПР. Раздел «Новые переводы зарубежной поэзии и прозы» представляет новые переводы художественных произведений на русский язык. Разделы «В копилку переводчика» и «Лексикография» предназначены переводчикам-практикам. Раздел «Земля Даурская» адресован краоведам Забайкалья. Читатели найдут интересными и другие разделы нашего издания, в частности, «Уголок поэтов» и «Конкурсы, конкурсы...!!!».

УДК 81'25
ББК 81.18
ББК Ш18

© Забайкальский государственный
университет, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

ИНФОРМАЦИЯ

Ирина Ковалёва. Русский язык за рубежом: продвинутый уровень..... 5

НОВЫЕ ПЕРЕВОДЫ ПОЭЗИИ И ПРОЗЫ

Поэзия

Вольтер. Трагедия «Гербы, или Терпимость». Перевод с французского вступительной статьи Вольтера и 1-го действия трагедии Майи Квятковской..... 10

Луис Камознс. Лирика. Вступительная статья и перевод с португальского Ирины Фещенко 39

Вера Хорват. Августовский триптих. Духовная лирика. Предисловие и перевод с сербского Олега Комкова..... 47

Райнер Мария Рильке. Лирика. Вступительное слово и перевод с немецкого Иды Замирской..... 51

Михаил Лермонтов. Поэма «Мцыри» (части 8-13). Предисловие и перевод с русского на английский язык Екатерины Коржовой..... 55

Джон Гей. Басни. Отрывки из поэмы «Тривия...» Вступительное слово и перевод с английского Евгения Фельдмана..... 59

Современная словацкая и сербская поэзия. Теодор Крижжжа, Предраг Белошевич. Лирика. Перевод со словацкого и сербского языков Ивана Белокрылова..... 71

Артавазд Сарецян. Лирика. Предисловие и перевод с армянского Надежды Осьмининой..... 77

Роберт Бёрнс. Лирика. Вступительное слово «Мой маленький Бёрнс» и перевод с английского Андрея Кроткова..... 82

Луиджи Оливетти. Лирика. Вступительное слово и перевод с итальянского Дарьи Белокрыловой..... 85

Рената Цыган. Стихи. Предисловие и перевод с польского Ирины Ковалёвой..... 88

Кристина Джорджина Россетти. Лирика. Перевод с английского Валентины Брилёвой 91

Уильям Шекспир. Трагедия «Отелло». Акт V. Перевод с английского Ашота Сагратяна..... 95

Проза

Камилла Коллет. Мемуары «Долгими ночами». Вступительное слово и перевод с норвежского предисловия-посвящения к мемуарам Наргис

Шинкаренко.....	119
Гарма Цырендашиев. Рассказы. Перевод с бурят-монгольского Бориса Балдоржиева.....	123
Тоураринн Эльдьяртн. Сага об Энунде. Вступительное слово и перевод с исландского Ольги Маркеловой.....	131
Оскар Уайльд. Сказка «Счастливый принц». Предисловие «Кое что о ласточках» и перевод с английского Евгении Славороссовой.....	139
Петер Кристен Асбьёрнсен и Йорген Му. Рождественский сочельник. Перевод с норвежского Элеоноры Панкратовой.....	146
Беа Луи де Мюра. Письма об англичанах. Письмо первое. Перевод с французского Николая Епишкина.....	155
Кристин Эйрикسدоттир. Человеческие пустоты. Перевод с исландского Натальи Демидовой.....	165
Английская викторианская проза. Изабелла Крейг Нокс. Роман «Да или нет?». Глава IV. Перевод с английского Ольги Стельмак.....	172
Свава Якобсдоттир. Пьеса «Генеральная репетиция». Акты 3-6. Перевод с исландского Ольги Маркеловой.....	183
В КОПИЛКУ ПЕРЕВОДЧИКА	
Ашот Сагратян. Жрецы-переводчики.....	211
Николай Воропаев. В иероглифах вся жизнь.....	212
Анна Булдыгерова. О некоторых орфографических и графических особенностях текста перевода (на примере китайского и русского языков).....	225
ЗЕМЛЯ ДАУРСКАЯ	
Виктор Балабанов. Столетие Отечественной войны. Год 1912. Перевод с русского на немецкий Ирины Бобровой.....	229
УГОЛОК ПОЭТОВ	
Ольга Элрад. Лирика. Предисловие «Жизнью жизнь объяв» Ашота Сагратяна.	231
КОНКУРСЫ, КОНКУРСЫ...!!!	
XXIII Межрегиональный конкурс молодых поэтов-переводчиков.....	236
ЛЕКСИКОГРАФИЯ	
Русско-английско-латинский словарь растений. Составитель Нина Маркова.....	241
Сведения об авторах.....	252

**Union des traducteurs de Russie UTR Union of Translators of
Russia**

**Общероссийская общественная организация
«СОЮЗ ПЕРЕВОДЧИКОВ РОССИИ» (СПР)
член Международной федерации переводчиков (ФИТ)**

**Россия, 129085, Москва, пр-т Мира, 101В, стр. 1, МИЛ, офис СПР
тел./факс +7 (495) 616-36-10 эл. почта gurutrus@yandex.ru**

Исх. № 8-П от 28.03. 2016 г.

РУССКИЙ ЯЗЫК ЗА РУБЕЖОМ: ПРОДВИНУТЫЙ УРОВЕНЬ

28–29 ноября в Минске шёл мокрый снег, но организаторам VII Международной конференции «Сохранение, поддержка и продвижение русской культуры и языка за рубежом», проводившейся учебно-издательским центром «Златоуст» при содействии Департамента внешнеэкономических и международных связей Москвы (ДВМС) и Московского центра международного сотрудничества, ненастье было только на руку. Ясно же, что в такую погоду 150 участникам из 27 стран ближнего и дальнего зарубежья не захочется покидать уютные стены Дома Москвы! Однако собравшихся здесь удерживала вовсе не слякоть за окном, а захватывающая дискуссия о судьбах «великого и могучего» на мировых просторах, продолжавшаяся до глубокой ночи.

История знает немало мёртвых языков, на которых когда-то говорило полмира: от шумерского и санскрита до латыни. «Нельзя допустить, чтобы та же участь постигла и русский, а ведь он с момента распада СССР заметно сдал позиции», – заявил замдиректора по научной работе Центра социологических исследований Минобрнауки России А. Л. Арефьев. По его данным, «за последние 25 лет число обучавшихся на русском и изучавших его как предмет или иностранный язык в бывших республиках Советского Союза сократилось почти на 16,5 млн. человек и, соответственно, значительно увеличилось число детей, подростков и молодежи, не владеющих русским или едва его понимающих».

Последнее явно не относится к Беларуси. Это образцовая страна, с точки зрения статуса русского языка: 83,3% её граждан проголосовали

за признание его государственным наравне с белорусским на референдуме. По статистике, озвученной деканом филфака Белорусского государственного университета Иваном Ровдо, 79% книг и 82,5% периодики, опубликованной здесь в 2016-м году, вышло на русском языке. «Тем не менее, – считает Иван Семёнович, – как и любой живой организм, язык нуждается в постоянной заботе, которую нужно проявлять не когда он заболел, а пока ещё здоров».

Заниматься профилактической работой особенно важно, учитывая желание властей некоторых стран видеть русский в положении смертельно больного: о его запрете в школах Латвии и Украины с трибуны конференции говорили как о языковой дискриминации. «В год русского языка президент Украины заявил: «Россия заканчивается там, где заканчивается русский язык». В этом свете почти поголовное голосование приднестровцев и крымчан за вхождение в состав России означало по сути русскоязычную Вандею – восстание в защиту русского языка», – утверждает М. Н. Губогло, заведующий центром по изучению межэтнических отношений Института этнографии и антропологии РАН.

В сложившейся ситуации невозможно переоценить значение форумов, помогающих выработать стратегию внешней языковой политики и наметить пути сохранения русского слова за рубежом. Об этом говорилось в приветственных письмах к участникам конференции, присланных Чрезвычайным и Полномочным Послом Российской Федерации в Республике Беларусь А. А. Суриковым и министром Правительства Москвы, руководителем ДВМС С. Е. Черёминым.

Заместитель руководителя ДВМС И. П. Ткач позабавил аудиторию гуляющими по интернету примерами парадоксального употребления глаголов, сводящих с ума иностранцев: стакан на столе стоит (ведь это вертикальный предмет), вилка лежит (потому что горизонтальный), но не менее горизонтальные тарелка и сковорода уже стоят, а если тарелку поместить в сковородку, та в ней будет лежать. Кошка может лежать, сидеть и стоять на скатерти, но стоящая на лапках птичка почему-то считается сидящей на столе. А попробуйте объяснить иностранным студентам, что слова «утренник», «дневник», «вечерник» и «ночник» имеют абсолютно разные значения!

О том, как непросто преподавать столь сложный предмет иностранцам, говорил в приветственной речи советник мэра Москвы, директор Московского Дома соотечественника (МДС) В. В. Лебедев. Он отметил огромную важность работы учителей русского языка, продвигающих его за рубежом, и высоко оценил роль Домов Москвы как центров распространения отечественной культуры, после чего вручил благодарность коллективу Дома Москвы в Минске, а также председателю

Белорусского литературного союза «Полоцкая ветвь» писателю Олегу Зайцеву.

О накопленном Москвой опыте организации конференций и круглых столов, посвященных сохранению русского языка за рубежом, рассказала главный специалист МДС Н. К. Мурнова. Она подробно остановилась на новых формах и методах работы с диаспорами, в частности, на программе «Учитель и ученик на пространстве русского зарубежья» и описала механизм внедрения таких проектов в школы дополнительного образования.

Не секрет, что русский язык за пределами России сдает свои позиции во многом из-за экспансии английского. Обеспокоенность колоссальным давлением последнего на русский выразила проректор по дополнительному образованию Российского университета дружбы народов А. В. Должикова. А президент Государственного института русского языка имени А. С. Пушкина, автор знаменитых учебников «Русский как иностранный» академик Виталий Григорьевич Костомаров пожаловался на абсурдную необходимость писать аннотации на английском к статьям для журнала «Русская речь». Удручает его и тот факт, что даже на конференции по сохранению языка председатели секций именуется модераторами, перерывы на чай – кофе-брейками, а большой зал для заседаний в Доме Москвы – конгресс-холлом. Как будто для всего этого нет нормальных русских слов!

Патриарх отечественного языкознания полон новых идей, к которым, кажется, и сам ещё до конца не знает, как относиться. Отсюда и название его доклада: «Возможный взгляд на лингвистику». Костомаров упрекает своего учителя – академика В. В. Виноградова в том, что тот опрометчиво взял за основу советского языкознания лингвистическую концепцию Вильгельма фон Гумбольдта, противопоставлявшего язык и речь. А ведь это фактически одно и то же, в чем мы не устаем убеждаться. Взять хотя бы пресловутые SMS-сообщения: по форме письменная речь, а по содержанию – устная. И ведь не поспоришь!

Разговор на эту болезненную для лингвистов тему продолжил заведующий научно-учебной лабораторией лингвистической конфликтологии и современных коммуникативных практик рекрутинга Высшей школы экономики М. А. Кронгауз. Автор книги «Русский язык на грани нервного срыва», повествующей о результатах социального и технологического слома, пережитого родной речью в последние 30 лет, свой доклад назвал – «Русский язык в меняющемся мире». Не эти ли стремительные и подчас несовместимые со здравым смыслом перемены вызывают у нас лингвистический стресс разной степени тяжести – вплоть до культурного шока?

Взять хотя бы англицизмы последнего года: «хайп» – шумиха, «зашквар» – позор, «баттл» – состязание, «дисс» – неуважение. Лексика блогосферы и учебников воспринимается современными школьниками как два разных языка, а значит, необходимы новые учебники и подходы к обучению русскому. «Я не призываю учить писать эсэмэски, – объяснил свою позицию Максим Анисимович, – а лишь говорю о необходимости обсудить этот раздел профессионально».

В пересмотре нуждается и краеугольный принцип преподавания русского как иностранного (РКИ): учить всех под одну гребёнку – по единой методике и общему учебнику независимо от языковой принадлежности. Такой подход оправдан, когда речь идет о многонациональной группе, постигающей РКИ в одном из университетов России. Однако специалисты, которые учат русскому итальянцев, французов или немцев на их территории, испытывают острую необходимость в новых учебниках, адаптированных к лингвистическим особенностям и языковым трудностям данной конкретной коммуникативной пары: русский-итальянский, русский-французский, русский-немецкий...

Даже примеры в методических пособиях должны подбираться с учетом реалий страны преподавания, считает президент ассоциации «Русский Дом – Италия», директор Европейского центра дистанционного обучения, преподаватель русского языка университета Пармы П. Г. Гельфрейх. Она настаивает на скорейшей разработке диверсифицированных учебников совместно с преподавателями РКИ тех стран, для которых эти пособия предназначены.

Издательская деятельность как инструмент продвижения русского языка и культуры обсуждалась на специальной секции в пресс-центре, где с докладом о значении и роли средств массовой информации в этом важном процессе выступил главный редактор «Книжного обозрения» А. М. Набоков.

А в малом зале Дома Москвы в то же самое время говорили об объединяющем значении художественной литературы для современного мира. Вне всякого сомнения, в международных интеграционных процессах не обойтись без переводчиков, а интеграция на основе художественной литературы невозможна без творческой элиты этого профессионального цеха – мастеров литературного перевода. Большинство из них объединяет секция художественного перевода Союза переводчиков России (СПР). Это крупнейшее в РФ профессиональное объединение специалистов в данной области, включающее в себя 50 региональных отделений от Санкт-Петербурга до Владивостока и от Архангельска до Севастополя, входит в Международную федерацию переводчиков (FIT).

Примером успешного переводческого проекта, способствующего межкультурной интеграции, может служить 10-томная билингвальная

антология славянской поэзии «Из века в век», издаваемая поэтом и переводчиком С. Н. Гловюком. Выход в этой серии тома «Белорусской поэзии», признанной в 2010 году лучшей книгой года, по версии Роспечати, стал ярким событием в жизни двух стран. Сближению писателей из России, Беларуси и других уголков славянского мира способствовал и возникший на основе этой поэтической серии фестиваль славянской поэзии «Поющие письмена» (художественный руководитель С. Н. Гловюк).

Фестивальная форма продвижения русского языка и культуры как нельзя лучше отвечает современным мировым тенденциям (ведь и сама мировая культура в наши дни носит фестивальный характер), а потому широко используется руководством СПР при проведении выездных летних школ перевода и трёх международных фестивалей искусств, которые ежегодно устраиваются в России («Степная лира») и Италии («Генуэзский маяк» и «Старое Алассио») на базе Русского дома в Генуе, входящего в СПР на правах ассоциированного члена, а также ассоциации соотечественников «Русский клуб в Италии».

Ирина Ковалева, член правления и руководитель секции художественного перевода СПР, член СП Москвы и Клуба писателей ЦДЛ, президент международного фестиваля «Степная лира» и художественный руководитель международных фестивалей «Генуэзский маяк» и «Старое Алассио»

Поэзия

ВОЛЬТЕР (1694 – 1778)

**ГЕБРЫ,
или
ТЕРПИМОСТЬ**

Трагедия в пяти актах.

Исторические и критические высказывания
по поводу трагедии «Гебры»

Вы найдёте в новом издании трагедии «Гебры», тщательно мною исправленном, много дополнений по сравнению с предыдущими публикациями. Эта пьеса – не трагедия в привычном значении слова, у коей единственная цель – занять на час внимание зрителей, а единственное достоинство – вызвать при содействии той или иной актрисы несколько слезинок, тут же высохших и вскоре позабытых. Автор отнюдь не гнал-ся за ненужными ему рукоплесканиями, коими на театрах гораздо чаще вознаграждаются худшие творения, нежели лучшие.

Автор всего лишь хотел употребить свой слабый талант на то, чтобы внушить зрителям, насколько это в его силах, уважение к законам, пробудить их сердца для всеобъемлющего милосердия, человечности, для умения прощать и проявлять терпимость: вероятно, вы это уже заметили из предисловий к прежним изданиям моего драматического труда.

Дабы вернее добиться успеха, сея в умах семена сих добродетелей, необходимых во всяком обществе, мы выбрали определённые персонажи. Мы не побоялись дерзко выставить на сцену садовника, девицу, помогающую своему отцу в крестьянских трудах, военачальников, один из коих занимает незначительную командную должность на границе, а другой, его брат, находится у него в подчинении; наконец, одно из действующих лиц – простой солдат. Подобные персонажи, близкие к природе, и присущая им простота речи, по всей вероятности, окажут более сильное воздействие на зрителя и скорее приведут к поставленной авто-

ром цели, нежели влюблённые принцы и пылкие принцессы: довольно уже театры оглашались единообразными трагическими приключениями, происходящими исключительно с царственными особами и мало собственными остальному человечеству.

По правде говоря, в пиесе присутствует лишь один император, и персонаж этот введён отнюдь не для того, чтобы в напыщенных стихах похвалиться своим могуществом: он появляется лишь в самом конце трагедии и лишь затем, чтобы провозгласить закон, продиктованный нашим предкам, как полагают, самими богами.

Сия счастливая развязка зиждется на достовернейшей истине. Император Галлиен,¹ чьи предшественники долго преследовали некую персидскую секту, наряду с нашей христианской религией, в конце концов, даровал торжественным эдиктом свободу совести и христианам, и огнепоклонникам-гебрам. И это – единственное славное деяние в его царствование. Доблестный и мудрый Диоклетиан² придерживался этого эдикта добрых восемнадцать лет. Первое, что сделал Константин,³ победив Максентия⁴ – возобновил прославленный эдикт о свободе совести, принятый императором Галлиеном в защиту христиан. Таким образом, именно свобода, наконец-то дозволенная христианской вере, и легла в основу сюжета трагедии. Единственно уважение к нашей религии воспрепятствовало при постановке сей трагедии дать ей название «Христиане»: как всем известно, автор издал пиесу, назвав её «Гебры». Не будь этого обстоятельства, она бы ставилась и раньше без каких-либо препон, ибо ничто не мешало ни постановке «Святого Жене» Ротру;⁵ ни «Святого Полиевкта» и «Святой Теодоры», девственницы и мученицы, Пьера Корнеля;⁶ ни «Святого Алексия» Дефонтена;⁷ ни «Святой Габинии» Брюэяля;⁸ ни многих других пиес.

Верно и то, что в те времена вкус был не столь утончённым, и умы не столь предрасположены к злонамеренным сопоставлениям; пуб-

¹ Публий Лициний Эгнатий Галлиен (218-268 гг. н. э.). Сын Валериана. Римский император 260-268 гг. н. э.

² Гай Аврелий Валерий Диоклетиан (239-313 гг. н. э.). Римский император 284-305 гг. н. э.

³ Константин Великий (280-337 гг. н. э.). Римский император 306-337 гг. н. э. В его правление в Римской империи произошёл переход от язычества к христианству. Константин сам принял новую религию, и решающую победу над Максентием у Мульвиева моста в 312 г. н. э. он одержал под знаком креста.

⁴ Марк Аврелий Валерий Максентий (279-312 гг. н. э.). Римский император 306-312 гг.

⁵ Святой Жене – римский мученик; легенда о нём восходит к Жене Арльскому, жившему в начале IV века. Герой трагедии Жана де Ротру (1609-1650) «Истинно святой Жене».

⁶ Пьер Корнель (1606-1684). Великий драматург и поэт, основатель французского классического театра.

⁷ Дефонтен (Данных не найдено). Из эпиграммы А. Пушкина на Каченовского: «Плюгавый выползок из гузна Дефонтена».

⁸ Брюэяль (Данных не найдено).

лике нравилось, чтобы каждый актёр произносил речь согласно своему амплу.

В театре рукоплескали речам Марцелла из трагедии «Святой Жене», игранной в 1647, гораздо позднее «Полиевкта»:

Какое жалкое, смешное заблужденье –
Чтить бога, что сулит лишь смерть в вознагражденье,
Распятого лжеца без власти и без сил –
Кто небо дал ему и кто обожествил?
Сброд нищих и глупцов, людишек непригодных,
Отребье городов, толпа бродяг безродных,
Младенцы, женщины – они из ничего
Измыслили себе в утеху божество;
Тьмы неудачников, Фортуне супротивных,
Узревших некий свет в страданиях неизбывных,
Что христианами, кичась, зовут себя,
Презрев блага других и гибель возлюбя.

Но ещё громче бьют в ладоши, когда святой Жене ему отвечает:

Коль сих богов презреть и значит – взбунтоваться,
То я намеренно им изменил, признаться,
Изменой не хвалясь, её я не стыжусь:
Невольно я грешил, и этим лишь горжусь.
Но вашим идолам из камня и металла
Царить на небесах и вовсе не пристало:
Спасут ли вас они от мщенья Того,
Кого за ложное сочли вы божество?
В тот день толпа глупцов, людишек непригодных,
Отребье городов и тьмы бродяг безродных,
Изгой, чтущие Распятого закон,
Вам скажут, отчего Он был обожествлён.

Десятью годами ранее зрители ещё одобряли то рвение, с каким святой Полиевкт, едва успев окреститься, тут же бросается громить священные сосуды и разбивать статуи богов. В те времена умы были ещё не столь придирчивы, как сегодня; тогда не замечали, что поступки Полиевкта несправедливы и безрассудны; весьма немногим было известно, что подобная вспыльчивость осуждена Святым соборным уставом. И то сказать – что более достойно осуждения, чем подобные деяния: устроить в храме ужасающий разгром, сравить друг с другом людей, собравшихся там, дабы возблагодарить небеса за победу императо-

ра, дробить статуи на осколки, не думая, что они могут пробить голову ребёнку или женщине! Лишь недавно мы поняли, сколь неразумно и преступно иступление Полиевкта. И, наконец, то, что он уступил язычнику свою жену, многие восприняли как оскорбление здравого смысла, благопристойности, природы и даже самого христианства. Внезапное обращение Полины и тем более негодяя Феликса также нашло своих критиков, которые, любуясь прекрасными сценами пьесы, возмутились просчётами автора в подобном же роде.

«Гофолия»,¹ может быть, шедевр человеческого гения. Открыть секрет, каким образом возможно у нас, во Франции, создать захватывающую трагедию без любовной интриги, осмелиться дать на сцене слово ребёнку и вложить в его уста реплики, чистота и простота которых вызывает слёзы на наших глазах, не ввести в состав главных действующих лиц почти никого, кроме старой женщины и священника, волновать сердца на протяжении всех пяти актов столь слабыми средствами, и особенно утвердить свою силу (а это и есть великое искусство) средствами слога – всегда чистого, всегда естественного и царственного, а зачастую и величественного, – вот что было дано одному Расину,² и мы, вероятно, никогда больше не увидим ничего подобного.

И, однако, сей труд долгое время подвергался суровой критике. Известна эпиграмма Фонтенеля,³ закачивающаяся таковыми скверными стихами:

На чёрта ли, дивлюсь я вчуже,
Ты создал чушь, «Есфири» хуже?

Тогда существовал столь оголтелый комплот против великого Расина, что, если верить историку французского театра, в салонных играх в виде штрафа проигравших заставляли читать отрывок из «Гофолии»; в то время как в обществе Буало,⁴ Фюретьера⁵ и Шапелья⁶ наказанием служило чтение страницы из «Девственницы» Шаплена:⁷ именно это имел в виду сочинитель книги «Век Людовика XIV»,⁸ когда сказал в

¹ Драма Жана Расина, основанная на библейском сюжете.

² Жан Расин (1639-1699). Великий французский поэт и драматург.

³ Бернар Ле Бовье де Фонтенель (1657-1757). Писатель, постоянный секретарь Академии и автор «Похвального слова усопшим академикам». Его «Беседы о множественности миров» пользовались успехом; писал он, как мы видим, и эпиграммы.

⁴ Николя Буало-Депрео (1636-1711) Поэт и критик, автор «Сатир», «Посланий» и знаменитого трактата в стихах «Поэтическое искусство»; основатель и проповедник классицизма.

⁵ Антуан Фюретьер (1619-1688). Писатель, автор «Буржуазного романа». Составитель примечательного «Всемирного словаря», послужившего причиной того, что завистливые коллеги исключили его из Академии.

⁶ Шапель (Клод-Эммануэль Люийер, 1626-1686). Поэт, друг Лафонтена.

⁷ Жан Шаплен (1595-1674). Посредственный поэт, высмеянный Буало, герой эпиграмм Расина.

⁸ Сам Вольтер. (Прим. пер.).

статье о Расине: «Золото смешано с грязью, пока художник жив, но после его смерти золото отделяется от грязи».

Наконец, что ещё убедительнее доказывает, до какой степени наши первые суждения бывают нелепы и насколько редко встречается верная оценка произведения, каков бы ни был его жанр, – так это то, что «Гофолия» не только была безжалостно растерзана, но ещё и забыта. Ежедневно представляли «Алкивиада», ради коего

...дочь царя
Забыла стыд и страх, любовь горя.

Все начинающие актёры пробовали свои силы в «Графе Эссекском», который, отдавая шпагу, говорит:

У вас в руках, чему свидетель – мир земной,
То, чем служил не раз я Англии родной.

Рукоплескали королеве Елизавете, влюблённой, словно пятнадцатилетняя девица, в её-то шестидесятивосьмилетнем возрасте; в ложах приходили в восторг, когда она произносила:

Мой взор, мои уста наскучили ему;
Неблагодарен он – что ж! Это я пойму.
Чего осталось ждать ему от этой страсти?
Того, чего он ждёт! А мне осталось ждать
Блаженства зреть его, любить, о нём рыдать!

Эти чудовищно плоские вирши, коих вполне достаточно для того, чтобы опозорить французов, одержали наивысший триумф; но что касается «Гофолии» – там о триумфе не было и речи, и неудивительно: пьеса была неизвестна публике. Коварный заговор уничтожил её; затем новый заговор воскресил. И отнюдь не потому, что сей труд – шедевр прекрасного стиля: пьесу поставили на сцене в 1717, единственно по той причине, что маленький Иоас был ровесником правящего короля Франции, и это совпадение оказало на умы сильнейшее впечатление. Тогда-то публика и перешла от тридцатилетнего молчания к неумеренному восторгу.

Но, несмотря на восторги, были и недоброжелательные выпады; я говорю не о тех резонёрах, лишённых таланта и вкуса, кои, не написав за всю свою жизнь ни одного хорошего двустишия, осмеливаются взвешивать на своих мизерных весах достоинства и недостатки великих

людей; почти так же судят обыватели с улицы Сен-Дени о военных кампаниях маршалов Тюрренского и Саксонского.

Я имею здесь в виду умозрительные и патриотические высказывания многих важных особ – как французов, так и иностранцев: по их мнению, Иоас более заслуживает осуждения, нежели папа Григорий VII¹, возымевший смелость низложить своего императора Генриха IV, преследовать его до самой смерти и отказать ему в погребении.

Я полагаю, что окажу услугу словесности, добрым нравам и законам, если приведу здесь беседу, состоявшую у меня в Париже с милордом Корнсбери по поводу представления «Гофолии»:

– Не могу я любить, – говорил сей достопочтенный пэр Англии, – первосвященника Иодая: как можно тайно умышлять на свою государыню, коей присягал в повиновении! Предать её подлеишей ложью, уверяя, что в ризнице находится золото и что он ей это золото отдаст! И затем велеть её зарезать у Конских Врат, без суда и следствия! Царицу! Женщину! Какой ужас! Если бы ещё Иодай имел хоть какое-нибудь оправдание своему чудовищному преступлению – но нет, оно ничем не оправдано. Гофолия – бабушка, ей чуть ли не сотня лет, юный Иоас – её внук, её единственный наследник, других родственников у неё нет, ей прямая выгода – воспитать внука при себе и оставить корону ему в наследство; она и сама утверждает, что у неё нет иного намерения. Несусветнейшая бессмыслица – предположить, что она хочет заполучить Иоаса с тем, чтобы от него избавиться; и, однако, основываясь именно на этой бессмыслице, фанатик Иодай убивает свою царицу.

Я смело называю его фанатиком, ибо он говорит жене (персонажу, в пиесе совершенно лишнему), застав её в обществе священника другого вероисповедания:

И ты, Давида дочь, речам его внимала?
Как! Ты беседуешь с изменником таким
Без страха, что земля разверзнется под ним
И на обоих вас из бездны прянет пламя,
И стены упадут, и вас убьёт камнями?
(Перевод Ю. Корнеева)

Я был очень доволен, что партер смеялся над этими стихами; и не менее доволен актёром, опустившим их на следующем представлении. Я чувствовал неизъяснимое отвращение к этому Иодаю; я живо сочувствовал Гофолии; я повторял ваши слова:

¹ Григорий VII, святой (родился приблизительно между 1015-1020 гг.), с 1073 по 1085 гг. – папа Римский. Один из величайших римских понтификов. Прославился своей борьбой против германского императора Генриха IV.

Я плачу о Гофолии несчастной,
Что Иодай на злую смерть обрѣк.

Ибо почему сей первосвященник столь безрассудно готовит заговор против царицы? Почему предаёт её? Почему велит зарезать? Да, скорее всего, потому, что сам собирается править от имени Иоаса, ибо кто же, кроме него, мог стать регентом при короле-ребѣнке, коего он сам и воспитывает?

Но и это ещё не всё; он хочет, чтобы его сограждан истребляли, чтобы *купались в их крови, не испытывая ужаса*; подвластным ему священникам он говорит:

Еврей иль тирянин пред вами – бейте всех!
(Перевод Ю. Корнеева)

И что послужило поводом для этой бойни? Да то, что одни поклоняются единому Богу под его финикийским именем Адонаи, а другие – под его халдейскими именами Ваала или Бела. Говоря по совести, разве это причина для того, чтобы по велению Иодая истреблять своих сограждан, своих родичей? Как! Неужели оттого, что Расин – янсенист¹, он пожелает еретикам Варфоломеевой ночи!

Испытывать отвращение к кровожадной ярости Иодая тем позволительнее, что иудейские книги, вдохновлённые, как известно всему миру, самим Богом, отнюдь не удостаивают Иодая хвалой. Я знавал многих моих соотечественников, уподобляющих Иодая – Кромвелю²: они утверждают, что и один, и другой используют религию для убийства своих монархов. Знал я и людей весьма щепетильных, полагающих, что священник Иодай имел не более прав на убийство Гофолии, нежели ваш якобинец Клеман – на убийство Генриха III.³

У нас «Гофолию» никогда не играли, думаю, по той причине, что в Англии терпеть не могут священников, убивающих своих государынь без соответствующего указа, утверждённого парламентом.

– Вероятно, её не ставят у вас оттого, – отвечал я ему, – что в этой трагедии убивают всего лишь одну царицу; тогда как англичанам надоб-

¹ Янсенизм – течение в католицизме, начало которому положил голландский богослов XVII века Янсений; янсенизм близок к кальвинизму в вопросе о *предопределении*. Янсенизм противостоял иезуитам и был осуждѣн папством. Центром янсенизма во Франции стал монастырь Пор-Руайяль.

² Оливер Кромвель (1599-1658). Вождь Английской революции XVII века. В 1640 году избран в Долгий парламент. Возглавлял парламентскую армию, одержав победу над королевскими войсками в 1-й (1642-1646) и 2-й (1648) гражданских войнах. Содействовал казни короля и провозглашению республики (1649). С 1650 года получил должность Лорда-протектора (главнокомандующего всеми войсками). В 1653 установил режим единоличной военной диктатуры – протекторат.

³ Жак Клеман (1567-1589) – монах-доминиканец, фанатичный сторонник католической Лиги. Заколлот кинжалом Генриха III, последнего короля из династии Валуа (1589).

но не менее дюжины убийств и столько же призраков.

– Нет, поверьте мне, – возразил он, – если «Гофолию» не играют в Лондоне, так это потому, что для нас в этой пьесе слишком мало действия; потому, что всё происходящее в ней описывается слишком многословно; потому, что все четыре первых акта – лишь подготовка к действию; потому, что Иосавеф и Матфан – почти бездействующие персонажи; потому, что великое достоинство этого труда заключается в высокой простоте и благородном изяществе стиля. Но для нашего театра простота отнюдь не является достоинством; нам подавай побольше грома, интриг и невероятных событий: другие народы порицают нас, но вправе ли они мешать нам развлекаться на свой манер? Во всём, что касается вкуса, как и образа правления, пусть каждый у себя дома будет хозяином. Что же касается красоты стихов, то передать её в переводе невозможно. Наконец, отрок Элиаким в длинных льняных одеяниях и маленький Захария, подносящие соль первосвященнику, ничем не поражают умы моих соотечественников, требующих, чтобы их воображение властно увлекали и глубоко волновали.

В сущности, никто в пьесе не подвергается ни малейшей опасности до тех пор, пока не раскрывается предательство первосвященника, поскольку решительно никто не опасается того, что Гофолия прикажет убить маленького Иоаса; да у неё и нет ни малейшего желания убивать внука, напротив, она хочет воспитать его *как своего родного сына*. Следует признать, что первосвященник своими кознями и свирепостью делает решительно всё для того, чтобы погубить ребёнка, которого хочет уберечь: ведь, заманив царицу в храм обещанием дать ей золота и замыслив её убийство, мог ли Иодай быть уверен в том, что маленького Иоаса не прирежут среди общего смятения?

Словом, что хорошо для одного народа, другой народ может почесть безвкусицей. И напрасно меня заставляли восхищаться ответом Иоаса, когда на слова царицы:

Что ж! У тебя свой Бог, а я молюсь другому.
Они равны.

– маленький иудей возражает:

...Один есть царь на небесах,
И этот царь – мой Бог, а твой – лишь тлен и прах.
(Перевод Ю. Корнеева)

Разве не ясно, что мальчик ответил бы точно так же, будь он воспитан жрецом Матфаном в поклонении Ваалу? Его ответ означает только одно: я прав, а вы неправы, потому что так говорит моя кормилица.

Наконец, сударь, я вместе с вами восхищаюсь искусством и стихами Расина в «Гофолии» и вместе с вами полагаю, что фанатик Иодай подаёт весьма опасный пример.

– Я ничуть не хочу отказывать во вкусе вам, англичанам, – возразил я; – у каждого народа – свой характер; Расин создал свою «Гофолию» отнюдь не для короля Вильгельма:¹ он написал её для мадам де Ментенон² и для французов. Возможно, ваши англичане и не были тронуты воображаемой опасностью, нависшей над мальчиком Иоасом: они судят разумом, тогда как французы – сердцем; сочинитель должен нравиться, прежде всего, своему народу, поскольку тот, кто не прославится среди своих, никогда не обретёт успеха у чужих. Расин верно предвидел, как может подействовать на наш театр его пьеса; он рассудил, что зрители непременно поверят, что жизни ребёнка и впрямь грозит опасность, даже если это и не так. Он почувствовал, что сумеет создать ощущение опасности неодолимой силой обаяния своего волшебного искусства, почувствовал, что появление на сцене этого мальчика и проникновенные речи Иодая, заменившего ему отца, вызовут слёзы на глазах у зрителя.

Признаю, поистине маловероятно, чтобы женщина, едва ли не столетняя, стремилась зарезать своего внука, единственного наследника; согласен, что в её насущных интересах было держать его при себе, чтобы он служил ей защитой от врагов, и что для неё самой жизнь этого ребёнка должна представлять величайшую ценность – разумеется, после собственной жизни; но автор ловко прячет от нас эту истину; он маскирует её; он внушает нам отвращение к Гофолии, изображая её чудовищем, зарезавшим всех своих внуков, хотя это злодейство и впрямь лишено всякого правдоподобия. Автор создаёт впечатление, что Иоас чудом избежал гибели: а посему зритель и встревожен, и умилен. Истинный поэт, каков и есть Расин, держит, подобно Богу – если я смею так выразиться – сердца людей в своей деснице. Горшечник, по своей прихоти дающий форму глине, лишь бледное подобие великого поэта, который направляет наши умы и наши страсти, куда только ему заблагорассудится.

Такой примерно разговор я вёл когда-то с милордом Корнсбери, одним из самых блестящих умов, когда-либо порождённых Великобританией.

Возвращаюсь теперь к трагедии «Гебры», отнюдь не дерзая сравнивать её с «Гофолией» – ни по красоте стиля, ни по величю содержа-

¹ Вильгельм III Оранский (1650-1702). Король Великобритании и Ирландии с 1688 года.

² Франсуаза д'Обинье, маркиза де Ментенон (1635-1719). Внучка поэта Агриппы д'Обинье, жена поэта Поля Скаррона, воспитательница бастардов Людовика XIV, с 1684 года – тайная супруга короля.

ния, ни по искусству приёмов.

Тем более что у «Гофолии» есть поистине несравненное преимущество: её сюжет основан на религии, бывшей в описываемые времена единственно истинной: как известно, её смогла заместить лишь наша религия. Самые имена Израиля, Давида, Соломона, Иуды, Вениамина сообщают этой трагедии неизъяснимый священный трепет, охватывающий большинство зрителей. В ней поминаются все священные чудеса, коими Господь отличил свой избранный народ при потомках Давида: наказание Ахава; псы, лижущие его кровь, согласно пророчеству Илии по псалму 67: *...Псы будут лизать их кровь...*

Илия предрёк, что три года не будет дождя; он доказывает всем четырёмстам пятидесяти пророкам царя Ахава, что они – лжепророки, испепелив жертвенного тельца огнём, сошедшим с небес по его пророческому слову; он велит зарезать четыреста пятьдесят лжепророков, ибо не сумели они сотворить подобного чуда: все эти великие знаки Божьего могущества с пышностью представлены в трагедии «Гофолия», начиная с первой же сцены. Первосвященник Иодай сам пророчествует и возглашает, что злато превратится в свинец. Всё величественное, что только есть в иудейской истории, пронизывает трагедию от первого до последнего её стиха.

Трагедия «Гебры» не может опираться на божественную помощь: в ней говорится лишь о человеческом. Два простых воина, исполненные чести и великодушия, хотят вырвать невинную девицу из рук свирепых языческих жрецов. Ни чудес, ни пророчеств, ни велений богов: в пьесе говорит одна природа. Возможно, без чудесного вмешательства далеко не уйдёшь; но нравственная суть этой трагедии столь чиста и трогательна, что «Гебры» снискали одобрение у всех благомыслящих людей.

Если какое-либо театральное произведение может доставить публике удовольствие своими добродетельными и мудрыми высказываниями, то все согласятся, что «Гебры» – как раз такое произведение. Не найдётся правителя, коему вся земля не рукоплескала бы, услышав от него слова:

Я в мыслях гражданин, но Кесарь я в делах.
Мне мерзок фанатизм, несущий смерть и страх.

Самый дух пьесы – в этом двустии; всё в ней служит смягчению нравов, способствует умудрению народов, склоняет государей – к состраданию, а религию – к покорности воле Божией.

Нас уведомили, что некие люди, враги искусства и ещё в большей мере враги здравого смысла, составили тайный заговор против этого полезного труда; по слухам, они утверждают, будто бы всё, что гово-

рится в пиесе о древних священнослужителях Апамеи, на самом деле можно отнести к неким современным отцам церкви. Нам не верится, что даже в наш век еще осмеливаются на столь смехотворные и лживые намёки. Если наш век и впрямь обделён гением, то, по крайней мере, следует признать, что в нем царит просвещённый разум. Порядочные люди более не терпят ни злонамеренных намёков, ни притянутых за уши толкований, ни въедливой страсти выискивать в произведении то, чего в нём нет. Столь же недостойные приёмы были пущены в ход против мольеровского «Тартюфа»; тогда они не подействовали; подействуют ли сегодня?

По слухам, некие фигуристы¹ полагают, будто бы жрецы из Апамеи – это иезуиты Ле Телье и Дусен, Арзама – монахиня из Пор-Руайяля, а гебры – янсенисты. Мысль, разумеется, вздорная, но даже если признать за ней хотя бы видимость здравого смысла, то какой же из этого впоследствии выведут? А такой, что иезуиты в какой-то период времени и впрямь были гонителями и врагами общественного спокойствия; что они, вооружась бумагами, скреплёнными собственной печатью, обрекли более пятисот наших сограждан на мучения и смерть в узилищах ради никому не ведомой буллы, которую сами же состряпали; что их наконец-то наказали – и очень хорошо сделали.

Другие, непременно желая отыскать ключ для понимания «Гебров», подозревают, что в пиесе намеревались изобразить инквизицию, ибо во многих странах члены судейских коллегий устраивали заседания суда совместно с монахами-инквизиторами, дабы усерднее блюсти интересы государства; мысль, не менее абсурдная, чем первая. К чему непременно объяснять то, что не требует объяснения? К чему строить из трагедии загадку и затем упорно придумывать её разгадку? Некто Дю Маньон сообщил в печати, что в трагедии «Цинна» изображён двор... Людовика XIII.

Тем не менее, предположим, что можно уловить некое сходство между апамейскими жрецами и инквизиторами; в таком случае сие воображаемое сходство послужило бы лишним поводом для воздвижения памятников, восславляющих правителей Испании и Португалии, наконец-то обуздавших страшный произвол кровавого трибунала. Вы непременно требуете, чтобы сия трагедия была сатирой на инквизицию; добро! в таком случае благословите все парламенты Франции, всегда стоявшие против введения у нас этого чудовищного судилища, чуждого французам, – этого несправедливого, последнего всплеска тирании, этого позора для всего человечества. Вы ищете сопоставлений; но не угодно ли вам признать, что сегодня французское духовенство состоит по

¹ Фигуристы – последователи фигуризма; это религиозное течение, утверждающее, что Новый Завет есть продолжение Ветхого Завета.

большей части из людей, чья добродетель равна благородству их происхождения – людей, что по самой сути своей неспособны на гонения инакомыслящих:

Высокопочтимый суд тех пресвятых отцов
Жестокость осудил и злобу гордецов.

Святые отцы осудили гордыню и тем паче жестокость. При желании вы найдёте ещё более убедительное сходство между императором, заявившим в конце трагедии, что он желает видеть в священниках людей миролюбивых, и тем мудрым королём, что сумел умиротворить церковные распри, казалось, не имеющие конца.

Какую бы аллегория ни искали вы в этой пьесе, вы не найдете в ней ничего, кроме хвалы нашему веку.

И вот как следовало бы ответить любому, кто одержим болезненным зудом усматривать в событиях пятнадцативековой давности картину наших дней.

Если терпимость, дарованная некоторыми из римских императоров, представляется опасной иным жителям Галлии восемнадцатого века нашей заурядной эры, если они забыли о том, что Соединённые Провинции обязаны своим процветанием именно этой, столь человеческой терпимости; что ей же обязана Германия своим внутренним миром, а Россия – своим величием, своими новыми жителями, своей мощью; и если эти лицемерные политики приходят в ужас при виде добродетели, внушённой нам самой природой, если они смеют восставать против неё – да прислушаются они к тому, что мудрая терпимость советует в «Полиевкте» устами Севера:

Мне любо, чтобы всяк имел своих богов.

И пусть они признают, что в «Гебрах» это естественное право введено в разумные пределы:

Свободно веровать любой имеет право,
Но главной быть должна религия державы.

Оттого-то везде, где бы ни была представлена моя пьеса, эти стихи встречают всеобщим одобрением. А то, что единодушно одобрено всеми людьми, несомненно, служит им во благо.

Император в трагедии «Гебры» отнюдь не понимает под словом «терпимость» попустительство тому, что противно добрым нравам – он не одобряет ни разгульных сборищ, ни фанатических братств; он разу-

меет под этим понятием ту снисходительность, с коей должно относиться ко всем гражданам, мирно живущим по велению совести и поклоняющимся своему божеству, не внося при этом смуты в общество. Он не хочет, чтобы заблудших карали столь же сурово, как если бы они совершили отцеубийство. Уголовный кодекс, основанный на разумном законе, отменил бы все эти ужасы, приводящие природу в трепет: и нам никогда не пришлось бы видеть, как предрассудки вытесняют божественные законы, как нелепейшие наветы становятся убеждениями, как одна секта постоянно обвиняет другую в том, что та приносит в жертву детей: но у нас проступки сами по себе маловажные при рассмотрении в суде раздуваются до чудовищных преступлений; безобидные философские суждения истолковываются как оскорбление Бога и человечества; бедный дворянин приговаривается к смерти лишь за то, что утолил терзавший его голод, оскоромясь кониной в постный день; легкомыслие юности карается пыткой, назначенной для отцеубийц; и наконец – на диво всем возмущённым народам – дичайшие нравы утверждаются во всей их свирепости в самом средоточии того самого общества, что давно приучено к учтивому обхождению и утончённым удовольствиям.

К несчастью, именно таковы нравы иных народов во времена невежества. Чем люди невежественнее, тем они нетерпимее и озлобленнее: глупость воздвигла куда больше эшафотов, чем было в действительности преступников. Мракобесие предало пламени маршала д'Анкара¹ и кюре Урбена Грандье;² без сомнения, та же глупость породила Варфоломеевскую ночь. Когда извращён разум, человек становится хищным зверем, быки и обезьяны обращаются в тигров. Не угодно ли вам, наконец, обратить скотов – в людей? Тогда смиритесь для начала хотя бы с тем, чтобы им проповедовали разум.

ПРЕДУВЕДОМЛЕНИЕ

Трагедия «Гебры» была представлена публике как труд молодого сочинителя, пожелавшего остаться неизвестным; мы видим из рукописи истинного автора, что он намеревался приписать своё произведение покойному г-ну Демаи,³ одному из любимейших своих учеников; и вот каким образом он завершает свою рукопись:

¹ Кончини (1575-1617) – итальянский авантюрист, фаворит королевы Франции Марии Медичи. Она дала ему титул маркиза д'Анкара и произвела в маршалы Франции. Был казнён Людовиком XIII. Жену Кончини, обвинив её в колдовстве, обезглавили и сожгли.

² Урбен Грандье (1590-1634) – кюре в Лудене. Был обвинён в том, что предал во власть дьявола луденских монахинь. Сожжён заживо.

³ Жозеф-Франсуа-Эдуар де Корсамблэ де Демаи (1722–1761) – поэт и драматург, в своё время прославился как остроумный комедиограф.

«Отсюда следует, что терпимость столь же необходима в искусстве, сколь необходима она в обществе: а юный Демаи был самым терпимым человеком на свете; ненавидел он одних только наглых педантов, поистине наихудших представителей рода человеческого, – будь они гонителями, каковыми были иезуиты, или же теми, кто ради куска хлеба оскорбляет своих сограждан в печатных изданиях, как в церковных, так и в светских. И если он был беспощаден к этим бесчестным и развращённым душам, то весьма снисходительно относился к творениям человеческого гения. «Ни одно из них не совершенно, – говаривал он, – даже «Гартюф», столь близкий к совершенству. Там есть превосходные куски; вот, пожалуй, и всё, чего можно ожидать от человеческой слабости».

Жаль, что он умер столь молодым, подобно Гийому Ваде и Жерому Каре¹; возможно, втроем им удалось бы хоть немного отмыть этот век.

Итак, я отдаю «Гебров» г-на Демаи издателю как безвозмездный дар, а он отдаст его публике – за деньги.

Не оправдываю ни странности этой пиесы, ни её недостатков.

Если «Гебры» наведут скуку на моего дорогого читателя, или наскучат мне самому, или я вздумаю их перечитывать, что бывало со мной сотни раз, я скажу:

О, плод посмертный и несчастный,
Что милым Демаи рождён,
Исчезни среди толпы ужасной
Бездарных, дерзостных письмён,
Чьим безобразьем оскорблён
Париж, с провинцией согласный.
Удел, к злосчастию причастный
Для тех, кто мыслью одарён
В наш век, для разума опасный.

¹ Гийом Ваде и Жером Каре – лица неустановленные, возможно, вымышленные самим Вольтером, имеющим обыкновение часто публиковать свои труды под различными псевдонимами. (Прим. пер.).

Г Е Б Р Ы,
И Л И Т Е Р П И М О С Т Ь

Трагедия в пяти действиях
1769 год

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

ИРАДАН – военный трибун, комендант Апамейской крепости.
ЦЕЗЕН – его брат и заместитель.
СТАРЫЙ АРЗЕМОН – гебр, или огнепоклонник, землевладелец, нашедший пристанище близ города Апамеи.
ЮНЫЙ АРЗЕМОН, сын его.
АРЗАМА, дочь его.
МЕГАТИЗ, гебр, гарнизонный солдат.
ЖРЕЦЫ ПЛУТОНА.
ИМПЕРАТОР И ЕГО ВОЕНАЧАЛЬНИКИ.
СОЛДАТЫ.

Действие происходит в Апамейской крепости, что на реке Оронт, в Сирии.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

СЦЕНА I

ИРАДАН, ЦЕЗЕН

Цезен

Мне служба в тягость, брат. Не напасусь терпенья.
Мы чести воинской снесём ли униженье?
Зачем пятнадцать лет, сражаясь вновь и вновь,
Во славу Кесарей мы проливали кровь?
Чтобы зачахнуть здесь, вдали от славы мира,
В подручных у жреца, над нами командира?
Мне в Апамее жить – ужаснейший удел.
Я под твоей рукой искал великих дел,
Я подражал тебе, чтил твой закон сурово,
Но для тебя закон – жрецов надменных слово.
Бесчеловечные, чьё божество – Плутон,

Тебе диктуют свой чудовищный закон.
Ум возмущается, и честь моя свидетель,
Что ты – первейший их пособник и радетель.

И р а д а н

Брат, те же горести терзают грудь мою,
Но я не столь горяч и их в душе таю.
Что делать мне? Кто я? Воитель поневоле,
Я – римский гражданин, рождённый в скромной доле,
И, покровительства не обретя ни в ком,
Я вынужден влачить сей мерзостный ярём.
Плутоновых жрецов в покорной Апамее
Тем крепче произвол, что нет его древнее:
Чем длительней обман, тем более он свят,
И сами Кесари плутонов чтут обряд.
Оронт меж персами и нами волны катит.
Коварным варварам наш Галлиен оплатит
За то, что пленником, в цепях, под гнётом лет
Угас Валериан в круговращенье бед.
Отмстить за смерть отца он волен, нет сомненья,
Притом в его глазах культ персов – преступленье.
Страшится Галлиен, но прав ли, – кто поймёт? –
Что скорый на мятеж, изменчивый народ
К персидской ереси придёт неоспоримо,
Враждебной и богам, и всем законам Рима.
Здесь, в сердце Сирии – так кесарь говорит –
Немало новых сект роится и бурлит;
Они непрочный мир Империи встревожат
И Галлиена власть окоротят, быть может.
Вот он и хочет суд к суровости призвать.

Ц е з е н

Нет, верноподданный не станет подрывать,
Пусть иноверец он, Империи опоры:
Алтарь и трон в душе вести не могут споры!
Я сердцем чту богов, и Кесарю я щит.
А если вера их твой разум помутит,
Ужели, милый брат, изменишь ты присяге,
Не выполнишь свой долг, лишишься вдруг отваги?
Пусть персы Кесарем на смерть осуждены,

Но можно ли казнить, не доказав вины?
И как ты можешь, брат, вершить свой долг неправый,
Хотя и заодно с тобой Сенат кровавый?

И р а д а н

Народу здешнему пристало, говорят,
Железное ярмо и суд страшней, чем ад.
Там, в Капитолии, верней искать защиты,
Но здесь сердца судей для милости закрыты.
Трибун, я голосом в Сенате наделён;
Пытался я смягчить безжалостный закон,
Но суд меня лишал в неправедном усердьи
И права защищать, и права милосердия.

Ц е з е н

Покинем службу, брат, уйдём от злых людей!
Уж лучше бы мне жить в пустыне, меж камней,
Трудами рук своих, у дикого народа,
Чем пресмыкаться здесь, в неволе без исхода.

И р а д а н

Поверь мне, сотни раз отречься я хотел
От праздных почестей и от постыдных дел,
Надеждой пренебречь, отбросить опасенья,
Стать независимым и жить в уединенье;
Теперь же я страшусь – не донесли б на нас:
Ничто не скроется от вездесущих глаз.
Увы! Ты знаешь сам, что в первые походы
Близ Персии границ мы проводили годы.
За валом крепости Эмесской наш очаг –
Там заключили мы запретный, тайный брак:
Но святость наших уз – для римлян преступленье,
Лишь смерть преступникам подарит искупленье,
И Кесарь, ополчась на персов, может быть,
Накажет нас за то, что смели мы любить.

Ц е з е н

Мы заслужили смерть. Связав себя цепями,

Зачем сражались мы под римскими орлами?
Солдатская судьба! Послушливым мечом
Убийца рушит всё – отчизну, отчий дом,
Приказы претора он исполняет браво,
Он льёт людскую кровь – за мзду! И это слава!
Так мы, наёмники, бестрепетной рукой
В краях, нам дорогих, струили кровь рекой.
Кто знает – может быть, в Эмессе подожжённой
От нашей ярости погибли наши жёны
И дети? Был приказ – разрушить всё кругом.
Всё истребил огонь, и там, где был наш дом,
Нет и следа его на общем пепелище.
Ни скудного добра не жаль нам, ни жилища,
Но жён возлюбленных, но в колыбели чад!
Твой сын и дочь моя без погребенья спят...
Не Кесарь ли вернёт бесценные утраты?
Ему служили мы, и в этом виноваты:
Повиновались мы, когда он длань простёр
И повелел разжечь чудовищный костёр,
Мы отдали ему, посеяв смерть и муки,
И доблесть подлую, и купленные руки!

И р а д а н

Я так же думаю, меня ты знаешь, брат,
Укоров совести и годы не смягчат.
Нет, мне не по сердцу бойца призванье злое:
До смерти плакать мне над скорбною золою
И руки проклинать, что милых не спасли,
И слёзы полюбить, что боль не унесли.
Чего ещё нам ждать в извечном сокрушенье?
Ночей отчаянья и дней без утешенья.

Ц е з е н

Зачем же хочешь ты течение горьких дней,
Неся постылый долг, терзать ещё больней?
Сбрось ненавистный гнёт, противный нашей чести,
Просись у Кесаря служить на новом месте:
Он ныне к крепости намерен подойти.

И р а д а н

Нет никого, кто б мог меня к нему ввести.
Пробьюсь ли я к нему сквозь толпы ненавистных,
Верховного судьи прислужников корыстных,
Сквозь весь придворный сброд, льстецов летучий рой,
Вослед властителю несущийся гурьбой
И оттесняющий достойных, но безвестных,
От царственных палат, где унижают честных?

Ц е з е н

И всё же припадём к стопам его сейчас:
Коль Кесарь справедлив – он выслушает нас.

СЦЕНА II.

ИРАДАН, ЦЕЗЕН, МЕГАТИЗ

И р а д а н

– Чего тебе, солдат?

М е г а т и з

– Жрецы из Апамеи

Нагрянули толпой и требуют скорее
Впустить их – мол, с тобой желают говорить.

И р а д а н

Чьей кровью им алтарь угодно обогреть?

М е г а т и з

Тираны!

Ц е з е н

Ухожу я, брат, с меня довольно.
Неукротимый гнев я выкажу невольно,
Да и трибуна чин ещё я не снискал,

Чтобы идти судить в кровавый трибунал,
И только твой отъезд меня к тому принудит.
Так пусть же власть твоя на деле властью будет,
Смягчи их приговор, прощенье возгласи
И от заклятия несчастных упаси!

СЦЕНА III.

ИРАДАН, ВЕРХОВНЫЙ ЖРЕЦ ПЛУТОНА И ЕГО СВИТА;
МЕГАТИЗ, СОЛДАТЫ

И р а д а н

Что привело тебя ко мне, богов орудье?

В е р х о в н ы й ж р е ц

Их воля, их закон, заботы правосудья,
Веленье Кесаря.

И р а д а н

Их почитаю я
И повинуюсь им. Так что же весть твоя?

В е р х о в н ы й ж р е ц

Мы смерти обрекли преступную девицу,
Персидской ереси и магов ученицу –
Творя свой мерзкий культ, нечестия полна,
Пред солнцем преклонясь, кляла богов она;
Противу Кесаря умыслив преступленье,
Презрела дерзкая и наше осужденье.
Ты должен утвердить решение жрецов –
Вина доказана, палач уже готов.

И р а д а н

Ужели смерть!

В т о р о й ж р е ц

Таков закон, и казнь законна.

И р а д а н

Закон жесток.

В е р х о в н ы й ж р е ц

Ей смерть. Решение непреклонно.

Её тебе во власть я предаю сейчас,
Исполни наш закон и Кесаря приказ.

И р а д а н

Как! Девочку? Дитя?

В т о р о й ж р е ц

Ни пол, ни возраст нежный
Не отвратят богов от мести неизбежной.

И р а д а н

Всё ж выслушай её, дабы судить верней.

В е р х о в н ы й ж р е ц

Мы и свидетели, и судии над ней.
И пусть кощунствовать остережётся воин,
Коли служить при мне он чести удостоен!
Великого жреца ты задеваешь честь,
И тенью равенства не смей себя вознесть!
Святой закон богов не оскорбляй, сын праха,
Ждут боги от тебя покорности и страха,
Казнить и миловать сам Кесарь дал жрецам,
Тебя научит он повиноваться нам.

И р а д а н

Я воин Кесаря, и верен я не ложно,
Он – власть.

В е р х о в н ы й ж р е ц

Да, над тобой.

И р а д а н

И над тобой, возможно.

В е р х о в н ы й ж р е ц

Над нами – власть богов!

И р а д а н

Не дале алтаря.

В е р х о в н ы й ж р е ц

Мы служим им везде, их грозный суд творя.

И р а д а н

Известны мне твои права; но прав лишают
Того, кто власть свою надменно превышает.
Первосвященники, чьей славой полон свет,
Бесчеловечности поставили запрет:
Они людскую кровь на алтари не лили,
Но за людей всегда благих богов молили.
Вот для тебя пример. Пока здесь правлю я,
Напрасно думаешь тех прав лишить меня,
Что Рим военному трибуну предоставил:
Здесь произвол ещё законами не правил.
Пойдем же в трибунал, да будет правым суд.
Эй, стража! Именем закона, пусть введут
Злосчастное дитя, чьи мне горьки невзгоды.
Умейте уважать и пол её, и годы,
И тягостный удел, хоть ваш обычай крут,
И твёрдо помните: лежачего не бьют!

(поднимается к скамьям трибунала)

Жрецы, вот вам места: то Кесаря желанье.

В е л и к и й ж р е ц

Он скоро дерзкое накажет ослушанье.

СЦЕНА IV.

Те же и АРЗАМА (ИРАДАН сидит между первым и вторым жрецами).

И р а д а н

Приблизься, дочь моя, не бойся, встань вон там.

В е л и к и й ж р е ц

Мы видели, как ты сжигала фимиам,
В честь бога ложного нечистый культ свершая,
Тем истинных богов почтения лишая;
Священный наш устав ты смела оскорбить,
Кощунства твоего ничем не обелить.

В т о р о й ж р е ц

Молчит; а слышит ли? Не подаёт и вида –
И праведным богам, и нам, жрецам, обида!

И р а д а н

Жрецы, в сердца вам дух жестокости проник,
У правосудия совсем иной язык:
И строгий судия пусть справедливым будет,
Простой солдат, как я, подчас верней рассудит.
Скажи мне, дочь моя, ужель не веришь ты
В незыблемых богов, что исстари святы?

А р з а м а

Не верю, господин.

В е л и к и й ж р е ц

Довольно!

Второй жрец

Речи эти –

Признание вины; она за них в ответе.

Ирадан

Нет, не довольно, жрец: когда разит закон
Сирийских подданных, чей разум извращён
Персидской ересью, им должно в наказание,
Покинув наш предел, отправиться в изгнание;
Она из Персии, и следует её
Отсюда в отчий край отправить на житьё.
Откуда родом ты? Чтоб ведал о тебе я,
Кто твой отец и мать, скажи мне, не робей.

Арзама

Спасибо, господин, за доброту твою!
Я истины святой вовек не предаю,
Её моя душа предпочитает жизни,
Не обману тебя: здесь я в своей отчизне.

Ирадан

Цвет добродетели! Правдивость чистоты!
Жрецы богов, ужель невинные черты
Не тронут ваших душ ни роковым несчастьем,
Ни простотой её, ни к юности участьем?

Великий жрец

Нам жалость ложная в суде запрещена:
Солнцепоклонница, мы видели, она.
Пусть солнце, видя грех, казнь грешницы увидит.

Арзама

Пока не поздно, пусть к вам справедливость снидет!
Предубеждения исполнены вы к нам
И веру гоните, неведомую вам.
Узнайте же: ни диск, встающий на восходе,

Ни ваши божества, разлитые в природе,
Что, как вы верите, и в воздухе парят,
И движутся с волной, и населяют ад, —
Над верою моею не возымеют силы.
Не солнцу светлому я жертву приносила,
Но Богу высшему, создателю его,
Что злых гонителей карает торжество,
Тому, кто создал свет в начальный день творенья!
Что солнце? — слабое Его отображенье:
В нём всемогущий Бог свой ясный лик явил
Бледнейшим отсветом — в ярчайшем из светил.
Мы в солнце лишь Его прообраз обожаем.
Нам Зороастр, святым прозреньем побуждаем,
Открыл Единого, чей вам неведом зов,
Но перед ним — ничто вся ваша тьма богов,
Страшусь за вас Его десницы справедливой!
Его святой завет — жить жизнью незлобивой,
Блюсти закон отцов Он научил людей,
Чтить императора, будь даже он злодей,
Быть верными, не пасть до клятвопреступленья;
Вовеки не чинить невинным притесненья,
В суде блюсти закон, но с добротой отца;
Для бедных раскрывать и длани, и сердца.
Он души оградил от ярости надменной,
Он хочет, чтоб для нас любовь была священной,
Он заповедь добра приносит людям в дар.
Таков мой Бог, жрецы: осмелитесь на удар.

И р а д а н

Вы не осмелитесь! Её чистосердечье,
Отвага юная, невинность, красноречье,
Её неведение ваш грозный дух смягчит,
Что благочестием неумолимость чтит.
Признаюсь вам, жрецы: в её речах есть сила,
Которая меня невольно победила;
Хоть заблуждением её я огорчён,
Но добродетелью сердечно восхищён.
Пусть преступлению судьёю небо будет,
Отмщение богам, а смертный — да не судит!
Пусть Кесарь голову мою снимает с плеч
За то, что я туплю закона острый меч —

Я милую её.

В е р х о в н ы й ж р е ц

Но я – я осуждаю!
Мы не потерпим здесь, я прямо утверждаю,
Чтоб неуч из казарм законность попирал
И безнаказанно преступность покрывал.

В т о р о й ж р е ц

Мы также знать должны, кто девы совратитель,
Кто тайный тот бунтарь, преступницы родитель,
Чья кровь нечистая ей с жизнью дана.

А р з а м а

Как! Вам на муки я отца предать должна?!
Отцеубийством ли кров оскверню домашний?!
Нет – чем неправей вы, жрецы, тем я бесстрашней.
Где есть такой тиран, закон или указ,
Чтобы к предательству отца принудить нас?
Я вам сказала всё, чтоб вас краснеть заставить.
Довольно спрашивать. Мне нечего добавить.

В е р х о в н ы й ж р е ц

Увидим... Берегись в темницу к нам попасть.
Трибун, передаём тебе над нею власть.
Именем Кесаря, ты за неё в ответе,
И верен будь, неся обязанности эти,
Законам Кесаря и римским божествам.

СЦЕНА V.

ИРАДАН, АРЗАМА

И р а д а н

Законы Кесаря да боги тут и там!
Священным именем злодеи множат ковы
И взять самих богов в сообщники готовы!

Надейся, бедная, да есть ли в этом толк?
Ты видишь, что на мне лежит тяжёлый долг.
Но должность должностью, а сердцу жаль гонимых!
Совет плутоновых жрецов неумолимых
Своим решением тебя на смерть обрѣк;
Я оправдал тебя и спас бы, если мог,
Но что пред ними я? Чтут люди их уставы,
Их Кесарь слушает, и приговор кровавый
Свершится, может быть, как ни противься я.

А р з а м а

Всю душу потрясла мне доброта твоя!
Уже не так страшусь я казни неминучей.

И р а д а н

Смягчи неправый суд, не упуская случай:
От веры отрекись и Кесаря моли.
Прошу тебя, дитя!

А р з а м а

Не стану, не вели!

И р а д а н

Меня бросает в дрожь, и как не подивиться
Упрямству, странному для молодой девицы:
Ты, предрассудок свой превыше римских чтя,
Готова жизнь отдать, а ты ещё дитя!

А р з а м а

За Бога праотцов и ради их закона
Увы, приму я смерть от рук жрецов Плутона,
В мученьях тягостных свои окончу дни
За то, что верую иначе, чем они!
Прости мне этот крик тоски, тебе понятной,
И всё же не могу пойти я на попятный!
Я пытки лютые без ропота приму
И руку добрую твою к устам прижму.

И р а д а н

О, как бесстрашна ты перед лицом угрозы!
Несчастное дитя! Я над тобой лью слёзы,
А ты, встречая смерть, слезинки не прольёшь!
Суши твои глаза. Но нет, ты не умрёшь:
Хочу я, несмотря на всё твоё упорство,
С убийцами детей вступить в единоборство.
Но я твоих родных увидеть должен сам.
Ты чья?

А р з а м а

Дочь смертных я, неведомых властям,
Смиранных в бедности; прилежными руками
Век трудятся они над мирными полями,
И Богу своему, и Кесарю верны.

И р а д а н

И будут вестью сей, как громом, сражены.
Скажи, как их зовут.

А р з а м а

Молчала я, доколе
Моих мучителей злокозненная воля
Велела мне предать очаг моих отцов.
Тебе открою то, что скрыла от жрецов.
Отец мой – Арземон. Как судьбы повелели,
Я матери моей лишилась с колыбели,
Едва её узнав, рассталась с нею вдруг –
Ей душу подточил неведомый недуг.
Но смутно в памяти храню лицо родное:
Я помню, как она рыдала надо мною...
Я родилась на свет для горя и скорбей.
Отец меня взрастил в религии своей,
Иной не знаю я – она проста, как воды,
Чистейший Божий дар из рук самой природы.
Я за неё умру.

И р а д а н

О, небо! Поспеши,
Спаси младую жизнь прекраснейшей души!
Отец твой, верно, здесь? Скажи мне откровенно.

А р з а м а

Он, господин, привёз для войска Галлиена
Трудами рук своих возвращённые плоды.
Я поливала сад, там и мои труды;
Жизнь деревенская проста, хоть и сурова.

И р а д а н

Живи, достойная дочь века Золотого!
И я б хотел так жить! Что ты ни скажешь мне,
Всё откликается в сердечной глубине;
Прекрасная душа, живи, молю об этом,
Взываю к солнцу я с его чистейшим светом,
В чьих благостных лучах тебя увидел я –
Ты чтить его, но знай, священной жизнь твоя;
Пока я на посту, не смеют изуверы
Ей положить предел, не зная в злобе меры.
Идите, стражи, с ней, да не смыкайте глаз,
Чтобы её жрецы не выкрали у вас,
И стойте до конца, к ней доступ воспрещая –
Прекрасно умереть, невинность защищая.
Ступайте.

А р з а м а

Как ты добр! Печальных дней исход
Достоин ли твоих отеческих забот?
Заступник и отец, умерь свои старанья!

СЦЕНА VI.

И р а д а н

Я далеко зашёл: гнев, жалость, состраданье –
Пред императором немалая вина.

Мне верность воинов моих – и та страшна:
Ложь – неизменная для храбрости препона,
Почтение к богам веками неуклонно
Нас, смертных, предаёт душителям умов.
Уже я вижу их, напуганных бойцов –
Они сочтут себя покрытыми позором,
Коль крови не прольют, помедлив с приговором.
О, предрассудка власть, дрожу я пред тобой!
Жрецы плутоновы, вас не проймёшь мольбой,
Исчадья адовы, как сам Аид, ужасны!
Не испугаете, старания напрасны –
Сильней, чем ваша власть, желанье движет мной:
Спасти невинную; в том вижу долг прямой.
Он душу мне живит, торопит неизбежность,
И сердца правый гнев удваивает нежность.
Вы чтите злых богов, но злоба не мудра,
И против вас со мной – Бог света и добра.

Перевод с французского Майи Квятковской

ИРИНА ФЕЩЕНКО-СКВОРЦОВА

ЛИРИКА ЛУИСА КАМОЭНСА:

особенности поэтического мира и манеры письма португальского гения

Луис Камоэнс (1524 – 1580) или Луиш Ваз де Камоэнш, как звучит его имя на португальском языке, по праву считается Первым поэтом Португалии. Именно его называют создателем португальского литературного языка. Его первенство оспаривает Фернандо Пессоа (1888 – 1935), всю жизнь соревновавшийся с Камоэнсом, критиковавший его знаменитые творения, и всё же самóй этой критикой показывавший, как во многом он равняется на знаменитого предшественника.

В отличие от многих португальских поэтов, из творчества которых до русского читателя пока дошли лишь отдельные произведения, Камоэнс достаточно известен в России. Ещё в XVIII и XIX веках здесь появились прозаические переводы его грандиозной эпопеи «Лузиады». В 80-ых, 90-ых годах XX столетия появились фрагменты эпопеи, переведённые И. Тыняновой и А. Косс. В 1988 г. вышел первый полный стихотворный перевод учёного-исследователя и переводчика Ольги Ов-

чаренко, который отличается академической точностью, снабжён богатым справочным материалом. Он неоднократно переиздавался вместе с сонетами Камозэнса в переводе В. Левика, Е. Витковского, М. Талова, В. Резниченко и др. В 2014 году Центром книги «Рудомино» был опубликован стихотворный перевод «Лузиады» М. Травчетова (1889–1941), в основном, завершённый к 1941 году, но не законченный из-за преждевременной смерти переводчика в блокадном Ленинграде.

Несмотря на эти публикации, творчество Камозэнса – сокровищница, из которой ещё можно черпать неисчислимы богатства. Русские почитатели Камозэнса ждут появления новых переводов, как эпопеи «Лузиады», так и малых поэтических форм, вышедших из-под пера португальского гения.

В подготовленной мной небольшой подборке переводов невозможно показать всё разнообразие поэтических форм, неповторимость почерка лирики Камозэнса. Позволю себе сделать только несколько замечаний – впечатлений о том, с какими интересными особенностями поэтического мира португальского поэта сталкивается его переводчик.

Поэт португальского Возрождения, блестяще образованный, в том числе в области античной литературы и философии, Камозэнс в своём творчестве соединяет вещи, казалось бы, несовместимые. Изящные сонеты в духе Франческо Петрарки (1304–1374), глубокие по мысли, отражающей воззрения различных философских школ, соседствуют с «кантигой» и «вилансете» – песнями в духе народной португальской поэзии, а также с «траваш», написанными в соответствии с традицией галисийско-португальских трубодуров.

Поэзия, следующая традициям средневековья, написана в форме редондилы – малой (пятистопник) и большой (семистопник). Поэтические формы, соответствующие духу эпохи Возрождения, – это сонеты, оды, элегии и пр. Редондилы, написанные для декламации при дворе, отличаются легким слогом, его шутливостью, отшлифованностью. Те же редондилы, что следуют традициям португальского фольклора (кантига и вилансете), имеют более свободную форму. Но и в эти, на первый взгляд, такие простые песенки, часто посвящённые повседневной жизни народа, Камозэнс включает антитезы, парадоксы, тонкую иронию, многообразие смыслов. Примером такой песни, где, словно в калейдоскопе, смыслы переходят друг в друга, является вилансете «У перепела перьев нет». Я думаю, что передать всё её очарование в переводе просто невозможно, ведь слово «репа» в португальском языке означает не только птичье перо и перо, которым пользовались для письма, но и горе, страдание, наказание, кару и многое другое. Этой многозначностью блестяще пользуется Камозэнс. Есть мнение португальских критиков, что это произведение посвящено самой недостижае-

мой «музе» Камозэнса – инфанте доне Марии Португальской (1521–1577). Конечно, через века трудно говорить о чём-то наверняка, но предположение об этой любви, послужившей причиной изгнания поэта, видимо, имело под собой основания. Кстати, прекрасная, умная и широко образованная инфанта отвергла весьма перспективные предложения претендентов на её руку и осталась незамужней.

Имитируют народные песни и приведённые здесь кантига «Вот Лианор – у ручья...» и вилансете (более короткая, по сравнению с кантигой, песня) «Босая по травам ловко...». Обе они – о простой селянке Лианор, описывают типичные сценки жизни португальской деревни.

Сонеты Камозэнса – единственная стихотворная форма в лирике Камозэнса, которая привлекла внимание многих переводчиков. Русские переводы сонетов Камозэнса публиковались, начиная с 1964 года. Некоторые критики, как португальские, так и отечественные, отмечают большое влияние Петрарки на Камозэнса, кое-кто при этом прямо называет некоторые его сонеты переводами сонетов итальянского мастера. Фернандо Пессоа также писал о том, что Камозэнс говорит о своей любви языком Петрарки. Конечно, сама форма сонета пришла в Португалию из Италии; конечно, Камозэнс во многих сонетах следует за Петраркой в идеализации образа возлюбленной и утверждении идеи возвышенной духовной любви. Но, стоит сравнить два текста (Петрарки и Камозэнса) одного из таких сонетов: «О, душа, что живёт в лазурной дали...», и мы видим, как к совершенной любви, возносящейся к звёздам, в сонете Петрарки, у Камозэнса добавляется горячая кровь очень человеческих чувств – раскаяния, жгучей тоски по любимой. Эти чувства пришли от горького жизненного опыта: считают, что этот сонет обращён к погибшей рано возлюбленной поэта – Динамене. Противоречивость земной, а не идеальной любви, описывает португальский поэт и в одном из самых известных своих сонетов «Любовь – огонь, что жжёт тебя незримо...».

Один из самых известных сонетов Камозэнса – «Любя, в любимую преобразиться...». Многие критики считают, что в нём поэт столкнул между собой воззрения двух философских школ: Аристотеля и Платона, а вернее, неоплатонические идеи псевдо-Дионисия Ареопагита (греко-силийский философ IV–V вв). Чистая идея неоплатонической школы – та возлюбленная, которая стала частью души поэта. Эта возвышенная связь между любимой и любящим, связь духовная, которая делает ненужным приземляющий её телесный контакт. Именно эта мысль проводится в двух катренах сонета.

Но утверждение Аристотеля, что субъект для случая, ситуации представляет собой потенцию, которая может осуществиться в действии, акте, приводит к выводу: субъект приобретает реальность, пре-

терпевает процесс своего становления только в результате «взаимоотношения» с определённым случаем – ситуацией. Любовь – субстанция, первичная материя, из которой создаётся весь мир. Она составляет существо поэта. Но она – потенция, которая ищет возможности воплотиться, ищет формы. И этой формой может стать горячая, живая земная любовь, дополняющая любовь возвышенную, описанную в катренах. Так, в терцетах Камознс вводит частичное отрицание утверждений катренов. Так, столкновение мира чистых идей Платона с аристотелевскими представлениями о соотношении материи и формы делает этот сонет маленьким шедевром, совершенным по форме и глубочайшим по содержанию.

Опубликованные русские переводы сонетов Камознса все выполнены пятистопным ямбом. Мне представляется, что подобная манера перевода упрощает эти сонеты, делает их однообразными, монотонными, «стрижёт их под одну гребёнку». Если внимательно посмотреть на метрическую схему сонетов Камознса, мы не увидим такой правильности. Камознс использует в своих сонетах метрику «сапфического» десятисложника (ударения на 4, 8 и 10 слогах) или «героического» (ударения на 6 и 10 слогах). Но далеко не каждый стих (строка) построен по этому стандарту. Очень часты ударения на 1, 3 или 7 слог десятисложника. Кроме того, у Камознса встречаются и нарушения в числе слогов, есть сонеты, где, наряду с десятисложником, есть восьми- и девятисложные строки. Вообще, надо отметить, что в португальской поэзии исторически сложилась метрика, имеющая достаточную степень свободы. Это подтверждают исследования португальскими критиками экспериментов с античными ритмами «португальского Горация» – Рикарду Рейша, одного из самых интересных гетеронимов Фернандо Пессоа¹. В частности, для португальского сонета существуют, кроме метрических схем, уже упомянутых выше, и кроме чисто ямбической формы, ещё такая динамичная форма, в которой ударения делаются на 3, 6 и 10 слоги, а также «галисийская флейта» с ударениями на 4, 7 и 10 слоги. Обе последние метрики соответствуют русскому дольнику или логоэду, в котором могут сочетаться стихи, составленные из разнометрических стоп (например, дактилей и хореев или ямбов и хореев). Звучание таких стихов очень разнообразно. Благодаря такой «неровности» стиха создаётся полифоническая мелодия, очень украшающая сонеты Камознса.

Я попыталась показать это на примере сонетов: «О, душа, что живёт в лазурной дали», где метрика героического десятисложника перебивается ударениями на 1 и на 3 слог в отдельных строках; «Да, времена, что ни час, мудреней», в котором использовала ритм «галисийской

¹См. статью И. Фещенко-Скворцовой «Триумфальный день Фернандо Пессоа». // «Иностранная литература». – 2015. – № 7. – СС. 232-243. <http://magazines.russ.ru/inostran/2015/7/12fshsk.html>

флейты», и сонета «Цепь гор, что издали видна...», где я, чтобы уподобить перевод оригиналу, специально перебила десятисложник восьмисложными строками.

ЛЮБЯ, В ЛЮБИМУЮ ПРЕОБРАЗИТЬСЯ...

Любя, в любимую преобразиться
Фантазией всеильной, полной страсти.
Она во мне, моей покорна власти,
Чего ещё желать, к чему стремиться?

Она – моя душа, певунья, птица,
И телу не добиться лучшей части,
Собой утешиться – нет слаще сласти
Для тела, чей кумир в душе таится.

Она богиней, красоты фиалом¹,
Как свойство ждёт предмета, мужа – случай,
Так льнёт ко мне всей сутью безупречной,

Но всё ж царит – идеей, идеалом;
Любовь же, чей во мне огонь могучий, –
Материя – и формы ищет вечно.

О, ДУША, ЧТО ЖИВЁТ В ЛАЗУРНОЙ ДАЛИ

О, душа, что живёт в лазурной дали,
Рано ты от тоски ушла земной.
Отдыхай, наполняясь тишиной,
Я же боль изживу свою едва ли.

Если только любви, людской печали
Место есть в небесах, в стране иной,
Замутится ли смертной пеленой,
Что в сиянии глаз мы увидали?

¹Фиал - сосуд из стекла, употреблявшийся в Древней Греции для культовых и бытовых нужд. Имел форму широкой плоской чаши с тонкими стенками, слегка загнутыми внутрь краями и полусферическим выступом на дне. (Прим. пер.).

Коль вину искупает эта рана,
Боль, что жалит меня, как туча ос,
Боль потери, что помню постоянно, –

Бога ты моли ради этих слёз,
В твой приют вознести меня так рано,
Как от взоров моих тебя унёс.

ЛЮБОВЬ – ОГОНЬ, ЧТО ЖЖЁТ ТЕБЯ НЕЗРИМО...

Любовь – огонь, что жжёт тебя незримо;
Она – боль раны той, которой нет;
Блаженство, но тоска идёт вослед;
Безумный сон, тобой боготворимый.

С ней ненависть роднится нестерпимо;
Живёт в ней радостных потерь секрет,
И счастье, и о счастье вечный бред;
В любой толпе – сиротство пилигрима.

Любовь – идти с отрадою в тюрьму;
Грудь подставлять под тяжкие увечья;
Быть преданным убийце своему.

Но как сердца спрягает человечьи,
Приязнь рождая, в толк я не возьму,
Когда сама Любовь – противоречье?

ДА, ВРЕМЕНА, ЧТО НИ ЧАС, МУДРЕНЕЙ

Да, времена, что ни час, мудреней,
И человек не такой, что был ране.
Мир – в переменах, совсем как в тумане,
Новые нравы – старинных чудней.

Жизнь изменяется, видится в ней
Вовсе отличное от ожиданий;
Боль – от страданий, алкающих дани,
И ностальгия – от радостных дней.

Время ковры травяные покрова
Стелет, где снег простирался, как пена,
Плачем певучее делает слово.

Средь перемен лишь одно непременно
И удивлять нас всечасно готово:
Что переменчива и перемена.

ЦЕПЬ ГОР, ЧТО ИЗДАЛИ ВИДНА...

Цепь гор, что издали видна,
каштаны пышные в дозоре,
и бег ручьёв – здесь не таится горе,
и здесь печаль избыта вся до дна;

земля, что негою осенена,
и хриплый, вечный рокот моря,
и скот пасущийся, и зори,
и облаков любовная война;

и, наконец, всё то, что близь и даль
мне предлагают, блеск природы милой,
один я и не замечаю даже.

Так, без тебя всё это мне постыло;
И без тебя, чем радостней пейзажи,
Тем бóльшую я чувствую печаль.

БОСАЯ ПО ТРАВАМ ЛОВКО...

Босая по травам ловко,
Идёт Лианор близ жнива;
Беспомощна и красива.

Кувшин венчает головку,
Руки белейшие малы,
Пояс на ней ярко-алый,
Складки на юбке, шнуровка;
Фартук нарядный – обновка.

Гибкая станом, как ива,
Беспомощна и красива.

Чепец открывает шею,
Струятся золотые косы,
В них лента в цвет абрикоса,
Ах, свет струит, хорошея,
Весь мир любит её.
Нежна красота, на диво –
Беспомощна и красива.

ВОТ ЛИАНОР – У РУЧЬЯ...

Вот Лианор – у ручья
С кувшином, слёзы глотая,
Подруг об одном пытая:
– Ну, где он, любовь моя?

О нём все думы бедняжки,
Она от тоски устала,
И вздохами песня стала,
О, как эти вздохи тяжки!
Там Лианор – у ручья,
О милом с тоскою мечтая,
Подруг об одном пытая:
– Ну, где он, любовь моя?

Закрыла лицо рукой,
Глаза опустила долу,
На время боль поборола,
И слёзы не льёт рекой.
Молчит, страданье тая.
Утихнет боль, но возврат
Усилит боль во сто крат,
И боль острее острия.

Слезами боль не унять,
Ведь если сердце в разоре,

То слёзы осушит горе.
Заплакала вдруг опять,
Видать, сказали друзья,
И весть о милом – худая,
Ну вот и стоит, рыдая.
Стоит, сама не своя.

У ПЕРЕПЕЛА ПЕРЬЕВ НЕТ...

У перепела перьев нет:
Сто бед – друг за другом вслед.

Перепел, небо порукой,
Коль вознесётся высоко,
Перья спалит он жестоко,
Зато оперится мукой.
Как ни ищи, ни аukai,
Нет крыл, чтобы взмыть в рассвет:
Сто бед – друг за другом вслед.

Хочет взлететь, с ветром споря,
Но не находит он крыл;
Страданий же не избыл
И умирает от горя.
Стонать лишь примется, вскоре
Поймёт, что себе во вред:
Сто бед – друг за другом вслед.

Перевод с португальского Ирины Фещенко-Скворцовой

ВЕРА ХОРВАТ (род. в 1954 г.)

Вера Хорват (г. Смедерево, Сербия) – поэт, эссеист, искусствовед, литературный переводчик, литературный и художественный критик, автор около двадцати книг поэзии, эссе и поэтических переводов. Переводит с русского, английского, украинского и болгарского. Её стихи переводились на русский, украинский, греческий и английский языки. Прозу, поэзию, эссе, художественную и литературную критику публикует в сербских и иностранных журналах. Обладатель наград: Смедеревский

Орфей, (Сербия, 1974), Милош Н. Джурич (Союз литературных переводчиков, Белград, Сербия, 2000); Золотой значок Сербского культурного и образовательного сообщества (2000); Грамота Св. Саввы (Сербия, 2006), Хрустальное перо (Тверь, Россия, 2013). Участница международных фестивалей поэзии в Сербии, России, Боснии и Герцеговине, Румынии.

Одной из вершин поэтического творчества Веры Хорват стала книга «Дунайские таблицы» (2009; русский перевод автора этих строк – 2015), представляющая собой удивительное лирико-философское исследование культур, исторически связанных с Дунаем. Восемь стихотворных циклов книги могут быть прочитаны как своеобразное поэтическое плавание во времени, связующее древние цивилизации Придунавья с нынешним днем. В развитии целого ряда философских и культурологических тем «Дунайские таблицы», как и многие другие книги Веры Хорват, обнаруживают преемственность с традициями сербской поэзии XX века (Миодраг Павлович, Злата Коцич) и органическую связь с русской культурой, в том числе влияние поэтического языка Велимира Хлебникова и Марины Цветаевой.

Поэзию Веры Хорват отличают богатейшая тематическая и смысловая полифония, мастерское использование постклассических форм письма, виртуозная языковая игра на нескольких уровнях (фонетическом, морфологическом, синтаксическом), глубокое проникновение в этимологию славянских и других индоевропейских языков, выразительное сочетание различных приемов звукописи, идеографики и «семантического скольжения».

Предлагаемый вниманию читателя «Августовский триптих» из книги «Зима в Венеции» (2011) – цикл лирических миниатюр, в которых наиболее характерные для Веры Хорват поэтические средства послужили воплощению тем и образов, связанных с общими для русских и сербов христианскими праздниками, в уникальные звуковые полотна с тонкой палитрой, передающей необычайную эмоциональную глубину и духовную напряжённость лирического высказывания.

Олег Комков

АВГУСТОВСКИЙ ТРИПТИХ

МЕДОВЫЙ СПАС

Ныне подворье что улей горит –
ангел на лестовку августа разом
нижет три камушка, бусинки три:
из янтаря, изумруда, топаза

К первому спасу всё медоточит
чистою благостью исцеленья –
слух затвори взор заточи:
чудо свершается преображенья

Мята вербена солодка тимьян
вейник самух репешок медуница
вереск боярышник липа каштан
мак незабудка пион и кислица

фенхель манжетка укроп и шалфей
благоуханное пролили миро
тёрн ежевика рябина кипрей
вишня кизил горечавка аира

Их целованье принять поспеши –
дух исцелится в окрепшем теле
тьму поскорей прогони из души:
лодка бездонная – горше мели

Темя пускай благодать охмелит
веки омой в ликованье великом –
уст онемевших да не опалит
плат с нерукотворным ликом

ЯБЛОЧНЫЙ СПАС

Яблочный спас
Днесь на подворье –
сладостных волн разливы
дух васильков
и первой грозди,
лопнувших персиков
и сливы

Сыплется гречка
струится ячмень
стекается
жито с нивы –
белица-пшеница
что искупила

все червлёное
жниво...

Всякому – отче –
свое освяти
Всех одари счастливо
Призри
не презри
прими
покропи
и грибов этих
диво

УТРО ТРЕТЬЕГО СПАСА

*Небо мое, прими и меня в себя
(старец Арсений)*

Взгляни привольней
в даль с колокольни –
да возглаголят знатно
благовестники
зазвонки
подзвонки
складно
и благодатно

Речью серебряной
трелью соловьею
вытки созвучье
златно
пусть звонкие воды
омоют своды
звонницы необъятной

Гласы кристальные
меди да олова
в братском хоре
едином
пусть разливаются –
радостно
празднично –

свыше ангельским
чином

Читай – рукопись
раскрой – звукопись:
вервием-кистью –
икону-славу!

Холсту воздушному –
дивно послушному! –
охряно-лазурную
дай оправу

В празелень мглистую
маслянистую
благословенье
влей

Спустишь на землю
образу внемля
в бескрайней раме
полей!

Перевод с сербского Олега Комкова

РАЙНЕР МАРИЯ РИЛЬКЕ (1875-1926)

От переводчика. Вряд ли найдется хоть один переводчик, который остался равнодушным к творчеству Р. М. Рильке. Для многих переводчиков специфическое творчество Рильке остается «непроторённой тропой», преодолеть которую очень сложно, не почувствовав бессилие перед звукописью стихотворения, насыщенного изысканными конструкциями, внутренними рифмами и построенного на контрасте внешней музыкальности и глубокого внутреннего драматизма.

Я пришла к осознанию глубокого интереса к поэзии Рильке через творчество Бориса Пастернака, как и многие поклонники пастернаковской лирики. К сожалению, мои знания пока ещё поверхностны, но не могу сказать, что выбор стихов для перевода абсолютно случаен. Хочу предложить вниманию строгого читателя лишь несколько своих скромных переводов стихотворений, взятых из различных поэтических сборников гениального автора.

БУКВИЦА¹

Бьют фонтанами наши дела иногда,
Пробиваясь из смутных видений,
Но уходит под землю деяний вода.
Бьёт фонтанами радость и – рядом – беда,
Незаметны они, как скупая слеза,
Но танцуют, танцуют их тени...

ДЛЯ СЧАСТЬЯ ТАК МНЕ НЕ ХВАТАЕТ...

Для счастья так мне не хватает
Весной приветливого утра,
Когда одарит небо будто
Теплом многострадальный люд.
В сирени воробьи дерутся,
Звонкоголосого клюют.
Весёлые потоки льются,
Ломая доски всех запруд,
И к аккуратным грядкам рвутся,
Туда, где цветники цветут
И робкие берёзы гнутся,
Под крышами живёт уют.
Где над домами раздаются
И рвутся из весенних пут
Те песни уличного детства,
Что глубоко в душе живут.

ПОГАСИШЬ СВЕТ В МОИХ ГЛАЗАХ...

Погасишь свет в моих глазах – увижу.
Лишишь меня ты слуха – я услышу.
Лишенный ног, иль рук, иль дара речи,
Смогу в любви признаться я при встрече.

Найду тебя и обниму я сердцем,
А вынешь сердце, разум вспыхнет вновь.
Но если в мыслях воспыхает ревность,
Я жизнь отдам, чтобы спасти Любовь.

¹ Буквица – глубинный образ, звуковой код. (Прим. пер.).

КЭ ДЮ РОЗЕР

Брюгге

Как жизни радующийся больной,
Вкусивший горечь участи минувшей,
Крадучись, поджидая отстающих,
Глухие переулки следуют за мной,
Шагают в непрозрачной темноте
И мягко отражаются в воде.
Картинны сумерки Quai du Rosaire¹, –
Кусочек мира в уличной душе.
Знать, город не исчез на вираже
Сознания и внутреннего чувства,
Коль чувствуешь, коль видишь ты
В его садах волшебные цветы
И ярко освещённые дома,
Что в ритме танцевальных па
Воскресли к жизни силою искусства.
А что вверху? Лишь тишины ланиты,
Что впитывают розовый нектар,
По куполу небесному разлитый, –
Непревзойдённый благовестный дар.

ОСЕННИЙ ДЕНЬ

Господь, пора уж лету на покой:
Ты ветры выпусти в сады, поля,
Их тенью солнечных часов прикрой,
Но подари плодам два жарких дня,
Чтобы могли налиться сладким соком.
Позволь ему, созревшему до срока,
Вином стать, легкой крепостью маня...
Наедине с собой вздыхает горюн жалкий:
Тот, кто утратил свой родной очаг
И строчит письма дрогнувшей рукой,
Затем идет грустить в аллеях парка,
Где кружит желтый лист над головой...
(Вольный перевод)

¹Кэ дю Розэр – название улицы в бельгийском городе Брюгге. (Прим. пер.).

ДУША РОЗЫ

Что там на дне у розы,
Что же таится в ней,
Если открыть её душу,
Станет ли ей больней?
Столько небесной сини
Прячется там внутри,
Столько зеркальных линий
В этой душе! Посмотри:
Плещутся тихо волны,
Берег едва смочив, –
Станут ли непокорны,
Будет ли выше прилив;
Выплеснутся ли наружу
Тайны немой души,
Жизни сужая сушу,
Вычертив все виражи?
Лето шагреневого кожей
В доме сожмётся вдруг,
Станет её сон тревожней –
Жизни замкнется круг.

ЛЕТНИЕ ВОСПОМИНАНИЯ. «Я – ДОМА...»

Я – дома, между грёзами и сном,
Где дети, наигравшись, засыпают,
Где взрослые свой вечер коротают
У огонька, что согревает дом.

Я – дома, между грёзами и сном.
Там в воздухе звон колокольный тает,
И музыка хрустальная ласкает
Слух девушки с колодезным ведром.

С любимой липой шéпчусь о былом:
Среди ветвей затерянные где-то,
Ожили вновь мои былые лета
И бодрствуют меж грёзами и сном.

Перевод с немецкого Иды Замирской

МИХАИЛ ЮРЬЕВИЧ ЛЕРМОНТОВ (1814 – 1841)

МЦЫРИ

От переводчика. В процессе создания перевода даже самый опытный переводчик неизбежно сталкивается с определёнными трудностями. Они могут быть связаны с грамотным воссозданием исторических и этнологических реалий, а также лингвостилистических нюансов. Каждый переводчик старается адекватно преодолевать все препятствия, задействуя свой индивидуальный опыт лингвистической абсорбированности. Осуществив детализированный компаративный анализ текста оригинала и текста своего перевода, я дедуцировала и систематизировала те методы, которые содействовали переводу. Приведу лишь некоторые примеры.

Прежде всего, я девиировала стилистические коннотации. На морфологическом уровне девиация заключается в конверсии и варьировании грамматической категории числа. Но главным образом она выражается в замене одиночных частей речи нейтрального либо книжного стиля на однородные части речи более возвышенного стиля. Например: лет – moons and suns; говорит – mourn and croon; благодать – saved and blessed; могучий дух – fortitude and might. Наряду с морфологической девиацией, текст перевода инкорпорирует случаи семантической девиации на лексемном, фраземном и пропоземном уровнях сегментной языковой иерархии.

На лексемном уровне происходит семантическое расширение и семантическое сужение. В качестве примеров могут послужить лексические пары: пешеход – mate (расширение) и искусством дружеским – amity (сужение). На фраземном уровне семантическая девиация сводится к присоединению дополнительных сем. Например, и башни, и церковный свод – the towers and the doom, *once great*; молящих иноков за нас – of monks who pray for us, *who can't*; о славе прошлой – и о том – on bygone glory – *on renown*. Наконец, на пропоземном уровне семантическая девиация состоит в присоединении дополнительных сем в рамках перефразирования синтаксических конструкций. Например, Но после к плену он привык – But later fell the use to teach; И вновь в обитель принесли – Thus was his cloistral life rebuilt.

На протяжении всего текста перевода встречается множество подобных примеров. В каждом конкретном случае использование различных трансформационных приёмов осуществлено с целью просодической эвфонизации и эмотивно-стилистической эмфатизации текста перевода.

Екатерина Коржова

THE GEORGIAN EREMIT¹

8

D'you want to know what I have done
On freedom? Lived – and life was one,
And but for these three blissful days
Much more depressed would be my ways
Than even your weak palsied greys.
Time out of mind I hoped, I planned
To look at fields that far extend,
To learn if beauteous is my land,
To learn, for freedom or for ward
We were created by the Lord.
And once upon an awful night,
When thunderstorm gave you a fright,
When you all stuck to chancel round,
And I could see you kiss the ground,
I ran away. Oh, like my kin,
The storm I longed to hug with wing!
I watched as clouds rode end to end,
I caught the levin with my hand...
Now tell me, while in these walls dead
What could you give me then instead
Of this great friendship brief, but smart,
Between the storm and fervid heart?..

9

I ran a long while – near, far?
I don't know! not a single star
Illumed hard way on east nor west.
I just inhaled (oh I was blest!)
In my exhausted pining breast
Nocturnal coolness of the leaves,
That's all then! Many morns and eves
I ran, and when fatigue sat tight,
I lay, with herbage far and wide;
I listened to: I'm free from chase.
The storm subsided. Fading rays

¹См. перевод 1-7 частей поэмы «Мцыри» М. Ю. Лермонтова в №№ 16, 17 журнала «Переводчик».

Were slowly spreading like long strand
Between dark welkin and the land,
I saw as rays embroider crags
And distant mountains with the jags;
I lay without a stir nor call,
When sometimes in the pass jackal
Now wailed now whimpered without end,
And, with sleek squama all besprent,
The snake was gliding midst the rocks;
But this is awe that never shocks:
I, like a beast, shunned human flocks
And crept like snake, and hid with locks.

10

The while I lay, deep underneath
Ford, urged by downpour therewith,
With muffled murmur got to seethe.
Like hundred angry tones I heard
In waves of this. Though without word
I was the one whom right entangle
Unceasing grumble, agelong wrangle
With willful stubborn heap of stones.
Now soft now fierce grew its groans,
But it filled up the silence tight;
And then, wherein the hazy height,
Birds started warbling, and the east
Got overgilded. Zephyr breezed
And stirred each saturated leaf;
Sighed sleepy flowers with relief,
And, just like they, towards daytime
I lifted up the head of mine
I looked around and, honest I'm:
Aghast I saw the brink of chine,
As at impending chasm I lay,
Fell billow howled in swirl-and-sway;
The juts of crags till now bewray
As evil spirit went astray
And, when thrown down by God from sky,
Was doomed in precipice to die.

11

Round me God's orchard effloresced
The plants with iridescence dressed,
Besprent with trace of heaven's brines,
And I could see as beauteous vines
Were twining round amid the trees
With limpid verdure of the leaves;
And their clusters full of juice
Looked like the jewels hard to choose,
They hanged in splendour, and at times
Birds perched on them in timid hives,
And once again I pressed to ground,
And once again I heard the sound:
As magic alien voices push,
As they all whisper in the bush,
As if they made a speech that went
About the deeps of sky and land,
And all the tunes of Nature-Dame
Got harmonized. But ne'er came
In while of praises and rejoice
A man's or woman's stately voice.
Of all I felt what was the base?
Those thoughts – they didn't leave a trace;
But still I'll tell them all to you:
To live, at least in dreams, anew.
That morning was the heaven's height
So much serene, that angel's flight
Attentive eyes could find – and found!
It was so limpid, so profound,
So full of cloudless azure sky,
In it with eyes and spirit I
Drowned right until heat near by
Drove my sweet reverie away:
I felt how thirsting can betray.

12

And then towards the ford from height
I grabbed at bushes – lithe and slight,
From stone to stone, as much as could,
I took descent. From under foot

The stone slipped off and rashly slid –
Slid downhill – furrow followed it
And smoked, the dust like whirlwind curled:
It hummed and howled, it hopped and hurled.
It was engulfed at once by surge –
I was the one whom depth could gorge...
But youth is fraught with will and might!
And death appeared not to fright.
No sooner than I from the cliff
Descended, mountain-water's whiff
Puffed with its crispness on my face,
With greed I pressed myself to waves.
Hush! – someone spoke – and gently stepped...
I lurked in bush and silence kept.
"Gainst will I felt the awe enhance,
And I looked up with scared glance.
With greed I tried to catch a word,
Then more and more distinctly heard
The vestal voice of Georgian wife:
It was so genuinely live,
It was so full of dulcet will,
As if the name whose sound can heal,
Was only one it could fulfil.
Although a mere song it proved,
My thought and heart it deeply moved,
And I, as soon as comes the night,
Feel its invisible delight.

Перевод с русского на английский Екатерины Коржовой

ДЖОН ГЕЙ (1685 – 1732)

От переводчика. Джон Гей – английский драматург и баснописец, автор знаменитой комедии «Опера нищего» (премьера состоялась 29 января 1728 г.), тему которой подсказал ему Джонатан Свифт.

Ровно 200 лет спустя, позаимствовав сюжет у Гей, Бертольт Брехт (1898-1956), выдающийся немецкий драматург и режиссёр, создал свою «Трёхгрошовую оперу» (1928). В том же году «Трёхгрошовая опера» была переведена на русский язык.

«Басни» Гей переведены на многие языки мира, в том числе на

урдú и бенгáли.

Я поставил перед собой задачу перевести «Басни» на русский язык полностью. Работая, испытываю двойное наслаждение – от самого Гея, от возможности делать поэзию из простой, обыденной речи (Иван Андреевич Крылов – любимый поэт с детства), а также – от прозаического пересказа «Басен господина Ге», изданных в России в 1783 г., от музыки великого русского языка, на котором говорили Екатерина Вторая, Григорий Потёмкин, Михаил Ломоносов, Гавриил Державин и Александр Суворов.

Также предлагаю отрывки из поэмы Джона Гея «Тривия, то бишь, Всякая всячина, или Искусство ходить по улицам Лондона» в своём переводе. На русский язык поэма переводится впервые.

ПЁС И ЛИС

АДВОКАТУ

Известно мне, вы, адвокаты,
В словесных преньях – акробаты.
Я знаю, может ваше слово
Клиента поддержать любого,
Но с полной служите отдачей
Вы только тем, кто побогаче.
Что факты в ясном деле всяком
Вы в свете видите двояком,
Что «круть» да «верть» для адвоката –
И есть профессия, ребята!

Отсюда речи с пылом, с жаром,
Что разогреты гонораром.
(Будь все и каждый языкаты,
Вы обнищали б, адвокаты!)
Без вас никто не смеет акта
Составить. (Снова прибыль, так-то!)
Но акт составлен. Мы считаем,
Что всяк законом охраняем.
(Пока ваш брат, что рядом рыщет,
В законе дырку не отыщет!)

Вот завещанье. Поневоле
Вопрос: не ваша ли в нём воля?
(При чтенье смыслы зазвучали,

Каких там не было вначале!)
На ваше, сэр, *se defendendo*¹
Я отвечаю *innuendo*.²

Как Порта,³ вглядываясь в лица,
В них зверя видел или птицу!
По форме носа или глаза
Сову с мартышкой видел сразу.
О, сколь забавно на портрете
Увидеть друга в новом свете,
Милы и нынче нам гравюры,
Натур людских карикатуры,
Где нас чудовищная схожесть
Смешит: «Хи-хи! Ха-ха! Хо-хо! Жесть!»
Здесь мудрый Порта – мой учитель,
Здесь всяк сатирик – я и зритель.

Труд комментируя мой, сэр, вы,
Прошу, поберегите нервы
И знайте: сплетен я чураюсь,
Я в душах ближних не копаюсь,
Чураюсь партий с их коварством
И не воюю с государством.

Но – вора мне не трогать, ибо
Раним душой он? (Нет, спасибо!)
И десять заповедей, что же
Не повторять? (Он нервен, Боже!)
Иль потому я враг порока,
Что сам себя сужу жестоко?
Я о зверях пишу. Что нравы
У них с людскими схожи, право,
Моя ль вина? И если кто-то
Себя узнал, моя ль забота?
И если что кого задело,
То не напрасно, а за дело.

¹ *Se defendendo* – (лат.) заявление человека, обвиняемого в убийстве, о том, что он действовал в порядке самообороны. (Прим. пер.).

² *Innuendo* – (англ.) инсинуация, косвенный намёк. (Прим. пер.).

³ Порта – имеется в виду Джамбаттиста делла Порта (1535-1615), итальянский драматург, философ, врач и алхимик. (Прим. пер.).

Дружил со всеми Пёс пастуший,
И Лису – друг был наилучший –
Частенько с ним болтать случалось,
И этим дружба укреплялась.

Лис молвил: – Вот – не стыдно люду
Чернить наш лисий род повсюду!
Мерзавцы есть, мы знаем сами,
Меж нами, меж людьми, меж псами.
Хоть люди есть, чисты душою
(Пусть мы не знаем их с тобою),
Нас оскорбляют словоблудьем,
Когда уподобляют людям.
Но я – твой друг. Я непритворен,
Предубежденьем не зашорен.
Мне честь и жизнь – всего главнее.
Ценю их вместе наравне я!

Подумал Пёс: «Ну что ж, теперь я
Питаться могу к нему доверье!»

Но Лис внезапно поднял уши,
И страх в его вселился душу.
И смолк, задорный и речистый,
И опустил свой хвост пушистый.

– Охотник скачет по дороге!
Бежим отсюда, дай Бог ноги!

Промолвил Пёс: «Остынь немного:
Всё это – ложная тревога.
То миссис Доббинз на продажу
Везёт живую птицу. Я же
Давно знаком с её кобылкой,
Особой пегою и пылкой».

Здесь Лис обиделся – и жутко:
– Приятель, что за злая шутка!
Какая Доббинз? Птичий двор я
Не навещал её, не вор я!
Да буду я судом наказан,
Коль я обедом ей обязан!

Пёс удивился: «Даже слова
Я не сказал тебе дурного!
Ты злобой дышишь, злобой пышешь,
А я, представь себе, – ты слышишь? –
Ягнёнка здесь не знаю ныне,
Что был бы, друг, тебя невинней!»

На это руганью отборной
Лис разразился самой чёрной:

– Подонку мало, вишь, цыплёнка,
Так приписал ещё ягнёнка!
А трёх ягнят сопрут воришки?
Мне одному – опять все шишки?
Я – вор? Не зря язык ты чешешь:
Ты – Пёс, и, значит, врёшь и брешешь!

– В тебе кричат до исступленья
Твои бывлые преступленья, –
Промолвил Пёс, – когда уныло
Им вторит совесть: было, было...

Промолвил Пёс и гнев изведаль,
И тут же Лиса смерти предал!¹

ЯСТРЕБ, ВОРОБЕЙ И ДРУГИЕ ПТИЦЫ

ОДНОМУ МОЕМУ ДРУГУ, ПРОЖИВАЮЩЕМУ В ДЕРЕВНЕ

Хочу вперёд оговориться:
Министры наши – не тупицы.
Ворчанью злыдней нет предела,
Но им и мне – какое дело?

Я вхож не к одному вельможе.
Ничтожить их – не дай мне Боже!
Коль нравы общества мы в шутку
Министрам лишь припишем, – жутко

¹ См. также – Басни господина Ге: С англинского на французской, а с сего на российской язык переведенныя / Иждивением Н. Новикова и Компании. – Москва : Унив. тип., у Н. Новикова, 1783. – 8. Ч. 2 [Текст]. – 1783. – [4], 108 с. – СС. 1-8.

Дурак от злобы заклоочет,
Дурак, что стать министром хочет.
Шучу я лишний раз едва ли,
Чтоб уши мне не оборвали.
В дела не лезу государства:
В них столько скрытого коварства,
Что вряд ли сам Макиавелли
Увидит свет в конце тоннеля.

Ваш младший брат местечко ищет
В придворном штате, где засвищет,
Дразня друзей, дразня придворных,
Таких же чижиков проворных.
Ищите чудо-патриота,
Кого возвысила забота
О благе нации, короны.
Представьте братца вы патрону,
Поскольку от того зависит,
Возвысит или не возвысит.

Внушите шефу, сколь богата
Талантами натура брата.
Коль шеф в себе их обнаружит,
Он с вашим братом, сэр, задружит.

Я слышал как-то, было время
(Господь, исправь людское племя!),
Министры, нравами убоги,
Народ, закон, монарха, Бога
Не ставя в грош, со злом дружили
И лишь собою дорожили,
И добродетель осуждали,
Карьерой не вознаграждали
И добродетель за преградой
Была сама себе наградой.
Ценили жуликов таланты,
Воришек брали в консультанты,
Впускали в дом в любую пору
Доносчика и сутенёра,
Позоривших врага вельможи,
(Он хохотал, хоть вор он тоже!).
Когда патрон мильон захочет,

Авантюрист при нём хлопочет
И учит схемам всяким разным,
Уводов денег самым грязным.
Отдай свой голос без вопросов,
Не то поймёшь, товарищ бросов,
Что тьмы желающих найдутся
На место дерзкого занудца.

В стране, что язвами покрыта,
Где век недолог фаворита,
Меняй любые убежденья
Любым патронам в угожденье:
Когда подлец приходит к власти
(Избавь нас, Боже, от несчастья!),
Ему везде свои агенты
Нужны, как вору инструменты.

Отвратен сброд кровососущий,
По жизни с гордостью идущий.
Народа ненависть понятна,
И всё ж она мне – тож отвратна.
Пускай прислуга грязь вельможью
Усердно отмывает ложью,
Хочу понаблюдать над веком,
Оставшись частным человеком.
Честь – вот мой пост; а где нажива,
То – не моё, поскольку лживо.¹
Вот – Басня, крохотная повесть.
Мораль пускай подскажет совесть.

Когда-то (муза осторожно
Обходит «нынче» непреложно)
Жил Ястреб, хищный и бесстыдный,
Который с хитростью завидной
К Орлу державному в доверье
Вошёл и молвил: «А теперь я
Облегчу бремя вашей власти».
Орёл воскликнул: «То-то счастье!»

¹ См.: Когда повсюду подлость торжествует
И нечисть рвётся и приходит к власти,
Я на посту – ему название «Честь» –
Хочу остаться частным человеком.

Джозеф Аддисон. Катон. Акт IV, Сцена 4. (Пер. Евгения Фельдмана)

И превратил пролазу быстро
В наипервейшего министра!
И тот решил в пернатом гвалте,
Кому там «кыш», кому «пожалте».
Ах, непотребней нет собранья,
Где мест похлебней ищут с бранью!

Прогнали Соловья, не жалко.
Свободно место. Взяли – Галку.

– С умом и сметкой Галка-птица
В делах нам – ой как пригодится! –
Промолвил Ястреб. – Эта Галка –
Проныра, пройда и нахалка,
А мне как раз нужна такая,
Чтоб жить, друг дружке помогая!

Он подобрал себе ораву,
Друзей по духу и по нраву.
Наёмной наглою дружиной
Он обзавёлся петушиной.
Был всякий Ворон прозорливый
Сменён Сорокой говорливой.

Промолвил Ястреб: «Вечно Ворон
Кричит зловеще: «Вор он! Вор он!»
И сделкам, козням и интригам
Он крах накаркивает мигом,
А мне тут служат, не переча:
Тут прекословам делать неча!»

– Коль к власти рвётся столько дряни,
Чураюсь власти я заране, –
Промолвил Воробей. – Под крышей
Соломенной – удел мой высший.
И это счастье недоступно
Тому, чья душенька преступна!¹

¹ См. также – Басни господина Ге : С англинского на французской, а с сего на российской язык переведенныя / Издвением Н. Новикова и Компании. – Москва : Унив. тип., у Н. Новикова, 1783. – 8. Ч. 2 [Текст]. – 1783. – [4], 108 с. – СС. 8-14.

**ТРИВИЯ,
ТО БИШЬ
ВСЯКАЯ ВСЯЧИНА;
ИЛИ
«ИСКУССТВО ХОДИТЬ ПО УЛИЦАМ ЛОНДОНА»**

Проснувшись утром, дома будь, пока
Погоду не узнал наверняка,
Чтоб ночь не истерзала организма
Припадком кашля или ревматизма.
Туман густой, к примеру, лёг вокруг,
Надень парик свой худший, милый друг,
Как делает лакей, покрытый пудрой,
Природный волос сберегая мудро.
Приодевайся, как велит сезон.
Не кутаться в морозы – не резон.
А если дождь полил, как из ведра,
В дорогу плащ и зонтик брать пора.

Есть признаки у перемен погоды.
Когда зимой дохнёт на нас природа,
Горящий уголь ярче льёт свой свет
И сера пламень красит в синий цвет,
Ты нежишься у жаркого камина,
А бедный ропщет: угля нет в помине!
А вот старушка дремлет у огня,
Укрывшись пледом, голову склоня.
Проснулась; на огонь кладёт полено;
Тепло, уютно – необыкновенно!

У города есть тысячи примет,
Из коих ясно: туч на небе нет.
Мэлл одуряя запахом помады,
Плывут кокетки пёстрой кавалькадой.
Телята прут неведомо куда.
Их воробьев приветствует орда.
У оживленья этого от века
Одна-единственная подоплека:
То время года в сердце всем стучит –
Кокетка – мчит, телёночек – мычит.
Когда вознице сон десятый снится,
Когда народ с утра в пивной толпится,
Отправься по делам, ты в этот день
Ботинки, друг мой, лёгкие надень.

Но если ветер в уши злобно дует,
На небе – мрак, природа негодует,
И нечистот зловоннейшая муть
К великой Темзе пролагает путь, –
Книготорговцы, словно в лихорадке,
Навесы убирают и палатки,
Куда ни глянешь – зонтики, плащи;
Прощанье второпях – тут не взыщи!
Танцуют над прилавками рубашки,
Полощет ветер гетры и подтяжки,
Ступени церкви мокнут на глазах,
И вот уж Ниобея вся в слезах.
И вот уж буря, дунув что есть силы,
Все бочки на помойке раскатила
И, покружась у ямы выгребной,
На русла сточных вод идёт войной,
По черепице крупным градом хлещет
И в луже оступившегося плещет.

* * *

Коль ты в одежде любишь чёрный цвет,
Коль ты в сутану строгую одет,
Троих грязнуль чурайся особливо:
Стригущего усы, бороды и гривы,
Опасен платью также парфюмер,
Но пекари опасней не в пример.

Вы, любящие яркие расцветки,
Троих грязнуль возьмите на заметку:
Опасен платью мальчик-трубочист
(Зевак марасть – большой специалист!),
Опасен тот, кто в жесточайшем кашле
На плащ плюёт (сэр, гляньте, не на ваш ли?),
И мусорщик опасен – вон вдали
Видна его телега, вся в пыли.

В какие платья вы ни нарядитесь,
Торгующих свечами сторонитесь,
Корзин их сальных; также мясника:
Поднос его в жиру; во все века,
Забрызган кровью, он пугает встречных.
Его товарищ – мастер дел заплечных.

Воспитанность прохожим покажи:
Главу перед монашкой обнажи;

Особо вежлив будь со старичками:
Не подгоняй столетнего толчками;
Носильщику помочь не позабудь:
Раздвинь толпу, ему расчистив путь;
Не оставляй без помощи слепого;
Не позволяй толпе топтать хромого.

Вон щёголь выступает записной.
Нет в голове мыслишки ни одной.
С походочкой его, заверить смею,
Немудрено каблук сломать и шею.
Покрыт, как мельник, белым порошком.
Сие созданье обойди тишком.
Но ежели задиру встретил, скажем,
В широкой шляпе с жиденским плюмажем,
Столкни туда тирана здешних мест,
Где все собаки мочатся окрест.
Лишённый вмиг воинственного духа,
Он лишь проклятье пробормочет глухо.

Коль с улицей ты вовсе незнаком,
Носильщика найми проводником,
А сам запомни вывески и вехи:
Сие в пути способствует успеху.
Не обращай к подмастерьям: врёт
Отчаянно лукавый сей народ.
К торговцу обратись: он муж степенный
И попусту не лжёт обыкновенно.

Там, где Сент-Джайлз дряхлеет вековой,
Колонна предстаёт перед тобой.
Семь циферблатов с вышины взирают.
По ним семь улиц время проверяют.
Здесь видишь часто жителя села.
Его судьба, увы, невесела:
Он с толку сбит; бродя, устал до смерти
В клубке проулков, улиц круговерти.
Всё обыскав, сердито хмурит бровь
И... скорбный свой обход свершает вновь.
Не так ли без подмоги Ариадны
Бедняк Тезей скитался безотрадно
По критским лабиринтам; без клубка
Не выбрался бы он наверняка.
Но ты – не он; не вздумай, ради Бога,
Рассчитывать на женщину в дороге.

Сообразив, сколь малый недалёк,
Она сбежит, украв твой кошелёк.

* * *

Карета гордая, не слышишь ты
Вдовицы стон и вопли сироты;
Но тот, кто Милосердием отмечен,
Подаст тому, кто слеп, кто изувечен.
Не пожалей работнику гроша:
В бездомном еле теплится душа.
Не обрекай стареющих на муку
Тянуть весь день за милостыней руку.
Чем боле жадность глупая слепа,
Тем громче крик, настойчивей мольба.

* * *

Где ходишь, лбом карнизы задевая,
Где каблуки ломает мостовая,
Узки проходы, слепы фонари,
И нету полисменов, хоть умри,
Не раскисай, но чутко и сторожко
Иди вперёд бесшумно, словно кошка.
Гляди: повозка с углем, ей вослед –
Ещё одна; ещё; – пройдёшь тут? – Нет!
Толпа растёт, и люди, словно волны,
Друг друга давят, нетерпенья полны.
Всяк суетится, лезет на простор;
Куда ни повернёшь, везде затор.
Стоят телеги, дилижансы, дроги;
Щелчки кнутов; тут поперёк дороги
Лежит бревно; а там торчат рога
На бойню уводимого быка.
Столкнулись кэбы при неловкой встрече.
Звучат возниц воинственные речи.
Крепчает брань; смертельные враги
Кнутами чертят в воздухе круги
И вдруг от слова переходят к делу,
И льётся кровь, и бич терзает тело.
Свалились наземь; на подъём легки,
Вложили ярость в гири-кулаки
И, намахавшись до изнеможенья,
В грязи кончают славное сраженье!

* * *

Там, где кипит людской водоворот,
Будь начеку, не стой, разинув рот:
Серебряной прельщённый рукояткой,
Ценитель тонкий стянет нож украдкой.
Или чумазый вынырнет пострел,
Что в деле воровском понаторел,
И твой парик сорвёт с тебя мгновенно,
Тебя оставив лысым, как колено.
Другой же, положась на ловкость рук,
Опустошит карман твой, милый друг.
Часы и табакерка – где вы ныне?
Исчезли, будто не было в помине!
Но что случилось? – Лавочник в упор
Уставился на вора. – Что же вор?
Несётся прочь от гибельного взора,
Услышав крик: «Он вор! Держите вора!»
(Так, индюшонка утащив, лиса
В дубраву устремляется от пса.
И лорд за ними скачет разъярённый,
И арендатор плачет разорённый).
Бедняга, сил ты полон молодых,
Что ж честный труд у нас не емлет их?
Упал. Настигли. Крик: «Тащи к насосу!
А ну-ка, зададим молокососу!»
Иль – прямо в грязь! В навозе голова;
Толпа – в восторге, парень – жив едва.

Перевод с английского Евгения Фельдмана

СОВРЕМЕННАЯ СЛОВАЦКАЯ И СЕРБСКАЯ ПОЭЗИЯ

ТЕОДОР КРИЖКА (род. в 1956 г.)

Теодор Крижка родился в Кошице (Словакия). В 1982 году окончил Литературный институт имени Горького. Поэт, переводчик, общественный деятель, автор многочисленных книг для детей, а также поэтических – «Заклинание весны» (1983), «Спокойна в беспокойстве» (1985), «Солнечная ночь, лунный день» (1987), «Вечер утренней звезды» (2001), «Жажда воды» (2004), «Поцелуй слёз» (2008), сборник ста

сонетов «Подорожник» (2008), книги автобиографических эссе и стихотворений «Сердце Сизифа» (2006) и других. Составил Антологию любовной поэзии молодых словацких авторов. Перевел на словацкий язык стихи Арсения Тарковского, Бориса Пастернака, Евгения Евтушенко. В 1993-1998 гг. работал в канцелярии Президента Словацкой Республики. Главный редактор газеты «Культура». Заместитель председателя Ассоциации словацких писателей. В последние годы стал широко известен как фото-охотник. Живет в Братиславе.

ПОДАРОК

На углу в ожиданье стою под окном,
На ногах моих вымокла шерсть целиком.
В окнах свет, там за ужином люди сидят,
Но не бросят на грустного пса они взгляд.
Даровали под деревом этим ночлег,
Вот и жду я в мороз, скоро ль выпадет снег,
Иль возьмёт меня кто-то решеньем своим,
И не будет у пса одиночества зим.
Мне довольно, что рядышком ваши следы,
Мне остатков достаточно вашей еды.
Я умею быть спутником в каждой судьбе.
Жду тебя, но всегда возвращаюсь к себе.
Жизнь отдам за тебя, за открытую дверь,
За объятие, за тёплое слово – поверь!
За ночлег на полу, под кроватью – хоть где,
Буду рядом в достатке с тобой и в беде.
Вот, что будет, когда окажусь среди вас,
А не в холод на улице так, как сейчас.
Неужель ты не видишь, окно затворя,
Верный пёс там, а может, и совесть твоя.
Так без свитера выйди в заснеженный круг,
Отбери у холодной зимы меня, друг!

ЕСЛИ РЕЧЬ О ЖИВОЙ РЕЧИ

Коль вспомнил ты живую речь,
Представь, в минуту эту
Здесь каждый волен выбрать меч,
Отбросив роз букеты.

И каждый может вынуть нож,
Срезая розы эти,
И вместо правды выбрать ложь,
Всё проклявши на свете.

И каждый может плётку брать,
Иль посох-патерицу,
Иль ничего не выбирать,
Но Судный день случится.

КРУГОВОРОТ

Прозелень к небу простёрли растенья,
Корни же крепко сплелись под землёю.
Вера такая, такое смиренье:
Жить – только в дрёму впадая зимою.

Купно уснули, укрытые почвой,
Снегом, мечтою, белеющей шалью.
Стают снега, и увидим воочью,
Как расцветут под небесною далью.

Зелень, бутоны – павлинов хвостами,
Словно дорога к воротам небесным,
В час, когда зиму мы утром застали
Тихо ползущей с мечом бесполезным.

Долго спала. И какое ж ей пенье,
Той, что проснулась на собственной тризне,
Живицу выгнав по веток сплетенью
Духом в душе, исповедуясь жизни.

ХУДОЖНИКУ БАТО ДУГАРЖАПОВУ

Словно ветер вдруг хлопьями снега
Холст упрятал под белую нежность,
Моё сердце, как после забега,
Потрясла этих красок безбрежность.

Нежность снега напитана солнцем,
Я смотрю ослеплённый, как храмы

Тихо двинулись там, за оконцем,
И на улицу вышли из рамы!

Всё навеки пребудет сохранным
В солнца запахе, в искрах на сердце,
В этих строчках, звучащих органом,
В оживающем огненном скерцо.

Услыхать моё сердце и Вам бы,
Вы затронули душу поэта,
Мой восторг переплавили в ямбы –
Я, Бато, благодарен за это!

Перевод со словацкого Ивана Белокрылова

ПРЕДРАГ БЕЛОШЕВИЧ (род. в 1953 году)

Предраг Белошевич родился в Баня-Луке (Югославия, ныне – Республика Сербска в Боснии и Герцеговине). Един во многих лицах: поэт, прозаик, переводчик, драматург, режиссёр, преподаватель кукловождения. В 2009 году получил степень магистра искусств в Национальной академии драмы и театрального искусства в Софии (Болгария). С 1993 года Белошевич является директором и художественным руководителем Детского театра в Баня-Луке. Кавалер ордена Негоша II степени за международный вклад в развитие культуры и искусства Республики Сербской. За вклад в развитие кукловодства в Европе удостоен международной награды «*Маленький принц*» на XX Международном фестивале кукольных театров в Субботице (Сербия, 2013).

Автор двух книг коротких рассказов, трех – детских стихов и десяти – с поэзией для взрослых, которая переведена на многие языки. Сборник избранной лирики «*Il linguaggio del silenzio*» («*Разговор тишины*») был опубликован на итальянском языке в Неаполе в 1982 году. Переводы стихов на французский под названием «*Le RŽ*» вышли в Париже в 2002 году. А сборник переводов на македонский увидел свет под названием «*Под круната на гнилото дрво*» («*Под сенью разрушающегося дерева*»).

Лауреат национальных и международных литературных премий в номинациях «поэзия» и «проза», в том числе фестиваля «Вечера поэзии в Требинье». Удостоен наградной печати города Сремские Карловцы, ежегодной награды Союза писателей Республики Сербской «Летящее перо», а также международной литературной награды Славянской академии искусств и литературы (Варна 2014), а также наград в области

детской литературы – «Вышитый мост» (2015) и «Детское царство» (2017).

Перевел на сербский язык венок сонетов «Светоч мысли» Валерия Брюсова, стихи Николая Гумилева, Беллы Ахмадулиной, Александра Кушнера, Вячеслава Куприянова и других.

Автор множества сценариев для детского театра и режиссер многих детских спектаклей: «Грустный принц», «Школа для утят», «Волк и семеро козлят в Музее сказки», «Гулливер в стране лилипутов», «Дом ёжика» и другие. Драматические произведения для детей ставились на театральных сценах Республики Сербской, Сербии и Болгарии. Лауреат Международного фестиваля искусств «Степная лира» (2017 год, станция Новопокровская, Краснодарский край).

СТИХИ О ТОМ, КАК НЕ НУЖНО ПИСАТЬ

Чтобы вписаться в поэзию,
перестань писать стихи
о поэзии.
Чтобы вписаться в поэзию,
попробуй открыть второй смысл
слова и речи,
которыми прорисуешь стихи,
чтобы как при первом замахе
не учинить бессмысленности.
Чтобы вписаться в поэзию,
научись нравиться людям,
невзирая на то, что ты и сам человек
и до смерти боишься людей.
Чтобы вписаться в поэзию,
узнай всё о ночи
и смерти,
как бы зная,
что насладишься дарами света.
Чтобы вписаться в поэзию,
не пиши стихи
на уже заданную тему,
как вот этот стих, который только что сочинил,
потому что и он только песня о ней,
но не сама поэзия.
Чтобы вписаться в поэзию,
омой свою душу стихами
других поэтов.

Не сыпь по крошкам, не изливайся озером,
даже тем казалось бы драгоценным,
что само вылетает стремительно
с кончика твоего языка.
Поэзия не столпотворение,
так как толпа не научит
смыслу и красоте.
Поэзия сама –
смысл и красота.
Поэт,
не претворяй в жалкие насмешки уроки,
не скрывайся
в прозрачной оболочке рассуждений.
Поэзия больше – Там – не живет,
а с нетерпением смотрит вперед тебя –
в иррациональный
звездарник языка.

СУЩЕСТВО, ТЕНЬ, ЕДИНСТВО

Птица летит по небу и поёт,
её тень на земле
исполнена тишины –
нотный лист кардиограммы побега
Человека, который слушает песню.
Давно миновали
и птица, и тень.
Но птица,
что с песнею вдалеке
исчезла, ещё летит в его глазах.
Тень же,
что уже мы не видим,
всё щекочет его,
и улыбка расплывается до ушей.
Сердце птицы и сердце человека
являются одним сердцем
в груди Вселенной,
Когда вы говорите им – Свет
На дороге – Тьма.

Перевод с сербского Ивана Белокрылова

АРТАВАЗД САРЕЦЯН (род. в 1957 г.)

Артавазд Сарецян родился в селе Лечкопе Сухумского района Абхазской АССР. Выпускник историко-правового факультета Абхазского государственного университета. Ответственный секретарь газеты «Республика Абхазия», учредитель и издатель газеты «Литературный Амшен», первый номер которой вышел 15 октября 1991 года. Член Союзов писателей Абхазии и Армении, Союза журналистов Абхазии. Автор нескольких книг на армянском и русском языках. Награжден орденом «Честь и Слава» Республики Абхазия, медалями Министерства диаспоры Армении «Уильям Сароян» и «Посол родного языка».

Артавазд Сарецян пишет на армянском языке. Стихи начал писать в школьные годы: первая публикация – в газете «Пионер-канч». Печатаются в газетах, журналах и коллективных сборниках, выходящих в Абхазии, Грузии, России, США, Ливана.

Автор ряда поэтических сборников, в том числе: «Добрая встреча» (1981), «Солнечный ветер» (1989), «Чтоб чистым быть» (2001), «Апацха» (2002), «Элегии в явлениях» (2013), «Смешанные раздумья» (2014), «Черноморская заря» (2014), «Без восклицательных знаков... На краю пропасти» (2014). На русском языке вышли книги стихотворений, рассказов и статей «Защитим честь Арарата в Абхазии» (2016) и «Наказ царя Сардура» (2017).

В 2012 г. в Сухуме на армянском и русском языках вышла иллюстрированная книга А. Сарецяна «Литературный Амшен-20», посвященная 20-летию выхода первого номера газеты.

А. Сарецян известен и как переводчик. Он перевел на армянский язык сборник «Абхазские пословицы», который увидел свет в издательстве Абхазского государственного университета в 2003 году, а также стихи Д. И. Гулиа, И. А. Когониа, К. К. Агумаа, Б. В. Шинкуба, И. К. Тарба, Н. З. Тарба, А. Н. Джонуа, Ч. М. Джонуа, А. Е. Ласуриа, К. Ш. Чачхалиа, Т. Ш. Аджба, Б. А. Гургулиа, Т. М. Чаниа, В. Дж. Амаршана, Г. Ш. Аламиа, Р. Х. Смыра, Д. Б. Зантариа, В. К. Зантариа, С. З. Лакоба, В. В. Абхазоу, С. А. Гиндиа, А. Я. Лагулаа, В. К. Кокоскир и др.

В его переводе на армянском языке опубликованы отдельные произведения Надежды Осьминой, Галины Климовой, Ларисы Прашкивской-Фелисион, Евгения Евтушенко, Павла Черкашина и других известных русских поэтов.

Стихи и рассказы А. Сарецяна переведены на абхазский (Сергей Агындиа, Виктор Кокоскир, Борис Каджая) и русский языки (Надежда Осьмина, Анаит Тер-Казарян, Павел Черкашин).

Слова мои седые, как снега
Далёкого родного Арарата,
Уже не произносятся слегка –
Сплошь валуны теперь и перекаты.

Нет блеска яркого и полировки нет,
Лишь мох густой лежит на них местами –
По валунам, идущие на свет,
Найдут свой путь, свою дорогу сами.

ЖЕРТВАМ ГЕНОЦИДА АРМЯН 1915 ГОДА

Открытие весны. И ласточка хвостом
Торжественно её, как ленточку, разрежет,
Но в горле горных рек застрянет солью ком,
И слёзы потекут, и души встанут между...

Великая весна в моей стране кипит –
Салюты и цветы танцуют в красках ярких,
Тягучий аромат восторженно пьянит,
И в целом мире нет мне лучшего подарка.

Весна себя творит... Я чувствую, как сад
Мечтает о плодах, и мой кипит рассудок –
Я прохожу сквозь Рай и... упираюсь в Ад.
Всё помню и скорблю. Люблю и не забуду.

Для меня теперь каждое слово – конец, –
Приземление правды, судьбы и основы,
Но в конце этой правды мечтатель юнец
Поднимает весь мир на руках своих снова.

Для меня теперь каждое слово – капкан.
Его выточил сердцем, нерукотворно,
И одною ногой я пожизненно там, –
Волочу её с кровью горячей покорно.

Умираю от боли смертельной на миг,
И капкан за капканом даю себе слово,
Что пока не смешался с землею мой крик,
К высоте поднебесной я буду прикован.

1992 ГОД

Нет в тумане молочном лезвий –
Волны лодку качают плавно,
Почему же в морской болезни
Боль становится остро главной?

Жизнь изранена и трепещет,
Старый парусник, будто склянку,
Заливает вода из трещин,
Море вывернув наизнанку.

Падшим небом, листом осенним
Всё качаюсь, туман желтеет –
Вновь изгнанник, а может, пленник –
Я болезнью какой болею?

Волны лодку качают плавно,
Чайки тоже со мною стонут.
Память в прошлое смотрит явно –
Тонут лодки, и люди тонут...

Куда теперь? Скажи мне, лира!
Я с двух сторон зажат тоской.
Там – пропасть чёрного эфира,
А здесь я предан, как изгой.

Прислушайся! Зовёт как будто
Тропинка детства моего,
Где нет потерь, одно лишь утро,
Что в нём найду я? Ничего.

Вдруг ветерок. Подул – откуда?
Ты чувствуешь? Коленки – в кровь,

И мама, совершая чудо,
На раны дует... О любовь!

Смотри! Она стоит и руки
Скрестила на своей груди,
Чтоб в узел завязались муки
Моей судьбы: «Не стой! Иди!»

ВЕСНА

О любви великой солнце просит
И лучами гладит небосвод,
Но земля ещё не плодоносит –
Светом дышит глубоко и ждёт.

К морю реки горные выносят
Весть благую – вздрогнула земля
И трепещет вся в лучах и росах,
Материнством будущим звеня.

Сердца тоскуют наши, почему?
В каком безвременье причина затаилась?
Давай тебя я просто обниму,
Хотя об этом ты и не просила.

В глаза твои, как в пропасть загляну,
Открывшуюся давящим упреком.
Случайно встретились. Я чувствую вину.
Ответ в той пропасти лежит
на дне глубококом.

Ссора. А гнев твой – небесный пожар,
Хотя я по-земному повинен
И молю: сохрани и умножь этот дар –
Огнедышащих чувств половину.

А вторая – моя, я ведь тоже в огне,
И огонь мой почти обессилел.

Ну, иди же, иди, дорогая, ко мне...
Два пожара друг друга скосили.

РОДНОЙ ЛЕС

То от летнего нежного ветра, вздыхая, качаешься,
То, словами шурша, мне поёшь на родном языке,
То, устав от качания, медленно выпрямляешься,
Лес родной, не кончающийся вдалеке.
И ручьями наполнившись звонкими, водами талыми,
Снами долгими, памятью давней мечты,
Тихо песню поешь о былом тарагиру¹ усталому,
И я знаю – домой, так домой всё зовешь меня ты.

Друзья и недруги теперь остались в прежнем.
Спасибо, Господи, что я Тобой ведом,
Что высшим даром стала неизбежность
В свой срок предстать перед Твоим судом.

Там дружеской руки уже не будет,
Которая поддержит в трудный путь,
И злая – не обманет, не погубит –
Лишь нараспашку я и моя суть.

Поднималась к снегам Арарата душа –
Пили предки вино золотое,
Чтоб Амшена земля в лёгкий кубок вошла,
Как грядущее или бывшее.

И за солнечным ветром был виден тот свет,
Что кристаллом мерцает в тумане...
Снова вместе – отец, мудрецы и мой дед –
Пьём вино. И Армения – с нами.

Перевод с армянского Надежды Осьминой

¹ Тарагир (арм.) – изгнанник (Прим. пер.).

МОЙ МАЛЕНЬКИЙ БЁРНС

Воздавать хвалы поэзии Роберта Бёрнса ни к чему: великий шотландец популярен в России не меньше, чем на родине. Также нет смысла дискутировать о «старом Бёрнсе» в исполнении Самуила Маршака и «новом Бёрнсе» в исполнении Евгения Фельдмана – обе ипостаси заняли свои места в литературном пространстве. Стоит лишь отметить, что Маршак, связанный условиями эпохи, вынужденно дал русской аудитории препарированного и смягчённого Бёрнса – ханжеватая советская мораль попросту не смогла бы принять вольности и откровенности, которыми полны стихи шотландского самородка. В новейших переводах Евгения Фельдмана поэзия Бёрнса представлена без обходов и умолчаний – такой, какова она есть.

Автор этих строк не помышлял и не помышляет внести заметный вклад в русскую бёрнсиану. Представленные здесь пять переводов сделаны в порядке здоровой конкуренции с коллегами, а говоря точнее, спровоцированы их версиями – захотелось попробовать самому. Выбраны характерные бёрнсовские тексты – две саркастических эпиграммы, диалог нестрогой вдовы и нетрезвого сластолюбца, лирическая баллада, ядовитая сатира на неподобающее поведение вредоносного насекомого.

Андрей Кротков

ФРЭНСИСУ ГРОУЗУ, КАПИТАНУ И АНТИКВАРУ

Доведав, что Гроуз почти что скончался,
За ним сам Нечистый на крыльях примчался;
Увидев страдальца, ослабился кисло:
Аж до полу койка под тушей провисла.
И крикнул Нечистый: «Забрать бы не прочь,
Но как эту чёртову тяжесть волочь?!»

ЭПИТАФИЯ ДЖЕЙМСУ ГРИВУ, ЛЭРДУ БОГХЕДСКОМУ

Богхед почтенный здесь возлѣг
В надежде быть спасенну.
Когда его приветил Бог –
Я предпочту геенну.

ФИНДЛЕЙ

«Кто там скребётся у ворот?
Ну так и есть – Финдлей!
Ступай домой, блудливый кот!»
«Зачем?» – сказал Финдлей.
«Что ты там прячешь, будто вор?»
«Взгляни», – сказал Финдлей.
«Знать, раззуделся твой прибор».
«Аж страх», – сказал Финдлей.

«Тебе лишь только отвори...»
«Впусти», – сказал Финдлей.
«И ты до утренней зари...»
«Угу», – сказал Финдлей.
«Накинешь на меня узду...»
«Ну да», – сказал Финдлей.
«И знатно вспашешь борозду!»
«Вспашу», – сказал Финдлей.

«Тебя оставить ночевать...»
«Оставь», – сказал Финдлей.
«Так завтра ты придёшь опять».
«Приду», – сказал Финдлей.
«Что ты ходил ко мне не раз...»
«Ходил», – сказал Финдлей.
«Не брякни даже в смертный час!»
«А то!» – сказал Финдлей.

В ПУСТЫХ ПОЛЯХ

В пустых полях, в лугах сырых –
Любовь моя, любовь моя –
Под старым пледом нас двоих
От злых ветров укрыл бы я.
А горькая беда приди
За нашим счастьем вослед –
Тебя укрою на груди
От тяжких зол, от лютых бед.

В забытой Богом стороне,
В песке пустынь, в глуши лесной

Эдемский сад дарован мне –
Будь ты со мной, будь ты со мной.
А стал бы выше королей,
Над миром бы простёр крыла –
Ты б королевою моей
Всегда была, всегда была.

К ВОШКЕ, ЗАБРАВШЕЙСЯ НА ДАМСКУЮ ШЛЯПКУ

Эй, тварь нахальная, сдурела?
Знать, с голоду офонарела,
Что дерзко доползти сумела
До головы!
Напрасный труд, пустое дело –
Там нет жратвы.

Тебя, ползучая пролаза,
Святой и грешник чуть вполглаза
Завидят – и слетишь, зараза,
С кафтана в грязь.
Ступай туда, где нет отказа,
На бедных влазь.

Тебе к своим поближе надо –
На телеса, где сала, смрада
Полно; там будет вам услада
Жрать кровь и пот,
Покуда гребень ваше стадо
Не проберёт.

Ты на виду; тебе бы в прятки
Сыграть, забиться под манатки,
Под фижмы, кружева и складки –
Ищи подружку!
А ты залезла без оглядки
Аж на макушку.

Охотно я ваш род распутный
Перетравил бы мазью ртутной;

Сгодится линимент¹ мазутный,
А то пиретрум²;
Каюк ораве шалопутной –
Как сдует ветром.

Я не сумею удивиться,
Когда ты влезешь на блудницу,
На распустёху-озорницу,
На рвань и тряпки;
А ты – на светскую девицу
В роскошной шляпке!

Девушка, чуткость покажи,
Головку гордо не держи,
Себе укрыться подсажи
В тени у стенки –
В тебя ехидные ханжи
Вперяют зенки.

Мы назирать себя должны
Внимательно со стороны,
И быть достаточно умны,
Чтоб по оплошке
Не повергать свои чины
Под ножки вошке!

Перевод с английского Андрея Кроткова

ЛУИДЖИ ОЛИВЕТТИ (род. в 1957 г.)

Луиджи Оливетти по официальной версии родился в Буэнос-Айресе, хотя сам он рассказывает о своём происхождении несколько иную (возможно, сочиненную им) историю. Она о том, что его мамой была еврейская женщина из Санкт-Петербурга, отдавшая сына супругам-итальянцам, которые уехали в Аргентину, а затем вернулись на ро-

¹Линимент (linimentum) – полужидкая мазь, в отличие от твёрдой мази (unguentum). Мази на основе природных битумов стали известны в Европе с середины XVIII века. Сырьё привозили с Ближнего Востока (район Мёртвого моря) и с острова Тринидад. Применялись для лечения кожных заболеваний. Действенность битумных мазей против педикулёза – распространённое заблуждение той эпохи.

²Пиретрум, он же персидский порошок – высушенные и мелко растёртые цветки персидской ромашки (Pugethrum roseum); эффективное средство против клопов, тараканов, блох, вшей и клещей, широко применявшееся вплоть до середины XX столетия. (Прим. пер.)

дину. Большую часть жизни Луиджи провел в Милане, а в настоящее время обитает на вилле в прекраснейшем уголке Лигурийской Ривьеры – в городе Алассио, где жила семья Горького и где любил останавливаться Хэмингуэй.

Оливетти – настоящий поэт-путешественник в поисках мировой души, обращающий в стихи впечатления от поездок по всему миру: Париж, Лиссабон, Канары, Марокко, Гибралтар, Касабланка, улицы Петербурга, откуда родом его жена Маша – хрупкая маленькая женщина, чей образ запечатлён в стихах из первой и пока единственной книги поэта «По ту сторону лиц. Стихи 1980-2016 годов», вышедшей в свет в прошлом году в издательстве «Интерлиния».

ПОСИДИМ В ТИШИНЕ НА ДОРОЖКУ

Давай мы с тобой посидим в тишине на дорожку,
как в нашей далёкой стране это принято делать.
Когда по звучанию слов твоих ввысь поднимаюсь,
ищу то ли память воды, то ли ветвь,
что сломалась весною,
пока повернуться спиной мы пытаемся к северным ветрам,
столпом соляным, чтобы нам не застыть в созерцанье.
Твоим верным «Арго» уже очень скоро я стану,
и «Anima mia»¹ окажется нашим паролем,
пока я пою на ветру, сотрясаясь от дрожи,
и гул голосов после тоста желая услышать:
так делают здесь, когда пьют за того, кого любят,
так принято на берегах этой Балтики летней.
Мы руки сплетём не крестом, а совсем по-другому,
ты в плен, как Калипсо, возмёшь и держать меня будешь:
на острове, где мой корабль так счастливо разбился,
на жертвенник лавовый
мы подношенье положим.
Тогда корабли загорятся вдруг на горизонте,
и незачем будет в честь праздника нам целоваться,
ведь мы на дорожку
разбили единственный кубок,
как в нашей далёкой стране это принято делать.

¹Anima mia (итал.) – душа моя. (Прим. пер.).

НЕ ЗАСОРЯЙ СЕБЯ

Не засоряй себя мусором страхов!
Встань и дай мне
свою детскую руку,
стань моим отраженьем за Невой,
закованной в берега.
Дай мне порыв ветра
и сильные плечи твоего отца,
глубокий голос, который убаюкивает тебя,
и качели на закате
посреди пляжа в Сочи.
Дай мне пройденные препятствия
из сказок и куклу
на окне твоей дачи
под небом
белым в полночь.
Дай мне твою улыбку
бесконечную
и гимн того плача,
что оставляет навсегда
надежду.
У нас с тобой будет
море танцев,
у нас будут луга, чтобы петь,
собирая чернику,
чтобы радость отразилась в наших глазах
там, где живут
склонившиеся лица матерей,
которые защищают
от разъедающих тайн,
терзающих каруселей раненой пыльцы,
чтобы отыскать тот лепесток
неожиданной маргаритки,
то дыхание света
между телами.

Перевод с итальянского Дарьи Белокрыловой

РЕНАТА ЦЫГАН (род. в 1968 году)

Рената Цыган – современная польская поэтесса, которая также пишет прозу, а кроме того она художник, график, иллюстратор и фотограф. Лауреат многих национальных и международных конкурсов. Живёт в Лондоне, работает редактором на телевидении. Автор публикаций в литературных журналах, альманахах и антологиях. Выпустила целый ряд поэтических книг.

В данную подборку вошли стихи из книги «Бываю трубадуром», вышедшей в 2017 году. Стихи переводились на английский, болгарский, белорусский, русский и другие языки. Дважды приезжала в Россию на фестиваль славянской поэзии «Поющие письма» по приглашению его художественного руководителя – поэта и переводчика Сергея Гловюка (в 2016 и 2017 годах).

БЫВАЮ ТРУБАДУРОМ

Не снятся умершие мне,
Я не кричу им вслед.
Пусть уплывают в лучший мир
Сквозь облачный просвет.

Порой и я, как трубадур,
В бессонной ночи час
По волнам памяти плыву
Тех, кого нет среди нас.

Хотя ни с кем из них давно
Свиданья наяву
Не стоит ждать, но мы одно,
Лишь ими я живу.

Не снятся умершие мне:
Ведь смысла нет, а жаль,
Смотреть с надеждой в пустоту
Сквозь горьких слёз вуаль.

Мчит вдаль состав судьбы, а я
Всё пробую тишком
Двух рельсов лопнувших края
Стачать одним стежком.

КАК ПИШУТСЯ СТИХИ

Ищи названия на ветках,
Спешి собрать, едва созрели
Со свежей яркостью в расцветках,
Пока они не потускнели.

Выдергивай из почвы строки,
В лугах их поливали грозы,
Чтоб лучших слов вобрали соки
Редкоземельных смыслов дозы.

А слог высокий, тот, что нужен
Поэтов королю на троне,
Отыщешь в небе средь жемчужин
Под шёпот звёзд в его короне.

НАДУВНЫЕ ТАКСЫ В СТРАНЕ КАКТУСОВ

Жизнь не сообщает, что дошла до края,
Хоть мы догадаться сами бы могли.
Делай вдох за вдохом, радуясь, страдая,
Падай с нёба неба на язык земли.

Змей в уме шипенье, а в ладонях – грёзы,
В чашке – предсказанья из чайнок мне.
Всё-то мы рядимся в радуги и розы –
Надувные таксы в кактусов стране.

Небеса лазурны, совершенно тело,
Губы, жесты, позы – лучше не смотри!
В перьях и алмазах мы, такое дело,
Безупречны с виду, полые внутри.

ЧЕРЕШНЕВАЯ ОРГИЯ

Уже набухло новой жизнью что-то,
Чья плоть была везде – ала, кругла.
А сколько съела – сбилась я со счёта,
Но всё ж остановиться не могла.

Я думала, что эту страсть прихлопну,
Но солнце в дверь сочилось по лучу.
Казалось, что всего одна и лопну,
Не влезет больше, но... ещё хочу!

Я ела, ела и с ума сходила,
Кругом валялись косточки в траве.
Сосала сок, и мне всё мало было:
Такой компот варился в голове!

Одна к другой – мне приходилось туго,
Подсела я на сладкую иглу,
И голый Купидон пустил из лука,
Устав смотреть на это всё, стрелу

От зависти – он голода не знает,
Но если б мог, со мной бы ел, стервец!
Пусть из рогатки косточки пуляет,
Чтобы разбитых не было сердец.

ШЕЛКОВИЦА

Шелковица – сладкая ягода белая.
Мы угол срезаем вдоль кладбища сонного.
В ветвях то ли пение птицы несмелое,
А может, пищанье котенка бездомного.

Вон сколько шатается около школы их:
Пёс, слова «домой!» не узнавший значения,
Ребята чумазые и полуголые –
У них-то за каждым углом приключения!

Срубили шелковицу, школьное здание
Весною снесли, несмотря на протесты,
Но как же я камерой воспоминания
Приблизить хочу это время и место!

ТЫ В МОИХ МЕЧТАХ

Предсказанный проповедником
Меж облачными холмами,

Мне явленный без посредников
Поэмами и псалмами,

Рябиновой серенадою,
Прищурами глаз зелёных,
Огнём они пусть порадуют –
Прохлада не для влюблённых.

Устала не соглашаться я
С реальностью чуждой всею.
Скажу: «Прощай, гравитация!» –
И взмою в воздух, как фея.

ШКАФЧИК С ЛЕКАРСТВАМИ

Маленький шкаф, где хранятся пилюли.
Доступ открыт к ним – достань их небрежно,
Эту не дрогнув попробуешь, ту ли
Ты из флаконов, мерцающих нежно.
Мельница мыслей, во рту, как в июле,

Сухо, но шкаф, где хранятся вердикты –
Мощь избавления в крошечных склянках,
Даже сквозь преющих листьев реликты
Солнцем надежды сияет в обманках.
Дни без конца, ночи кратки, как крипты.

Маленький шкаф для большого сеанса.
Чей-то звонок, вынуждающий руку
Отдернуть и выйти из транса
С мыслью, пронзившей сознание сквозь муку,
Жизнь не лишать её нового шанса...

Перевод с польского Ирины Ковалёвой

КРИСТИНА ДЖОРДЖИНА РОССЕТТИ (1830 – 1894)

Кристина Д. Россетти¹ – английская поэтесса, сестра живописца и поэта Данте Габриэля Россетти. Их отец, Габриэль Россетти, итальян-

¹<https://www.livelib.ru/author/200940-kristina-dzhordzhina-rossetti>

ский литературный критик, поэт-романтик и учёный, эмигрировал в Лондон в 1824 году, мать – Фрэнсис Полидори. Кроме Данте Габриэля и Кристины в семье было ещё двое детей: Мария и Уильям, оба стали писателями.

Кристина Россетти получила домашнее образование, в основном её обучением занималась мать. Большое влияние на будущую поэтессу (как и на её брата Данте Габриэля) оказало творчество итальянских классиков – Данте Алигьери и Петрарки.

Уже в подростковом возрасте Кристина Россетти страдала от нервных срывов и депрессии. В этот период она начинает серьёзно интересоваться доктринами англиканской церкви, что окажет большое влияние на её дальнейшее творчество.

В юности Кристина Россетти была помолвлена с художником Джеймсом Коллинзом, входившим вместе с её братом Данте Габриэлем в авангардную группу художников Братство Прерафаэлитов. Однако помолвка была разорвана в 1850-м году, когда Коллинз принял католицизм. Позже у Кристины будет ещё один роман – на этот раз с лингвистом Чарльзом Кэйлей, но брак вновь не состоялся – и снова по религиозным причинам. Третьим претендентом на руку поэтессы был художник Джон Бретт, но ему также было отказано.

Кристина Россетти начала писать стихи с 1842 года, чаще всего имитируя своих любимых поэтов – Китса и Скотта. С 1847 она начинает экспериментировать с различными стихотворными формами: гимнами, балладами, сонетами. Первые её стихи, следуя традициям романтизма, часто касаются тем смерти и потери любимого человека.

Самым знаменитым её произведением стал сборник «*Goblin Market and Other Poems*», иллюстрации для которого выполнил её брат Данте Габриэль Россетти. Сборник вышел в свет в 1862 году. Он получил одобрение критиков, которые объявили Россетти самой значимой женщиной-поэтессой своего времени.

29 декабря 1894 года она умерла от рака и была похоронена на известном лондонском кладбище Хайгейт (Highgate). В начале XX века, в связи с развитием модернизма, поэзия Кристины Россетти оказалась подзабыта, и была вновь открыта уже в 1970-х годах. Современная английская критика отводит ей заметное место среди поэтов викторианской эпохи.

КТО ОСВОБОДИТ МЕНЯ?

Укрепи меня, Боже, стерпеть себя –
Ношу, что всех тяжелей –

Неотъемлемый груз заботы моей.
Лишнее я гоню от себя;

Наглухо дверь закрываю,
Когда суету и безделие вон выставляю.
Дверь закрываю, прогнав от себя
Чуждое мне. Но кто, как стеной,
Меня защитит от меня самой?

Если бы мне превозмочь себя,
Включиться очищенной в гонку:
Всем надо бежать! Спешит смерть вдогонку.

Если б могла удержать я себя
Не сторониться дороги,
По которой проходят многие!
Закали меня, Боже, осилить себя –
Трусливую, с голосом жалким,
Что отдыха, радостей жаждет;

Меня, у кого для себя –
Нет лживее друга, врага заклетей,
И куда б я ни шла – весь путь из препятствий...
Но всё же есть Он. Я увижу себя
Без тяжких терзаний – ярма своего;
Я стану свободной участием Его.

ЗИМНИЙ СОНЕТ

Малиновка прощebetала: «Весна не придёт никогда;
И дом не хочу я строить без лучезарного дня».
Молвил куст Розы: «К несчастью, злые стоят холода:
Мне соком не отозваться на солнце иль капли дождя».
Сказал полумесяц устало: «Время туманов настало –
Убывать, прибывать утомился уж я».
И океан – величаво: «Жаждой мучиться мне ли пристало –
Всем рекам земли не насытить меня».
Но весна всё ж пришла, и дом Малиновка свила;
О любви в полной радости пела она.
И Роза, красы небывалой полна,
Раскрыла бутоны, что прежних красней;

Луна ярко-ярко светила; Солнце гребни волн озарило,
Океана синь углубило, а жажда стала сильнее.

ПЕСНЯ

О, что над морем несётся,
Над мелководьем, зыбучим песком;
И чем во мне отзовется,
Входя быстро иль медленно в дом?

Ветер над морем несётся
Со стоном, в порыве шальном.
Ничем, знаю, не отзовется,
Входя быстро иль медленно в дом.

Пусть буду я: жизнь ещё бьётся.
Жребий мой – в сердце моём.
Море, суша ль... Одним отзовется –
К одному – всё входящее в дом.

ГДЕ Я БЕЛУЮ РОЗУ НАЙДУ?

Где я белую розу найду?
В прекрасном саду, где гуляла.
А сад мой в глубоком снегу,
И роза не расцветала.
Лишь ветер и снег. Я её не найду.
Сад весь в снегу.

Где же я рдяную розу найду?
На клумбе знакомой, у старых камней?
Но дождь бесконечен в озябшем саду,
И ей не поднять головки своей.
Я рдяную розу уже не найду.
Ливень в саду.

Где мне бутон красной розы найти?
В весеннем саду, где блистала красой.
Но бурный поток не смогу перейти,
И розы в цвету пока нет ни одной.
Что можно живое в стихии найти?
Потоки не перейти!

Сейчас я печальная. Зимние дни;
Сегодня шипы... Закончится гнёт –
Завтра блистать будут розы мои;
Зима все печали вдаль унесёт.
Ни зимы, ни печали. Возрадуют дни –
Завтра – розы мои.

НАКОНЕЦ

Часто в песнях ядом зовётся любовь.
Для меня же любовь – бальзам.
Она радость, блаженство даёт сердцам,
Чтобы жить, умереть и воскреснуть вновь.
Свет Царства Небесного всё озарить нам готов;
Открыть любовь ясной, без тайн и драм;
И не надо искать по дальним морям
Богатство ли, мудрость. Вся наша любовь –
В наших пределах. Ей только внимать
Мы будем в желанном покое
Без поисков зыбкого смысла. Такое
Познаем без страха и муки былой.
В конечном итоге: любовь наша – часть
Небесной любви за путь наш земной.

Перевод с английского Валентины Брилёвой

УИЛЬЯМ ШЕКСПИР (1564 – 1616)

ОТЕЛЛО

Трагедия в V актах

Действующие лица:

Дож Венеции
Брабанцио, сенатор
Грациано, брат Брабанцио
Первый сенатор
Второй сенатор
Лодовико, родич Брабанцио
Мавр Отелло, генерал

Микаэль Кассио, лейтенант при нём
Яго, порученец Отелло
Родриго, влюблённый в Дездемону венецианский вельможа
Монтано, губернатор Кипра до Отелло
Шут
Герольд
Дездемона, дочь Брабанцио, жена Отелло
Эмилия, жена Яго, служанка Дездемоны
Бьянка, любовница Кассио, куртизанка
Офицеры, знатные вельможи, послы, музыканты, матросы, слуги
Место действия – Венеция и Кипр

АКТ V

Сцена 1

Входят Яго и Родриго

Яго

Ты за колонной этой затаись. Жди, он появится и скоро. Твоею шпагой должен быть заколот. Удар ему смертельный нанеси. Изю всех сил. Робеть тебе не надо. Я буду рядом. С духом соберись. Твоя теперь, дружок, на карте жизнь.

Родриго

Ты подстрахуй, а вдруг я не сумею.

Яго

В твоём лице я храбреца имею. *(Отходит от него подальше)*

Родриго

Готов ли человека я убить?! Его мне, Яго, не разубедить. Тогда – не подведи, клинок! *(Прячется за колонну)*

Яго

Я в эту рану всыпал столько соли, что непременно Кассио убьёт. А коли в схватке пострадают оба, я в выигрыше вновь, уже до гроба. Родриго уцелей, потребует вернуть, что передал я как бы Дездемоне. Останься Кассио в живых, упрёком вечным будет мне и может даже генералу выдать. Переживу ль такую я обиду?! Но, чу! Его шаги.

Появляется Кассио.

Родриго

Упругою походкой он отличен. *(Кидается на Кассио)* На, получай!
Ты это заслужил!

Кассио

На мне надёжный панцирь. Сам я жив, а выживешь ли ты, ещё не знаю?
На твой удар ударом отвечаю. *(Ранит Родриго)*

Родриго

Меня убили! Горе мне!

Яго выскакивает из засады, ранит Кассио в ногу и оставляет в ночи.

Кассио

Ко мне! На помощь! Помогите! Разбойники, убийцы, ранен я *(Падает)*.

Появляется Отелло.

Отелло *(в сторону)*

То стонет Кассио, я голос узнаю. Выходит, Яго честный держит слово.

Родриго

Я подлый негодяй! Один из вас.

Отелло

Творятся же дела у нас!

Кассио

Эй, кто-нибудь! Хирурга мне, хирурга!

Отелло

С ним кончено. Позор мой смывает. И твой возлюбленный убит. Настал черёд тебе за всё ответить. За блуд тебя накажут руки эти! И есть она на свете, эта сила. Любви высокой ложе осквернила!

Уходит. Появляются Лодовико и Грациано.

Кассио

На помощь! Где дозор?! Эй, кто-нибудь!

Грациано

Истошным криком кто-то там исходит.

Кассио

Меня задевший где-то близко бродит.

Лодовико

Один ли этот тут вопил в ночи?

Родриго

О, негодяи! Трусы! Палачи!

Лодовико

Да их тут двое или даже трое. А не засаду ль кто-то тут устроил?! И темень, выколи хоть глаз! Не стоит приближаться к ним сейчас. На крики скоро набегут наверно, тогда и подойдём... Тут что-то скверно.

Родриго

Я кровью истекаю, Боже правый!

Появляется Яго с факелом.

Лодовико

Сюда идут. Нам нечего таиться.

Грациано

Да, кто-то там в рубашке нараспашку. Он с факелом, да и вооружён.

Яго

Чей слышу стон? Кто тут кричал «убийцы?!»

Лодовико

Что разберёшь в кромешной этой тьме?

Яго

Особый, что ли, надо слух иметь?

Кассио

Сюда идите! Помогите!

Яго

Не говорите – уши заложило. Кого-то точно ночью здесь убило.

Грациано

То голос лейтенанта при Отелло.

Лодовико

Его я помню. Воевал он смело.

Яго

И всё же кто там жалобно вопит?

Кассио

Ты, Яго? Встать мне помоги, не то лишиться я могу ноги.

Яго

Как, лейтенант? Кто ранить вас посмел?

Кассио

Он там лежит бандит, задетый мною, и стонет так, как будто рана ноет.

Яго

На помощь, поскорее, стервецы! Тут может человек отдать концы.

Родриго

Меня кто слышит, люди, помогите?!

Кассио

Он тот, кто первым на меня напал.

Яго

Ничтожество! Теперь-то ты пропал! *(Закалывает Родриго)*

Родриго

Будь трижды проклят, беспородный пёс! *(Умирает)*

Яго

Удобно убивать людей во тьме. А был ли кроме этих кто ещё? Разбои в городе наперечёт. *(К Лодовико и Грациано)* Вы кто тут будете, да и взяли откуда?! И за кого считать теперь мне вас?

Лодовико

Мы те, кем знаете сейчас.

Яго

Синьор Лодовико, какими тут судьбами?!

Лодовико

Мы здесь по поручению Сената.

Яго

Я перед вами виноват. Разбойниками Кассио наш ранен.

Грациано

Как Кассио? Он в генерала должен быть охране.

Яго

Дай погляжу, так ли опасна рана?

Кассио

И отдаёт случившееся странным. Ударом подлым ранен кем-то в ногу.
Я звал, не мог дозваться на подмогу.

Яго

Синьоры, вы простить меня должны, но рана глубока и просит перевязки. Ему свою рубашку я отдам, как и пожертвую подвязки.

Входит Бьянка.

Бьянка

Отсюда крики, услышала, доносились. Сказал бы кто мне, что же тут случилось?

Яго

Пока от друга помощи дождался, он, кровью исходя, беспомощный валялся.

Бьянка

Мой Кассио! Единственный мой милый! Тебя любить я буду до могилы!

Яго

Что на него наслеза ты, блудница?! И как такое, лейтенант, могло случиться?! Кто б мог на вас напасть, чтоб изувечить?! Вы на кого изволите грешить?

Кассио

Себе такого не могу я разрешить.

Грациано

Как только опустился вечер, искать я тотчас начал с вами встречи.

Яго

Сюда б носилки, отнести домой. Повязку б наложить на рану. Я выявить хотел бы подлеца, который посягнуть посмел на друга.

Бьянка

Слабеет он, и нет на нём лица.

Яго

Имею основанье полагать, что всё устроила она, его подруга. (*К Кассио*) Подайте факел, надо посмотреть, кто мог на Кассио напасть. (*Подходит к телу мёртвого Родриго*) Теперь-то понимаю, что за масть. Подумать только, друг мой закадычный! И до чего же это неприлично!

Грациано

Венецианец? Вы видали?!

Яго

Синьор, его вы опознали?

Грациано

Да, знал его, и даже близко очень.

Яго

Жаль, что в знакомствах был я неразборчив.

Грациано

Вас встретить здесь я несказанно рад.

Яго

Что, Кассио, мой друг, мутнеет взгляд?

Грациано

Подумать только! Это был Родриго.

Яго

Он самый. (*Кассио кладут на носилки*) Теперь за вас спокоен, лейтенант. Я думаю, опасность миновала. Схожу-ка за хирургом генерала. (*К Бьянке*) А ведомо ль тебе, что тот убитый, был другом мне? Рассориться в каком могли вы дне?!

Кассио

Не знал его дотолле отродясь.

Яго *(к Бьянке)*

Должна же быть какая-то тут связь! Мертвящей бледностью лицо твоё покрылось. Не скажешь ли с чего? Что тут могло стрястись и как случилось? *(Кассио и тело Родриго уносят)* Синьоры, задержаться вас прошу. *(К Бьянке)* Ты пятнами пошла, с какого перепугу? Вы гляньте-ка на Кассио подругу! Тень сговора преступного на ней, ей-ей!

Появляется Эмилия.

Эмилия

Что здесь случилось, Яго, говори?!

Яго

Родриго, да и кто-то с ним на Кассио напали вероломно. Родриго мёртв. А Кассио задело в передряге.

Эмилия

О, Кассио! Досталось же бедняге!

Яго

Сходила б к Кассио – узнала, где нынче ужинал и с кем? *(К Бьянке)* А мы тебе вопросами поможем. Сдержатъ не можешь почему-то дрожи?

Бьянка

Он мною был на ужин приглашён. И с ним мы посидели хорошо.

Яго

Ах, ты его на ужин заманила? Пойдёшь сама или придётся силой?

Эмилия

Души развратней не встречала прежде.

Бьянка

Жила – приворожить его в надежде. Без Кассио не проживу и дня, и, думаю, ты не честней меня.

Эмилия

Нашла мне тоже – с кем себя сравнила! Я именем и честью дорожила.

Яго

Довольно, дамы, препираться вам. Пора бы Кассио проведать, узнать – когда оправится от ран? (*К Бьянке*) А ты последуешь за нами, как и порядком всё изложишь там. Эмилия, ты – ноги в руки, в замок. Что здесь стряслось, там все узнать должны. До слуха генерала доведи. Особо – до его жены. А нам, синьоры, нечего тут делать. (*В сторону*) Какая ночь! Коль своего я не добьюсь, меня фортуна, видимо, не любит и непременно, стало быть, погубит.

Уходит.

Сцена 2

Опочивальня. Дездемона спит. На столике горит свеча.

Входит Отелло

Отелло

Вот и она, причина всех причин. Вам, звёзды, знать её не надо имя. И кровь её пролить не жажду я. Атласной кожи б мне не повредить... Но ей и так уже не жить! (*Обнажает кинжал*) Она ведь и других способна обмануть. Не дать ей сделать этого я должен, как и свечу обманную задуть! А после, как об этом пожалею, как мне зажечь её опять? Не Прометей я. Где огонь мне взять?! Она ль не роза? Как срежешь розу – к стеблю не приделать. (*Целует*) Дыханья слаще прежде не знавал! Но жизни нить её прервать я должен. Печали кровь уже шуршит под кожей. Глаза мои – озёра слёз! Губить, что нам дано любить вовеки?! Дружочек мой, ты разлепила веки?..

Дездемона

Кто здесь? Не ты ли, друг Отелло?

Отелло

Я это, Дездемона. Отдыхай!

Дездемона

И что же не ложишься?

Отелло

Ты за собою знаешь ли грешок, чтоб Бог и тот простить тебе не мог?! Подумаю об этом и немею.

Дездемона

Речей твоих, прости, не разумею.

Отелло

Молись, молись! Тебя не тороплю. Перед кончиной духом хоть окрепни. На душу посягать и смысла нет мне.

Дездемона

Уж не о смерти ль говоришь со мною?

Отелло

О ней, о ней! Не стать нам к ней спиною.

Дездемона

О, Боже правый! Господи, спаси!

Отелло

Аминь! Спасенье там, на небеси.

Дездемона

Меня убьёшь иль можно ждать пощады?

Отелло

Какой, прости, ты ждёшь ещё награды?

Дездемона

Глаза твои грозят мне из орбит, и ты какой-то странный. Что болит? Вины за мною, муж мой, никакой! Один лишь вид меня пугает твой...

Отелло

Перебери грехов своих корзину. Их добрую хотя бы половину.

Дездемона

Мой главный грех – к тебе моя любовь!

Отелло

За этот грех вот и прольётся кровь.

Дездемона

Любовь со смертью, муж мой, несовместны! С чего ты озверел, скажи мне честно?! Тебя колотит дрожью непонятной. Какой заряжен ложью бы понять мне! Мне ль жертвою её несчастной стать? О чём ты мне? Я пред тобой чиста!

Отелло

Молчи! Не оскверняй уста!

Дездемона

Умолкну, коль тебе угодно это.

Отелло

Ты подарила Кассио платок, который для тебя лишь я берёг.

Дездемона

Пошли за ним и он тебе покажет, что не дарила я ему платка.

Отелло

Смерть замерла у твоего виска.

Дездемона

Не учинишь же надо мной расправы?

Отелло

Она ещё и молит, Боже правый! Нет, чтоб покаяться в грехах, она от сердца отгоняет страх. А мне покоя не даёт решимость, с какой её обязан порешить ...

Дездемона

О, Боже правый! Муж мой, не спеши! Дай высказаться. Сжался надо мною! Не надругалась над твоей любовью, как не дарила Кассио платка. Его как человека я любила. Как только ближних любят все в веках.

Отелло

Но у него я видел тот платок. Твоё венецианское коварство мне в камень сердце превратило вмиг. Довольно для убийства тех улик. В руках у Кассио я видел тот платок.

Дездемона

Я потеряла, а найти он мог. Пошли за ним, он всё тебе изложит.

Отелло

Он всё сказал и ложь тут не поможет. В преступную вы с ним вступили связь.

Дездемона

Не может эта грязь пристать ко мне. Коль подло лжёт, гореть ему в ог-

не!

Отелло

Жаль только, смерть ему зажала рот. Честь отстоял мою наш Яго честный.

Дездемона

Мои, выходит, мольбы неуместны?!

Отелло

За каждый волос, что моей касался чести, ему воздал бы полностью мести.

Дездемона

Обманут ты и человек оболган. Теперь твоей расправы ждать недолго.

Отелло

Свидетельство измены – плач о нём. О нём же крепи просьбы с каждым днём.

Дездемона

Что убивать меня? Прогнал бы прочь.

Отелло

Ты имя генерала не порочь!

Дездемона

Не убивай! Дожить дай до рассвета.

Отелло

Сдалось тебе на что, скажи мне, это?!

Дездемона

Хоть полчаса, пожалуйста, даруй!

Отелло

Что это даст, обманщица? Ликуй!

Дездемона

Дай Богу мне хотя бы помолиться!

Отелло

Ну, с этим опоздала ты, блудница! (*Душит её*)

Эмилия (*за сценой*)

Хозяин! Господин! Откройте мне, откройте!

Отелло

Кто там шумит? Ещё жива бедняжка эта, дышит. Я милосерд. Прервать мученья – милосердья выше. (*Вонзает в неё клинок*)

Эмилия

Синьор! Синьор! Откройте, господин!

Отелло

Кто там стучит? Я здесь теперь один.

Эмилия

Синьор, я вам должна сказать...

Отелло

Ты отошла. Эмилия примчалась. Никак от Кассио весть принесла уже. Мне как-то легче стало на душе. Впускать иль не впускать? Сюда ворвётся – тотчас к Дездемоне. А той уж нет. Она мертва. Судьбы погасло солнце. И обруч гнева давит на мозги, и ходит почва под ногами. И в душе всё рвётся. Ох, этот шум!

Эмилия

Я жду, синьор! Откройте мне, прошу!

Отелло

Я и забыл про горничную эту. Сейчас, сейчас! Иду уже, иду! (*Задёргивает полог над ложем*)

Входит Эмилия.

Отелло

С чего ты вдруг, скажи, сюда явилась?

Эмилия

Убийство подлое там, генерал, случилось.

Отелло

Когда могло оно произойти?

Эмилия

Да только что. И к нам на полпути.

Отелло

Как не успеет месяц народиться, так тут же происходят все убийства.

Эмилия

Заколот Кассио рукой венецианец: он Родриго звался.

Отелло

Убит Родриго? Кассио погиб иль жив остался?

Эмилия

Жив Кассио. Он уцелел, но ранен.

Отелло

Мсть не свершилась. Радоваться рано. Несправедлив ко мне весь белый свет!

Дездемона

На мне вины, клянусь, Отелло, нет!

Эмилия

Откуда этот стон, мой господин?

Отелло

Ты слышишь стон? В груди моей гудит.

Эмилия

О, Боже правый, Дездемона! Ко мне, на помощь! Что случилось с вами?

Дездемона

Всего, увы, не выразить словами. На мне вины, клянусь святыми, нет!

Эмилия

И кто за вашу смерть мне даст ответ?

Дездемона

Виновных нет. Я смерти предала себя сама. Прощай, мой муж! И не сой-

ди с ума!

Отелло

Кто руку поднял на мою жену?!

Эмилия

Я, право, не пойму.

Отелло

Ты слышала. Она тебе призналась, что умерла не от моей руки.

Эмилия

Да, слышала. И смею подтвердить.

Отелло

И что из уст её обман исходит? Она лгала мне, подлое отродье! И к дьяволу её отправил я!

Эмилия

Выходит, что она была безгрешна. И вы не греховодницу убили.

Отелло

Кого ж тогда, скажите мне, любил я? Она рога наставить мне успела.

Эмилия

Убив её, оклеветать – не дело.

Отелло

Она морских была коварней вод.

Эмилия

Нет! Дал бы ваш рассудок задний ход!

Отелло

Любовь с моим крутила лейтенантом. О том у мужа своего спроси. Решился б я на это без причины?! Не приводилось горше знать кручины. Я этим мужу твоему обязан.

Эмилия

Причём мой муж? У Дездемоны с Кассио ни связи не было, ни даже к ним попыток, поклясться вам готова хоть под пыткой. Вам верности она держала слово. Причём тут муж мой, не пойму никак.

Отелло

А он-то мне и подал первый знак, что за спиною у меня творится. Безмерно честен, блуда сторонится.

Эмилия

На это намекнул вам муж мой, Яго?

Отелло

Он, честный Яго. Друг мой верный.

Эмилия

О, бедная синьора! Жертва скверны. Изменницею вас мой муж нарёк. Как ложь не встала глотки поперёк?! Да как он мог?

Отелло

Он честный Яго. Изволишь мужу твоему не верить?!

Эмилия

Выходит, что я замужем за зверем. Он наглый лгун, и нет души подлее. Любила Дездемона вас открыто. Любила честно, страстно, горячо. А ей в мужья достался глупый чёрт.

Отелло

Ах, ты меня ещё находишь глупым?

Эмилия

Уже того, как обошлись вы с нею, в вас низменные нравы выдаёт. Почто Господь такого вас не лупит?!

Отелло

Плевал я на твоих упрёков жало! Как вижу, ты от страха задрожала.

Эмилия

Срастился с негодяем в вас глупец. Предстанет перед всеми, наконец, хозяин мой, каков на самом деле! Впрямь, чёрная душа тут в чёрном теле. Сюда, на помощь! Люди, я без сил! Жену свою убийца умертвил!

Входят Монтано, Грациано, Яго и другие.

Монтано

Кто тут кричал? Что, генерал, тут было?

Эмилия

Ты, Яго, появиться тут посмел? Так на плоды своих любуйся дел! В убийствах признаются здесь другие, меж тем один лишь ты тут сеял зло.

Грациано

Кто объяснит, что здесь произошло?

Эмилия

Коль есть в тебе ещё хоть тень мужчины, ложь этого поганца опровергни: он утверждает – ты ему сказал о том, что, мол, жена, ему, как говорит он, неверна. Ты ж не такой отпетый негодяй? Отпор ему, клеветнику, ты дай!

Яго

Я с ним всего лишь мыслями делился. Он с ними, как я понял, согласился. Что быть такое может, допускал. За горло и взяла его тоска.

Эмилия

Ты говорил, жена-де неверна?

Яго

Да, и тому поверил он сполна.

Эмилия

Проклятый клеветник! Ведь ты солгал. И Кассио приплёл, небось, для виду. Как Дездемону мог ты дать в обиду?!

Яго

О Кассио и был-то разговор. На этот счёт с ним не вступал я в спор. Об этом ты могла б и промолчать.

Эмилия

Тебе за всё придётся отвечать. Из-за твоих интриг она убита. За пологом за этим и лежит там.

Присутствующие в голос

Спаси нас, Господи, спаси нас и помилуй!

Эмилия

Владеет клевета убийства силой.

Отелло

Синьоры, что же вы остолбенели? Там я оставил Дездемоны тело.

Грациано

У этого злодейства страшный лик!

Монтано

Немеет по творимому язык!

Эмилия

Теперь-то и приходит мне на ум, как муж просил, не поднимая шум, отдать ему платок. Мне горе стало горла поперёк. Я в просьбе гнусной той пошла ему навстречу... Теперь уж мне оправдываться нечем!

Яго

Что ты несёшь?! Уж не рехнулась ты?! Иди домой и поливай цветы!

Эмилия

Послушной мужу подобает быть жене. Но не сейчас и, точно уж, не мне. Синьоры, правду вам поведать – не отвага. Да и домой не ворочусь я, Яго.

Отелло (*в отчаянии бросаясь на постель*) Ах, что я натворил, твой чёрный раб, о, Боже!

Эмилия

Тебе до гроба каяться, похоже! В страстях своих и груб, и неуклюж, ты загубил чистейшую из душ!

Отелло (*приподнимаясь*)

Не верьте ей! Я ведал точно, как она порочна! (*Грациано*) Я знаю вас. Вы – Дездемоны дядя. Теперь, в глаза вам честно глядя, готов признать, что ревностью горя в огне её бесстыдств, позверствовал я зря.

Грациано

Племянница покойная моя! В твоей кончины пребываю думе. Отраднo, что отец твой умер. Твой странный брак удар ему нанёс. Его едва ли видела ты слёз. Он пребывал в невыносимой скорби, что боль души его без меры горбит...

Отелло

Что с Кассио они в прелюбодействе, то даже Яго подтвердить готов.

Жена меня безмерно огорчила, когда ему мой первый дар вручила. Безоблачной любви моей залог, в руках у Кассио я видел тот платок...

Эмилия

За что меня наказываешь, Бог?!

Яго

Жена, ты не при чём. Молчок!

Эмилия

Ты придержать велишь мне язычок? Теперь уж нет! Окстись! На душу грешную хоть небо ополчись, молчать не стану. Ты в сердце обнажил такую рану.

Яго

В себя приди! И приведи себя в достойный вид.

Эмилия

Он рот заткнуть мне норовит!

Яго кидается на жену с кинжалом.

Грациано

С кинжалом и на женщину кидаться?! С чего ты, Яго, начал вдруг метаться?

Эмилия

Ну, до чего же, мавр, вы глупец? Платок подобрала я ваш случайно, да и бездумно мужу отдала: его он выкрасть умолял отчаянно. И, вот, интриги яд заварен!

Яго (к Эмилии)

Гнусней тебя не видывал я твари!

Эмилия

Чтоб госпожа дарила Кассио платок?! То несерьёзно! Такое б идиот подумать мог. Он просто был оброне Дездемоной... Муж выпросил его в то время слёзно.

Яго (вновь пытается ударить жену)

Меня бросает в дрожь вся эта ложь!

Эмилия

Прошу, синьоры, верить мне: не лгу. Пред совестью своею я в долгу. И в этом признаю свою вину. Вот и угробил недоумок свою прелестницу жену.

Отелло

Кого карать, небес летите стрелы?! И до чего мерзавцы все умелы!
Бросается на Яго. Тот, увернувшись от удара, поразив жену, убегает.

Грациано

Нелепой смерти ты свидетель, Боже! Убил жену наш дурень чернокожий!

Эмилия

Как понимаю, мне уже не жить... Прошу меня к синьоре положить.

Грациано

Да, негодяй утёк! Жены убийство за собой повлёт.

Монтано

Какая изворотливая сволочь! Вот мавра личный меч. Его вручаю вам. Прошу его стеречь, не выпускать его отсюда, хотя б его вам и убить пришлось. Меня же душит на мерзавца злость. Помчусь-ка я за ним.

Монтано и Грациано уходят.

Отелло

Случившимся я просто обессилен. И без сопротивленья отдал меч. Какую честь мне и к чему беречь?! И что отныне я собою значу?! Мной жизни смысл случившимся утрачен...

Эмилия

Содеянного б мавр, тебе стыдиться! Жена твоя была что голубица! Она про иву-ивушку всё пела. Тебя ли без конца, себя жалела. Душа её была – любви кристалл. Она перед тобой была чиста!..

Отелло

Здесь потаённый я устроил уголок. Толедский я припрятал там клинок. Он дорог мне: из закалённой стали. Меня вы сторожить за дверью не устали?..

Грациано

Попробуешь прорваться – пожалеешь. Оружия-то больше не имеешь...

Отелло

Коль я, уверен ты, обезоружен, входи смелее, разговор нам нужен.

Входит Грациано.

Грациано

Ты пригласил меня для разговора.

Отелло

Коль на призыв откликнулся ты скоро, гляди: в руках держу клинок. Таких не знал ещё солдата бок. К врагам не раз врубался он в порядки и дерзостно дорогу прорубал. Но тот отрезок жизни миновал. Тебя кинжал мой не пугает пусть. Здесь мой конец, и жизни пройден путь. Чем гавань не последняя души? Туда Отелло надо поспешить. (*Оборотясь к Дездемоне бездыханной*) Как смерть обезобразила тебя! Лицо твоё бледней ночного платья! Не примет высший суд в свои объятия двух хладных тел. Дух дьявола в меня уже влетел, ну а к тебе – небесные созданыя. К тебе, не позволяя прикоснуться, меня макают в серы океан – гореть в огне. О, Дездемона! Горе, горе мне!

Входят Лодовико, Монтано. На носилках вносят Кассио, следом идут офицеры и скованный Яго.

Лодовико

Где тот безумец, жалкий бедолага?!

Отелло

Которого вы знали как Отелло? От прежнего осталось только тело.

Лодовико

Что, Яго, скажешь ты на это, гад ползучий?! Воистину у нас несчастный случай!

Отелло

Конечности твои б мне оглядеть. Коль ты и впрямь исчадьё ада, и мне тогда тебя не одолеть. (*Ранит Яго*)

Лодовико

Да отнимите ж у него клинок, мой бог!

Яго

Царапине я этой только рад.

Отелло

Ты с этим жить теперь обязан, мерзкий гад. Спасительной, синьоры, уж поверьте, подонок этот не достоин смерти.

Лодовико

Герой сражений и баталий бог, как угодить в такой капкан ты мог?

Отелло

Без почестей былых, ушатов лести – во времени признаёте – и вы: в убийцах я лишь во спасенье чести.

Лодовико

В содеянном сознался негодяй, но и признал: его руками вы собирались Кассио убить.

Отелло

Такое, да, имело место быть.

Кассио

К тому я повода не подавал вам, генерал.

Отелло

Готов поверить и простить меня прошу. Смутить мой дух сумел мерзавец этот. Как дотянусь до мрази – задушу...

Яго

Тяните жилы – слова не скажу.

Лодовико

Мы б помолиться только предложили.

Грациано

Всем дыба развязать язык умеет.

Отелло

Нет дыбы ничего, видать, умнее.

Лодовико

Пришла пора вас посвятить, синьоры, во все детали, чтоб каждый разо-

браться мог: на теле бедного Родриго случайно обнаружилось письмо, а в том ещё одно. Убийства Кассио касается оно. Подлее подлого задумана интрига. Его убить по наущенью Яго должен был Родриго.

Отелло (*к Яго*)

Души чернее не знавал я прежде!

Кассио

А держим мы язычников в невеждах.

Лодовико

В другом письме, видать, вконец сердитый, Родриго пишет этому бандиту, что на него он чрезвычайно зол. Его за это Яго заколол.

Отелло (*к Кассио*)

Какая изворотливость ума! По Яго плачет, как пойму, тюрьма! Как мог попасть к тебе жены платок?

Кассио

Сознался Яго, что платок подбросил, чтоб только в мавре приступ гнева вызвать, вживую чтоб любовь из сердца вырвать.

Отелло

И я повёлся на приманку эту!

Кассио

И стало ясно из того письма, что это он подвиг Родриго затеять ссоры той нелепой дикостью, чтоб должности меня лишить. Родриго перед смертью вдруг очнулся и про проделки Яго все поведал. Рукою Яго был убит за это.

Лодовико

Отныне вы, Отелло, здесь – никто. Здесь Кассио командовать поставлен. Вам следовать за нами надлежит. Наглец теперь от нас не убежит. Жестокосердный тип подвергнут будет пыткам. Вам участи своей придётся ждать: что скажет вам Сенат, не угадать. Но кара будет, думаю, сурова.

Отелло

Прошу позволить мне сказать два слова. Услуг моих Республике не счесть. Речь не о том. На это я пошёл, спасая честь. Вы всё им, думаю, изложите подробно, вины моей ничуть не умаляя, и лишнего же к ней

не гордя, но в ревности своей с ума сойдя, жемчужину – подобной не сыскать – как несмышлёныш, я посмел попать. Теперь, самим собою изничтожен, я больше не предстану перед дожем. И ныне из очей моих, не знавших плача, оплакивая горькую любовь, струятся реки слёз, а это значит – я этими руками пролил кровь. Смола с дерев в Аравии так плачет, я это видел сам, как и картину наблюдал в Алеппо – какой-то турок, точно пса, нелепо истязал венецианца. Вот и с меня сейчас такое станется! (*Закалывает себя*)

Лодовико

Конца такого не предвидеть было!

Отелло (*падая на тело Дездемоны*)

Тебя я в поцелуе предал смерти. (*К присутствующим*) Душою с нею, ухожу, поверьте! (*Умирает*)

Кассио

И кто б из нас подумать только мог, что есть у мавра и другой клинок?! Как жаль, я упустил из виду, что не снести душе его обиду.

Лодовико

Нещадный пёс, достойный лишь спартанца. Ну как, скажи, в живых тебе остаться?! Тебя ли совесть, недостойный, гложет? Ты трупами украсил это ложе. Вины твоей смердит повсюду яд. От этого и смерть отводит взгляд. Велите затворить здесь окна, двери. Вы, Грациано, тут наследник и поверенный. Так уж извольте принимать наследство. И, Бога ради, изыщите средство – воздать ублюдку по его делам. Где, как казнить, препоручаю вам. За гнусности ему воздайте плату. А мне домой пора отсюда прямо: Сенату честно изложить, какая здесь имела место драма.

Уходит.

*Поэтический перевод-интерпретация
Ашота Сагратяна*

ПРОЗА

КАМИЛЛА КОЛЛЕТ (1813 – 1895)

23 января 1813 года в норвежском городе Кристиансанн родилась девочка, которую назвали Камилла Якобине. Драматичная судьба Камиллы, вероятно, сделала ее именно той, кем она стала – выдающейся писательницей, первой в Норвегии, кто заговорил о правах женщины.

Ее отец – Николай Вергеланн был теологом, писателем, крупным общественным и политическим деятелем, давшим имя норвежскому парламенту (Стортингу), а также депутатом национального собрания, принявшего конституцию Норвегии в 1814 году. Хенрик Вергеланн – один из старших братьев Камиллы – прославленный поэт, исповедовавший идеалы свободы, демократии и гуманизма, его творчество оказало огромное влияние на развитие норвежской литературы.

Так случилось, что объектом первого невероятно сильного чувства Камиллы стал Юхан Себастиан Вельхавен – эстетический и идейный противник Вергеланна, приверженец патриархальных устоев, любивший крестьянскую жизнь и природу, увлеченный национальной историей. Многие были против этого союза, и отношения молодых людей не сложились. Через пару лет после окончательного разрыва с Вельхавеном Камилла выходит замуж за литературного критика Петера Юнаса Коллетта. Но счастье Камиллы, увы, продолжается недолго – спустя десять лет супружества ее муж умирает. В возрасте 37 лет она становится вдовой с четырьмя детьми.

Испытав горечь несбывшихся надежд первой любви, пройдя через боль утрат, Камилла Коллетт смогла оставить после себя не очень большое, однако уникальное литературное наследие. Творчество писательницы отличается глубоким психологизмом, тонкой иронией, порой в её произведениях звучит весёлость, а порой скорбь. Она много писала о «скромной» роли женщин в обществе, о том, что фактически они лишены права голоса и их мнение никак не учитывается. Ее роман «Дочери Амтмандена», который сегодня называют первым полноценным норвежским романом, посвящен именно этой теме.

Камиллу Коллетт считают признанным мастером автобиографического жанра, большая часть ее книг написана от первого лица.

Ниже приведено предисловие-посвящение к мемуарам «Долгими ночами», изданным Камиллой анонимно в 1863 году (как было принято в то время, женщины не подписывали свои произведения). Этот фрагмент произведения норвежской литературной классики, с одной стороны, отражает изменения, произошедшие в доминирующих взглядах и

установках общества за полтора века, с другой стороны, затрагивает темы, актуальность которых не утратится никогда.

ДОЛГИМИ НОЧАМИ

Посвящение

Знаете ли вы, что значит страдать бессонницей? О, счастливы те, кому это неизвестно. Вы не ведаете, какво проводить недели, месяцы и годы, не пользуясь величайшим благом, дарованным природой, лишь изредка урывая жалкие крохи. Я вас заверяю, что это прескверно, вы не поверите, насколько это ужасно! Однако день приносит едва ли не худшие испытания, поскольку днём приходится иметь дело с теми, кто хорошо спит по ночам. Так уж повелось (и видно этого не изменить), что болезни тела с их вполне объяснимыми причинами и симптомами понять проще, чем болезни душевные, а бессонницу дозволяется иметь лишь при наличии здоровых, естественных, несомненных недугов, таких, как, скажем, брюшной тиф или подагра. Такую бессонницу испытывал всякий. Бессонница же здорового человека сродни химере. Некоторые всерьёз полагают, что это попросту блажь. Вот так обращаются с этим печальнейшим, скорбным порождением духа, и стоит ли удивляться той враждебности, с коей его встречает остальное человечество при свете бела дня. Зубная боль понятна каждому, все знают, что это такое, и только жестокосердный варвар сможет остаться безучастным к страдальцу и не испробует все безнадёжные методы в борьбе с этим невыносимым злом. Даже наблюдать за тем, кто страдает от зубной боли, так мучительно, как будто это у тебя самого болит зуб. Уверена, что многим это знакомо.

Но кто станет сочувствовать измождённости, подавленности или ранимости, появляющимся вследствие продолжительного недосыпания, этого исчадия тьмы, пиявки, которая незаметно высасывает жизненные силы, которая изматывает чем дальше, тем сильнее? Кто оценит силу духа, заметит немые, незримые усилия быть в той же мере деятельным, столь же бодрым и приветливым, как все остальные? Кто, не кривя душой, благословит недоспавшего на дневной сон? А если он, вопреки своей привычной робости, отважится сослаться на скорбную причину усталости, слабости и нерасторопности и изъявит желание прилечь днём, тогда в лучшем случае сможет рассчитывать лишь на учтливую, настороженную улыбку, в лучшем случае, говорю я, ибо, (о горькая ирония!) даже описание этого недуга, его унылой, скучной монотонности, способно заразить непосвящённых, и нужно радоваться тому, что они не зевают и не впадают в сон тут же, не сходя со своего места.

Поэтому столь отраднo встретить товарищей по несчастью, тех, к кому можно обратиться и с чувством воскликнуть: «Вы меня понимаете, Вы знаете, о чём я говорю!» Лишённые сна как члены тайного общества, – они безошибочно узнают друг друга. Обычно их отличает лихорадочный взгляд, – его горячность отражает глубокие, пылающие в ночной тишине раздумья, – усталая, смиренная улыбка, часы, которые, как правило, отстают, да и во всем их облике читается какое-то «заторженное» отсутствие на фоне других – уверенных, полноправных граждан дневного бытия, и, наконец, они выдают себя уже упоминавшимся выше желанием прилечь в разгар дня.

Неудивительно, что эта последняя склонность оборачивается против лишённых ночного сна и влечет за собой новые нападки. Их поучают: «Не ложитесь днём, тогда вы сможете выспаться ночью». Однако этот довод, который многие считают веским, является в корне ошибочным, он годен только для тех, кто не страдает бессонницей. Разумеется, следующий совет может быть вполне обоснованным, если его дать обжоре: «Избегай приёма пищи в неурочный час, тогда ты в полной мере насладишься чревоугодием», – но прописывать воздержанность тем, кто может умереть от голода, просто нелепо. Это все равно, что принуждать к аскетизму тех, кто и так не вкушает радости жизни даже по крупицам.

К вам, лишённые сна, я отправляюсь в немой ночи, с вами хочу говорить, только вы способны меня понять (а всем остальным от всей своей изголодавшейся души желаю спокойной ночи и добрых снов!), я тихонько подхожу к вашему ложу и присаживаюсь рядом. Я расскажу вам историю, в ней будет печаль, будет и радость. Это поможет нам скоротать томительные часы. Я знаю, каким неприветливым становится обречённый на бодрствование человек, помню это по собственному опыту – даже во время моей оправданной, иными словами, душевно здоровой бессонницы, когда на моей стороне были родные и друзья, доктора и аптека, целый придворный штат и почётный караул, чуткий к моим причудам и капризам, ночи могли бесконечно тянуться и быть настолько невыносимыми, насколько это вообще возможно. Тогда я заставляла сиделку или няню, несущую вахту в почётном карауле, говорить. Хотя бы о хозяйстве её матери, о том, сколько у неё братьев и сестёр, а может, и о том, что она однажды в своей жизни ночевала на сестере¹. Если ей нечего было рассказать, я требовала: «Тогда просто говори, что угодно!»

Друзья мои любезные, именно это я и собираюсь сделать. Ах, я уже люблю вас, своих самых лучших, самых благодарных слушателей! Для того, чтобы развлечь дневную разборчивую, хорошо высыпавшуюся

¹Высокогорное пастбище (Прим. пер.).

ся публику, требуется нечто иное, да, чтобы ей угодить, нужно нечто большее. Я так и не смогла ей угодить, хотя мне было, что рассказать. Если я делилась воспоминаниями, они сетовали, что это вымысел, преувеличение, а когда я прямо-таки ломала голову, чтобы выдумать что-нибудь, меня обвиняли в излишней правдивости, и буквально каждому персонажу подбирали прототип. Нет, уж лучше держаться правды! Ни одна жизнь не бедна, не скудна на события настолько, чтобы о ней нечего было бы рассказать, во всяком случае, таким слушателям, которых я себе избрала, – тем, кто не может заснуть. Но вы должны мне пообещать простить меня за то, что я говорю от первого лица единственного числа, становясь своего рода главным героем собственных воспоминаний. Ведь так часто слышатся упреки, уж не знаю, насколько они резонные, в том, что в своих автобиографиях и исповедях люди слишком много говорят о самих себе: «Вот уж был бы прекрасный повод проявить скромность и сделать вид, что они здесь вовсе не при чём: но вы поглядите, что они творят! Всякий раз, описывая пережитое, они выставляют себя на передний план». Что правда, то правда, скромность – всеми восхваляемая, прекрасная, такая нужная добродетель, но вот беда – это понятие чертовски трудно определить. То, что один называет скромностью, другой сочтёт скорее лицемерием. И наоборот, многих, кто не приложил для этого никаких усилий, а просто появился на свет на пару дюймов выше своих братьев, клеймят, обвиняя в том, что они смотрят поверх голов окружающих, другими словами, ведут себя нескромно. Вот и меняется это понятие-хамелеон в зависимости от того, смотрим ли мы на других, или сами случайно привлекаем к себе их внимание. Когда-то у меня была подруга – скромнейший человек, самый скромный из всех, кого я знала. Собственно она покинула этот мир из чистой скромности, она буквально стремилась из него прочь, она жаждала, бедная редкостная птица, улететь к чужим далеким берегам, милым её душе, она жаждала этого так истово, так неотступно, что её желание в конце концов неожиданно исполнилось. Однажды она мне написала: «В этом письме речь пойдет только обо мне, дело в том, что это самый интересный человек из всех, с кем я в настоящий момент поддерживаю отношения». В эти слова она всего лишь облекла своё одиночество, которое тогда ощущала, но именно в то время я пребывала в ещё более дремучем, абсолютно беспросветном одиночестве и ответила, что не имею ничего против; ведь и я тогда могла поведать о человеке, который был в высшей степени интересным, прямо-таки ни с кем не сравнимым и совершенно незаменимым. Любезные друзья, мы не имели в виду ничего дурного! Такое самомнение возникает, когда живёшь на безлюдной заснеженной вершине, оно мгновенно проходит, как только спускаешься в долину! В обществе людей, рядом с другими человек бо-

лее не заносится, его персона становится уже не столь интересной, и ему просто отрадно слыть, к примеру, здравомыслящим одарённым человеком.

Посему, мои дорогие друзья и товарищи по несчастью, не поймите меня превратно. Вспомните, что моя жизнь в долине была уж очень короткой, и я провела слишком много времени на этом пустынном бесприютном хребте, называемом одиночеством. Ах, моя душа сполна хлебнула из источников, берущих начало в ледниках безмолвия и потерь, и это именно в те годы, когда она так горячо жаждала солнца и света. Вот почему моё повествование пронизано одиночеством, и потому оно так печально.

Однако пора заканчивать это длинное вступление. Как незаметно пролетело время! Прислушайтесь, вот и запели петухи, я вижу забрезжил бледный рассвет, который обычно с тихой радостью обещает нам мгновенья забытья, он медленно заполняет пространство, прогоняя таящиеся по углам тени. Сражаясь со смертью, мерцает лампа, и вот она отчаянно вспыхивает в последний раз и гаснет! Спящие видят утреннее сновидение, самое светлое, самое ясное и счастливейшее из всех мечтаний, а мы просто хотим спать, без сновидений – у нас нет времени на сны... Настал день! Итак, спокойнейшей ночи!

Перевод с норвежского Наргис Шинкаренко

ГАРМА ЦЫРЕНДАШИЕВ (1945 – 2009)

БЕЛЫЙ ТЕЛЁНОК

После начала Белого Месяца¹ прошло больше десяти дней. Ночи стали лунными и светлыми, небо днём голубело, изредка отсвечивая лазурью. Много лет не выпадало столько снега, покрывшего деревню и окрестности белым искристым покрывалом. Ребятишки понаделали в сугробах проходы, до поздних сумерек слышатся крики и смех. Морозно, светло и бело!

Эрдэмка и Тумэрка, белолицые и черноглазые малыши, внезапно покинули гомонящую весёлую толпу и побежали в свой двор, который начинается сразу за сугробами. Эрдэмка постарше и построже, открыв калитку, крикнул младшему Тумэрке, старавшемуся забежать вперёд:

– Не спеши! Вместе пойдём, а то ты будешь потом хвастаться: «Я первым увидел, я первым увидел!»

¹ Новый год по лунному календарю. (Прим. пер.).

– Я не буду так говорить. А если увижу первым, всё равно скажу, что мы увидели вместе, – зачастил Тумэрка, смотря в раскрасневшееся лицо брата. Тот шмыгнул носом и протянул:

– Нельзя так врать. Никогда нельзя врать! Забыл, что нам папа с мамой говорили?

Мальчики побежали в стайку и остановились возле Маладэ, первотёлки-двухлетки, которая преспокойно жевала сено. Она недовольно покосилась на братьев большими лиловыми глазами. Внимательно оглядев Маладэ, малыши решили: «Нет, ещё рано. Не скоро отелится».

– Давай попробуем её подоить! У неё, наверное, много молока для телёнка. Попробуем, а? – вдруг, смеясь, предложил маленький Тумэрка.

– Не вздумай! Сейчас у неё не молоко, а молозиво, его будет пить телёнок, как только родится. Так мама говорила! – строго прикрикнул Эрдэмка, но Тумэрка подкрадывался к первотёлке.

– Отойди! Лягнёт еще!

Тумэрка остановился, а Маладэ тряхнула белой головой и выставила рога.

– Видишь, она тебя боднуть собирается, вон как глаза покраснели, злится. Пойдём.

Мальчики перелезли через ограду и побежали в сугробы, где продолжались весёлые игры и мелькали разноцветные шарфы.

Запахавшиеся и довольные, в сумерках они ворвались в дом. Папа и мама чаевали. Было тепло и уютно. Мальчики всё время выбегали на улицу к Маладэ.

Поздно ночью мама сходила в стайку и, вернувшись, сказала папе: – Придётся дежурить. Лежит и дышит тяжело. Вот-вот отелится. Мальчишки стали ещё беспокойнее. Они уже и дежурить решили, и имя стали подыскивать будущему телёнку.

– Маша! – выпалил Эрдэмка.

– Как, как? – торжествующе переспросил Тумэрка. – У дяди Коли телёнок тоже зовут «Маша», мы будем звать своего, а прибежит дяди Колин!

Он рассмеялся и глаза его засверкали: вот как он ошарашил брата.

– Тогда... тогда, – начал Эрдэмка, но тут вбежали взволнованные папа и мама, взяли фонарик и быстро вышли, говоря, что надо скорей звать дядю Колю. Мальчики мигом одели курточки и побежали за родителями.

Все собрались в стайке.

Пришёл и дядя Коля, пожилой сосед, ветеринар.

Маладэ лежала на боку и тяжело дышала, вздымалось и опускалось огромное брюхо. Первотёлка тужилась. Вдруг мальчики увидели показавшуюся маленькую голову телёнка. Голова то появлялась, то

снова исчезала. Маладэ постанывала, а опытный дядя Коля и папа с мамой суетились вокруг неё, пытаясь помочь отелиться. Сноп света из фонарика в маминой руке подрагивал, высвечивая Маладэ с разных сторон. А круглая яркая луна пылала, заливая всё вокруг светлым сиянием.

Вдруг мама увидела мальчиков и крикнула:

– Идите в дом. Маладэ не может отелиться, а тут вы ещё крутитесь. Марш!

Братья понуро поплелись к светящимся жёлтым окнам дома, но вдруг развернулись и резво взобрались на стог сена, где их никто не увидит, а им видны и двор, и стайка, и люди.

Внезапно Маладэ встала. Дядя Коля и папа топтались позади коровы и что-то тянули. Малышам стало жаль Маладэ, и они отвернулись. По картофельному полю пробежала худая дворняга, луна то пряталась в тучах, то снова выплывала и, вспыхнув, освещала зеленоватым белым сиянием маленьких братьев, сидящих в заросле сена. Тишина. Праздник Белого Месяца. И снег серебряно-белый, и луна белая, и ночь светлая.

Во дворе опять зашебуршились. Мальчики увидели, что Маладэ, тяжело дыша, облизывает неподвижный и тёмный комочек, окутанный паром. Корова топталась на месте и пыталась тёплой мордой поднять только что родившегося телёнка. Она убирала мягкими губами слизистую плёнку и будила его. Но маленький, коричневый телёнок не дышал и быстро леденел. Он был мёртв. Дядя Коля и папа о чём-то переговорили и, завернув мёртвый комочек в мешок, вынесли за ворота. Маладэ протяжно, тоскливо замычала и стала обнюхивать тёмное влажное пятно, где только что лежал её телёнок.

Малыши уныло поплелись в дом. Пришли и папа с мамой. Все молчали. Разговаривать было не о чём, мальчики затосковали. Молча суетившаяся на кухне мама тихо сказала малышам:

– Всё. Ложитесь спать.

Как всегда перед сном, братья надели шапки, накинули курточки и выбежали на улицу.

– Давай посмотрим на Маладэ. Как она там? – шепнул Эрдэмка и побежал в стайку.

Застёгивая пуговицы штанов, поплёлся за ним и Тумэрка. Вдруг Эрдэмка восторженно и радостно закричал в белой лунной ночи:

– Ээ, Тумэрка! Смотри – телёнок! Живой телёнок!

Крича и не помня себя, он бросился в дом, тут же выбежал, за ним бежали папа и мама, о чём-то взволнованно переговариваясь.

Все снова собрались в стайке. Маладэ отелилась ещё раз.

На том же месте, где лежал мёртвый коричневый телёнок, теперь пытался встать на ноги другой – совершенно белый. Выпучив блестящие чёрные глаза, он тянулся к матери, которая нежно облизывала его

тёплым шершавым языком. Ножки телёнка разъезжались, но он упрямо тянул прелестную мордочку к вымени.

– Ой, какой забавный, совсем белый! – вскрикнула радостно мама малышей и протянула руку, чтобы погладить телёнка.

– Подожди, пусть ещё немного полизет, – остановил её довольный папа, присев возле телёнка и согревая ему ноги. Два малыша тоже присели на корточки. Смеясь и подталкивая друг друга, они стали придумывать имя белому телёнку.

Когда телёнок обсох, мама малышей осторожно обхватила его руками, но тот взбрыкнул, вырвался, два раза чуть не упал, а на третий раз твёрдо встал на ноги. Белый телёнок под Белым Месяцем. Он потопал к Маладэ и, как только прикоснулся к вымени, стал сосать, торопясь и захлёбываясь от восторга.

– Хватит, хватит. Сразу ему не надо много сосать, – заговорили обступившие телёнка люди и, взяв его на руки, понесли в дом.

Там из мягкой материи сделали ему «галстук» и, постелив сено, привязали в углу. И вот уже зазвенела жёлтая струйка в жестяную банку, которую держал под телёнком Эрдэмка. Потом малыши понесли выливать на улицу уже две тёплые банки, попутно посмотрели на Маладэ, которая умиротворённо и аппетитно жевала сено. Радостные и довольные малыши заспешили в дом.

В Белый Месяц отелилась первотёлка, а молодая семья впервые приняла телёнка. Белого! О, какое это было предзнаменование!

А через два дня приехала бабушка, попеняла себе за опоздание, ведь она уже слышала о счастье, посетившем её детей и внуков, и радовалась вместе с ними. Пока папа и мама были на работе, Эрдэмка, Тумэрка и бабушка дали телёнку имя Белуха.

Ночью малыши видели сны. Старший играл с телёнком на речном берегу, утопавшем в ярких цветах. Он смеялся и бежал вприпрыжку за белым телёнком. А младший зачерпывал из ведра кружкой тёплое пенящееся молоко и пил, пока мама доила Маладэ, их первую корову.

Утром мама подошла к малышам. Они крепко спали и улыбались своим снам...

ДЖУЛЯ

В эту ночь Цырену не спалось. В темноте усердно похрапывала восьмидесятилетняя мать, давая понять ему, что она здорова и чувствует себя хорошо. Крепкий сон матери всегда в радость сыну.

Плохо на душе у Цырена. Он переворачивается с боку на бок, о Джуле думает. На глаза набегают горячие слёзы.

Джуля – тёмно-рыжий пёс, умница и единственный друг Цырена.

Когда он был забавным щенком, знакомые русские прозвали его Жуликом. Потом он стал просто Жулей. Но, повзрослев, он прославился как Джуля.

Цырену почти сорок лет, а страсть к охоте всё ещё не иссякает в нём. Люди говорят, что отцовский дробовик он взял в руки, когда ему было восемь лет. Теперь в родных краях Цырен – лучший охотник. Таких сейчас мало. Нынче на машинах любят лучить животных. Мясо ищут, больше их в охоте и в природе ничто не интересует. Если вы в воскресный день подниметесь на высокую вершину и оглядите уголья в бинокль, то непременно увидите таких «охотников-заготовителей» на машинах. А ночью услышите рёв моторов, и всюду будут мелькать ослепительные белые фары. Все они ищут мясо...

Не спится Цырену, а сердце его боится наступления рассвета. Утром надо брать лопату и идти за речку, там, в ивняках, лежит убитый Джуля. Хоронить надо. «Почему это нашего Джули не видно?» – спрашивала сегодня мать, а Цырен ответил, что собака ещё не пришла с охоты...

Он сразу узнал раздирающий сердце визг Джули и, когда всё стихло, понял, что собаку убили. Он обмер, но не сдвинулся с места, испугавшись, что прибежит в кусты и, увидев окровавленного и бездыханного Джулю, упадёт над ним без чувств.

Смутно на душе, мучается Цырен... «Утром... утром возьму лопату и пойду за речку. Похороню... Джулю... Джуля... мой Джуля...», – шепчет он про себя бессвязно и сквозь слёзы.

В последнее время стало сдавать сердце Цырена. Нахлынут чувства, а вместе с ними и смерть подкрадывается. Врач запрещает волноваться. Но как тогда жить?

Умница Джуля охотился вместе с Цыреном и был любимцем всех друзей-охотников. Не было случая, чтобы он не догнал раненого зверя. Во время облавы Джуля начинал лаять и гнать дичь только с началом загона, точно выводя дичь на охотников. Все знали: если Джуля залаял, значит, мимо охотника добыча не пробежит. Удивительно, ведь никто его не обучал, всё получилось само собой: Джуля вырос и стал лучшей охотничьей собакой. Сам!

В темноте перед глазами Цырена всё время появляется Джуля, его умная мордочка. То он зевает и потягивается, то жарко и быстро дышит, высунув длинный розовый язык. Один раз Цырен повёл рукой, чтобы погладить Джулю по мягкой шерсти, но рука повисла в пустоте. Не в себе Цырен, в голове тупая боль и тяжесть. Бедный Джуля! Он был стремительным, как косуля, а теперь лежит убитый в кустах...

Неожиданно Цырен ясно увидел, как он привёл в дом свою любимую Сындыму. Была светлая луна и поздняя ночь, всё вокруг спало, а

они боялись зайти в дом. Мать ничего не знала, молодые стеснялись её. Неожиданно Цырену стало стыдно: он привёл в дом жену, а у них даже мяса нет, жизнь трудная и бедная. Он не знал, что делать и совсем растерялся...

Пока молодые стеснялись и топтались на месте, вдруг из кустарников примчался Джуля. Крутясь и катаясь по земле, лапаясь и приседая, он прыгал на хозяев. Цырен привёл домой свою будущую жену и счастье для матери. О, как понимал и радовался переменам в судьбе хозяина Джуля!

Обнявшись, молодожёны стояли на крыльце, рыжеватый Джуля вертелся около них, а зеркальная круглая луна заливала своим сиянием стойбище и сопку Яблоневою. Счастье было ясным и прозрачным. Эта ночь для молодых казалась сияющим сном при сказочных свечах!

Была ещё одна такая же лунная ночь. После похорон Сындымы. Она разбилась, упав с лошади. Ничего не мог понять тогда Цырен, хотя, казалось бы, он не мучился и не ронял, как и положено бурят-монголам, слёз, не видел по ночам беспокойных снов. Он выпал из пространства и времени. Но после поминок, когда разошлись люди и они остались вдвоём с матерью, Цырен внезапно вскочил с кровати и опрометью метнулся на улицу. И разрыдался за стайкой. Буйно и неудержимо. Вдруг, сквозь туман горячих слёз, увидел Джулю, смотревшего на него умными и немигающими глазами. Обняв Джулю, почти в беспамятстве, Цырен до рассвета просидел на крыльце. Положив голову на лапы, Джуля лежал у его ног и не шевелился. Умной собачьей душой он до конца разделил тоску и горечь своего хозяина. Да, если бы в ту ночь рядом не было Джули, Цырен мог бы наложить на себя руки. Такие мысли уже поднимались в нём, когда он рыдал за стайкой. «Это Джуля привёл меня в себя, Джуля спас меня!» – расчувствовавшись, очень редко вспоминал Цырен.

«У Джули будет глубокая и удобная яма. Он будет спать глубоко под землёй и видеть в снах свою былую жизнь», – мучительно думает во сне Цырен.

В окне всё ещё темно. А как быстро наступает рассвет, когда ждёшь зверя в сидьбе на солях. Какая сегодня долгая ночь!

Был один случай в жизни Цырена, когда он запьянствовал и оставил мать одну. Он ездил в колхозный центр получать деньги. Съездил! Целую неделю догонял водку. Дни пролетели, как в дурном сне. Очнувшись, стыдясь и проклиная себя, он с ужасом вспомнил о матери. Кое-как нашёл деньги, купил пять-шесть буханок хлеба и с попутными машинами добрался до дома, а там мать варит вкуснейший мясной суп. Конечно, опять же выручил Джуля! Может быть, проголодав несколько дней, он учуял что-то неладное, но только выгнал неожиданно из тайги

молоденькую косулю и задавил у самого стойбища. Матери ли Цырена, всю жизнь прочабанившей, не сумеет разделать животину? Она тут же освежевала косулю, накормила потрохами Джулю и, разделав тушу, варила суп. Вот каким неслыханным и негладным образом Джуля обрадовал старую женщину! А ведь в то лето Цырен был без работы, он только сдал отару валухов, ещё не получил деньги. Кончалась мука, житьё подступало бедное и голодное. Но вот – Джуля...

А совсем недавно Цырен осматривал в бинокль склон Яблоневой и увидел, как шесть бродячих собак отсекали от отары несколько овец. Мигом взяв винтовку, Цырен завёл мотоцикл и стремительно помчался туда. Подъехав, он увидел трёх задавленных овец, недалеко ещё трёх, живых, бесстрашно защищал Джуля. Досталось от него разбойникам: у некоторых разодраны уши, трава повсюду забрызгана кровью. Две собаки сильно хромали. Джуля спас отару! Рычащие разбойники опасались приближаться к оскаленному и разъярённому Джуле. Бродячие и обиженные людьми собаки стали страшнее волков! Цырен поднял увесистую винтовку, жгуче прогремел выстрел. Услышав знакомый грохочущий звук, Джуля бросился в погоню за разбойниками, он настигал и бесстрашно рвал их за загривки. И вдруг отчаянно завизжал: в клубящейся и ревушей кутерьме, одна из собак перекусила ему ногу... Так Джуля охромел. Эта последняя драка стала для него началом конца.

Вчера приехали к Цырену приятели-охотники и стали настойчиво уговаривать его на облаву. Невзирая на запреты, они целый день рыскали по знакомым местам. Ближе к сумеркам охотники приблизились к речке недалеко от стойбища. В густых ивняках засели стрелки, а загонщики, громко крича, пытались выгнать на них косулю. Вдруг по берегу речки быстро замелькал рыжеватый зверь. Прихрамывая, он бежал изо всех сил. Грянул выстрел, зверь два раза кувыркнулся через голову и упал, тонко и пронзительно завизжав. Собака!

В сумерках приятель Цырена думал, что целится в косулю, а попал в его собаку. Кто бы мог знать... Подбежав, испуганные охотники увидели, что с тёмно-рыжей шерсти собаки стекает, пенясь и пузырясь, бурая кровь. Картель пробила ей грудь. Джуля умер, повернув умную голову назад, к вершине Яблоневой, окрашенной осенью в багряное золото.

На рассвете Цырен отправился в ивняки. Подойдя к месту и обнажив голову, он опустил на колени перед своим бездыханным другом...

ПОВЕЗЛО

В 1960 годы я был совсем молодым парнем. Однажды выехал на весеннюю охоту с опытными охотниками, которые имели винтовки, ка-

рабины и прочее запрещённое, нарезное, оружие. У меня была машина, но ружья не было. Мы довольно далеко углубились в тайгу вдоль Дульдургинки, искали солнцепёки.

Когда остановилась машина, самый старый из нас, знаменитый охотник Дондок-ахай, развернул бумажный пакетик с зерном и одарил духов и хозяев тайги, заклиная и прося у них добычи и везения.

Мне вручили чей-то двуствольный дробовик двадцатого калибра, показали, как стрелять. На правом стволе был сбит боёк, стрелять надо было только левым стволом. «Ну, попадись мне кабан, он мне живо живот распорет, – думал я, рассматривая своё оружие. – Не лучше ли мне остаться в кабине и дожидаться старших?» Но если бы я сказал им об этом, меня бы сразу засмеяли. Лучше промолчать.

Дондок-ахай начал делить солнцепёки хребтов и вершин. Себе взял южный склон дальней горы, двух других охотников тоже не обделил, хотя идти к этим горам было довольно далеко, но косули там должны пастись.

– Ну, а ты будь поблизости. Видишь – вон тот маленький солнцепёк, сядь на нём у ложбины в кустарниках, не высовывайся. Раньше там появлялись косули, могут и сейчас прийти. В это время они все солнцепёки обходят. Стреляй наверняка. Помни о левом стволе, – напутствовал меня Дондок-ахай и протянул мне два патрона.

Настроение моё испортилось окончательно.

Мою машину просят, а ещё патроны жалеют. Машина им нужна, а не я. У меня нет даже перочинного ножа, ни бинокля, ни соли, ни спичек. Охотник... Невесёлый, я поплёлся на указанный солнцепёк. Добрёл быстро. «Какая тут может быть добыча? От шума мотора и хлопанья дверей, наверное, все косули давно разбежались!» – раздражался я всё больше и больше, выбирая удобное место. Наконец устроился. Жду.

Сидел я долго, незаметно пролетело время, солнце повернуло на закат. Осторожно оглядываю места. Но никакой живности не видать. Всё кажется, что где-нибудь вот-вот грянет выстрел. Но чтобы ни случилось, машина близко, с началом сумерек я побреду туда.

И вдруг позади меня, на вершине горы, кто-то страшно закричал. Испугавшись, я мгновенно повернулся, всматриваясь в сторону крика. По склону горы стремительно бежал какой-то мужик и громко кричал:

– Эй, человек, человек! Эй!

Я испугался ещё больше. «Медведь за ним гонится!» – мелькнуло у меня в мыслях, и я побежал к машине.

– Эй, человек! Стой, стой! Подожди, поговорим!

Остановившись, я стал дожидаться. Русский мужик с винтовкой, конечно, охотник, быстро подходил ко мне. Я не спускаю глаз с верши-

ны, жду медведя. А он, запыхавшийся и взволнованный, подбежал ко мне и стиснул в объятиях.

– Какой ты счастливый! Какой я счастливый! Ты в рубашке родился! Как тебе повезло, как тебе повезло! – кричал он, захлёбываясь от сильнейших эмоций, клокотавших в нём. – Уф! Как нам повезло!

Он оказался из соседнего села Акша. Второй день шёл за двумя изюбрями. Потом потерял их следы и на обратном пути решил подстрелить косулю. Поднялся на вершину и на моём солнцепёке увидел пасущуюся в кустах косулю. Прицелился и только хотел спустить курок, как в солнечном луче мелькнуло светлое лицо человека. Им был я, одетый в коричневую куртку и сидевший в кустарнике.

Увидев человека, охотник оцепенел, потом буквально обезумел от нахлынувшей радости. Ведь он мог спустить курок! Закричал, запрыгал, потом побежал. Он делился со мной своей радостью за меня и за себя. Ещё миг, и я был бы убит, а он мучился бы в тюрьме и на зоне.

До сих пор меня пробирает дрожь, и я удивляюсь своему везению. Не поверни я в тот момент голову... не сверкни солнечный луч... Или помогли заклинания Дондок-ахэ, или это судьба... Но смерть тогда была совсем рядом со мной...

Перевод с бурят-монгольского Виктора Балдоржиева

ТОУРАРИНН ЭЛЬДЪЯРТН (род. в 1949 г.)

От переводчика. Тоураринн Эльдьяртн (Pórarinn Eldjárn) – один из крупнейших современных исландских писателей. Как автор художественных текстов, он впервые заявил о себе в 1974 году сборником «Стихотворения», и с тех пор из-под его пера вышло множество стихотворений для детей и взрослых, новелл, романов... Как поэт, Тоураринн Эльдьяртн великолепно владеет формами старинного традиционного исландского стихосложения. В годы выхода его первой книги никто в скандинавских странах не признавал в серьёзной поэзии иных форм, кроме верлибра, и следование правилам традиционного поэтического искусства воспринималось как весьма эпатажная эстетическая позиция. Своим эстетическим установкам поэт верен до сих пор, а некоторые его стихи стали песнями.

И в стихах, и в прозе Тоураринн обращается не только к «вечным» темам и современности, но и к древнеисландскому культурному наследию (которому, надо признать, в поглощённой насущными заботами современной Исландии отдаёт должное далеко не каждый автор – а если честно, то совсем немногие). Среди его книг есть исторические

романы о разных веках, стихи об известных героях саг... В частности, перу Тоураринна принадлежит перевод-пересказ на современный язык для детей двух песней «Старшей Эдды» – «Прорицания Вэльвы» и фрагмента «Речей Высокого». Это случай беспрецедентный в исландской словесности: так как с течением веков исландский язык изменялся относительно мало, вплоть до 2000-ых гг. считалось, что древнеисландские тексты «должны быть понятными» подрастающему поколению без всякого перевода или адаптации.

Но даже самое распрекрасное культурное наследие рискует превратиться в «историографические консервы», если у него не будет живой связи с современностью, – и по-настоящему большой писатель не должен забывать об этом...

САГА ОБ ЭНУНДЕ

Я и сам понимаю, дорогой Тоурд, что долго не писал тебе. Конечно, с моей стороны было нехорошо вот так вот взять и пропасть, и к тому же, это несправедливо по отношению к тебе: именно ты исхлопотал для меня эту работу, и вдобавок отвечаешь за весь проект о первоначальном заселении Исландии, ведь этот проект – твоё любимое дитя. Подозреваю, что в последние месяцы ты часто поминал меня «незлым тихим словом» – и имел на это полное право. Ты наверняка думаешь, что я в очередной раз намудрил и всё испортил. В отношении того направления, в котором мне велели двигаться, это похоже на правду. Но могу заверить тебя, на самом деле это не так. Я, сверх ожидания, ничего не испортил и не напутал. Попросту события сами по себе приняли оборот, которого ни я, ни кто другой не мог ожидать, и я начал смотреть на своё задание совсем по-иному, чем в начале.

Что правда, то правда, в своё время мне нравилась эта идея: тщательно собрать и записать все топонимы во всех местах, о которых известно, что там проживали исландские первооселенцы, – а заодно и убедить тамошних фермеров привести свои владения в порядок. Мы были согласны, что такая работа как раз для меня – с моим-то увлечением историей и экологией. А известие, что в качестве поля деятельности мне достаётся хутор Склон, только прибавило мне энтузиазма: ты как будто конфетку для меня из тайника достал, ведь Склон – место действия «Саги об Энунде»¹, и к тому же, единственный хутор, появившийся в эпоху заселения Исландии, о котором доподлинно известно, что там с самого начала без перерывов всегда жил один и тот же род. С твоей стороны это был благородный поступок, ведь ты знаешь, как я

¹Эта сага и относящиеся к ней топонимы вымышлены. (Прим. пер.).

обожаю «Сагу об Энунде» с тех самых времён, когда мы вместе ходили в школу, и понимал, что в тех местах мне будет, где разгуляться.

Кроме того, хутор Склон уже давно сльвёт в нашей стране самым большим и самым знаменитым хутором-хламовником: там повсюду старые, отслужившие своё, автомобили, сломанные трактора, все окрестности в обломках сельхозтехники... На это в течение многих лет неоднократно жаловались и в газетах, в отделе читательских писем, и во всяких передачах, где зрителям и слушателям дают «выплакаться» и «отвести душу». Словом, там меня ждала работа одновременно занимательная и крайне ответственная. Одна из главных целей была – поддерживать таким образом мощное развитие турбизнеса в глубинке, памятуя, что лучшая защита – это нападение.

Как ты, вероятно, помнишь, я быстро прибыл на место и рьяно взялся за дело. Возможно, тебе будет непросто в это поверить, ведь ты так долго не слышал от меня никаких вестей. И я ни к чему не отнёсся спустя рукава; я тщательно следовал предписаниям, старался всё делать если не на отлично, то хотя бы правильно, с хуторянами был вежлив и приветлив и без затруднений вознаграждал за своё двухнедельное бесплатное проживание хозяина хутора – Энунда, вдовца лет семидесяти пяти и его шестерых братьев и сестёр примерно такого же возраста, которые никогда в брак не вступали.

Затем я взялся за местные топонимы, как гласили ваши инструкции. В своей работе я во всём следовал правилам, в которых предписывалось расспрашивать старейших и умнейших местных жителей и тотчас сравнивать предоставленную ими информацию со всеми доступными письменными источниками, а после этого заносить всё на ваши карты и таким образом раз и навсегда картографировать каждое место. Наряду с этим собиратель должен использовать предоставленное ему время на завоевание доверия местных жителей, чтоб впоследствии было легче приступить к уборочным работам. Как показывает опыт, на некоторых хуторах подобные вопросы могут оказаться весьма деликатными, эмоционально насыщенными и, мягко говоря, проблемными. В методичках сказано, что местные жители, скорее всего, сильнее ощутят гордость по поводу наследия предков и свою ответственность за него, если предварительно разъяснить им ценность древних топонимов и их живую связь с историей и культурой. В таком случае будет легче под конец получить их согласие на расчистку территории от хлама. Такая стратегия может оказаться более действенной, чем обычная апелляция к природоохранным мотивам, которая далеко не везде «работает».

Я взялся за дело, как тебе несложно догадаться, с большим энтузиазмом. Но, увы, надо признать, что меня тотчас постигло огромное разочарование, а моя работа, как мне показалось, так и не сдвинулась с

мёртвой точки. Не то, чтобы информации о местных топонимах было мало. Напротив, её было с избытком, и картина выглядела запутанной. Ни об одном из саговых мест нельзя было сказать с точностью, где его искать. А названия были, мягко говоря, текучими. В качестве примера ограничусь таким важным в «Саге об Энунде» месте, как Сырой Луг. Старые братья-хуторяне высказали каждый свою версию о его местонахождении, так что вскоре на моей карте этот знаменитый лог оказался отмечен на семи совершенно разных местах на территории Склона.

В довершение всего выяснилось, что Тоурхатль убеждён, будто изначально это место называлось не Сырой луг, а Сухой лог или даже Сухой рог, и будто бы это засвидетельствовано во множестве письменных источников, а также в самом ландшафте отчётливо виден утёс, похожий на рог. Об этом он когда-то давно написал в воскресный выпуск газеты «Время» отличную статью со множеством убедительных аргументов. Когда же я обратился за разъяснениями к его братьям и сёстрам, дело приняло вовсе уже скверный оборот. Они все сходились на том, что все эти названия верны, потому что речь идёт о четырёх различных местах, а не о вариантах одного и того же топонима. Но, разумеется, их мнения о том, где искать эти четыре места, сильно расходились, и я не успел оглянуться, как на моей карте оказались отмечены двадцать восемь мест, которые назывались то Сырой луг, то Сухой луг, то Сухой лог, то Сырой рог.

И далее в таком же духе... Словом, то густо, то пусто: то искомым мест много и они рассредоточены по всему хутору, то их вообще невозможно найти, хотя в источниках они и упоминаются. Через несколько дней такой работы я, можно сказать, впал в отчаяние. У меня было, как мне представлялось, лишь два выбора: либо смириться с существующей неразберихой, либо что-нибудь насочинять. Но ни то, ни другое не виделось мне подходящим фундаментом, на котором можно выстроить мощный успешный турбизнес, для нужд которого как раз и затевался наш проект об эпохе заселения Исландии. Напротив, я представлял себе, как сбитые с панталыку туристы, мечтавшие попутешествовать по саговым местам, посмотрят на такую запутанную карту и будут в полном недоумении метаться между всеми этими Сухими рогами и Сырыми лугами.

И я почувствовал, что затея эта – обречённая как глубинка, упадочная, как сельское хозяйство, и маразматичная как сама человеческая жизнь.

Я пока что не начал думать, как мне приступить ко второй части задания – вывозу старых машин, и всё же порой, когда я в своём безрезультатном поиске древних топонимов проходил сквозь весь этот кошмар, меня обуревала тревога и даже брала оторопь. Но так получилось,

что прежде, чем я смог бы приступить к этому этапу работы, я обратил внимание на одно обстоятельство, вскоре заставившее меня крепко задуматься.

Словом, общаясь с братьями и сёстрами на хуторе, а также слушая их собственные разговоры, я заметил, что большая часть того хлама, который мне предстояло убрать, уже давно превратилась в самые что ни на есть настоящие приметы местности. Например, они говорили, что пойдут «к Лэндроверу» или «под Випон», «до Гаранта» или «в Подав-тобусье». Самое рыбное место в речке было в излучине «не доходя Фергюссона», или они спрашивали, что за рыжий жеребец пасётся «в Застудебеккерье».

Также оказалось, что когда местные жители пытались объяснить мне про древние топонимы, то не находили более удобной точки отсчёта, чем все эти старые машины да убитые трактора, и когда я описывал хутор, было очень непросто дать точное расположение саговых мест, не отсылая при этом к самым приметным машинам. Их я также быстро нанёс на карту: пока что для собственных нужд, а там видно будет...

Более того, когда Энунд обходил вместе со мною свои владения в тщетном поиске всех этих необычайно важных, но труднонаходимых или полностью утраченных саговых мест, я обнаружил, что хотя его знания по истории и топонимике минувших веков были ограниченными, он был настоящим кладом информации обо всём, что касалось этих новых наименований. Некоторые из старых сломанных автомобилей, лежавших там, насчитывали уже без малого полвека в качестве детали ландшафта, а до того могли похвастаться богатой дорожной «биографией».

Например, «Лэндровер» был первым в той местности автомобилем своей марки, а «Студебеккер» – основным средством сообщения в период между мировыми войнами. Автобус не один десяток лет водил прославленный Бьёсси Кекс, а ещё с этим транспортным средством была связана масса всяких историй, в частности, захватывающих рассказов о привидениях. У «Випона» история была драматичная: его привезла сюда американская армия во время войны, а потом он долго ездил по горным дорогам, а вдобавок, его название можно было считать ценным источником об уровне владения английским языком у простых исландцев в определённый период. «Гарант», в наши дни крайне редкий автомобиль, любопытное свидетельство экономических связей Исландии с блаженной памяти ГДР, был, очевидно, первой в нашей стране машиной-домом, а придумал и осуществил эту идею легендарный Кольбьёрн Микаэльссон, сокращённо Колли Микс, и за всем этим таилась трогательно-печальная история любви. Известна была и удивительная повесть о том, как «Гарант» нежданно-негаданно застрял в снегу посреди

зимы много-много лет тому назад. А весной, когда снега сошли, машина сама собой села на вершину плоского валуна, стоящего посреди луга. (Раньше он назывался Альвов валун, Гольфов валун, Просто валун, Сырой валун, Сухой валун или даже Бухой валун, – но в последние годы иначе, чем «Гарантовым валуном» его никто не называл). Оттуда ей так и не суждено было спуститься: колёса прочно застряли по обеим сторонам камня и с тех пор не подались ни на сантиметр. После этого «Гаранту» нашли своё применение: в нём размещали случайных летних гостей, и до сих пор внутри машины-дома водилось преотличное пиво, да вот только корпус снаружи обветшал и представлял жалкое зрелище – по крайней мере, для людей, незнакомых с этой историей.

Талант рассказчика у старого Энунда креп на глазах, а я чем дальше, тем меньше мог сладить с, как говорят, культурным шоком. Всё чаще я спрашивал самого себя, что же я делаю. С одной стороны, я пытался с помощью лжи, обмана и смутных догадок вдохнуть жизнь в то, что давно умерло, былём поросло и всеми забыто, кроме разве что парочки учёных сухарей в Рейкьявике да в Евросоюзе. С другой стороны, я задумал с помощью насилия и произвола стереть с лица земли множество уникальных топонимов, насчитывающих многолетнюю историю, связанных с богатым, бесценным кладезем преданий, ещё живущих на устах местных стариков, отражающих жизнь и труд исландцев в судьбоносный период их истории, который, без сомнения, был не менее важен, чем эпоха заселения земли.

Я стал думать, как бы на этот мой поступок посмотрели потомки. Не следовало забывать, что понятие «историческая эпоха» растяжимо, а прогресс постоянно ускоряет темп. На ту степень технического развития, на которую раньше требовался целый век, теперь уходит десятилетие. Вполне может стать, что далёкие потомки будут относиться к людям, которые отвезли старые машины со Склона на свалку, так же, как мы сейчас относимся к тем, кто в начале XIX века снёс Избушку Эйдюна в Хоулар¹ или в 1985 году – кинотеатр «Мышелов²» в центре Рейкьявика.

Тут начались сильные дожди, и у меня выдалось несколько пустых дней, когда я просто сидел в Автобусе, облачённый в комбинезон, без дела и без надежды, обозревал окрестности и всё больше осознавал

¹ Избушка Эйдюна (Audunarstofa) – бревенчатая постройка в епископской резиденции Хоулар на севере Исландии, построенная епископом Эйдюмом Торбергссоном Рыжим в 1316-17 гг. Снесена в 1810 г., реконструирована в начале 2000-ых гг. (Прим. пер.).

² «Мышелов» (Fjalakötturinn) – первый в Исландии кинотеатр (кинопоказы начались в нём в 1906 г.) на улице Адальстрайти в центре Рейкьявика. После того, как кинопоказы в нём прекратились, здание кинотеатра долго использовалось для проведения различных общественных мероприятий. В 1985 г. оно, несмотря на свою несомненную историческую ценность, было снесено, а на его месте возведён многоэтажный дом. В наши дни облик этого кинотеатра воссоздан в одном из домов на той же улице, а его имя присвоено располагающемуся там ресторану. (Прим. пер.).

бессмысленность моего – и вашего – занятия. Дорогой Тоурд, я думал о тебе очень плохо, считал весь твой проект полной ерундой и ругал тебя последними словами за то, что ты посадил меня в такую галошу, а Евросоюз ругал за то, что он тебя в этом профинансировал. А пуще всего я злился на себя самого за то, что позволил увлечь себя, – и вечером, перед сном, в резном алькове в гостевой комнате я твёрдо решил послать всю эту мишуру к чёрту и на следующий же день вернуться в столицу. По крыше барабанил дождь, и, засыпая, я думал: вот, мол, до чего меня довела вся эта саговая романтика...

На следующее утро я проснулся поздно. Погода настала дивная, солнце лучилось на окнах и переборках. И не только оно сияло: когда я спустился в кухню, радостный хозяин Энунд стоял у плиты и делал попкорн. Он приветствовал меня такими словами:

– Тебе ведь уже рассказывали об Энунде?

Я уже готов был сказать, что решил махнуть на эту мохом поросшую сагу рукой и поскорее отправиться восвояси. Но ступив за порог, я тотчас онемел.

– Знакомься: Энунда, сокращённо Энса, моя младшенькая, – продолжил хозяин, высыпая попкорн в миску. И вдруг я очутился перед очаровательной молодой женщиной, которая сидела за столом с чашкой чая и тостом с сыром и лимонным джемом. Она ласково улыбнулась мне, и я, как зачарованный, сел рядом и не обрёл дар речи до тех пор, пока она не начала расспрашивать меня о проекте по эпохе заселения земли, о котором она, впрочем, всё знала и была в нём очень заинтересована: она только что закончила факультет турбизнеса в одном швейцарском вузе. Когда она попросила разрешения пойти со мной «в поле» и познакомиться с методами работы, я, разумеется, не мог отказать. Я не смог признаться, что решил всё бросить. К счастью, не смог.

Мы с Энсой сразу поладили, и вскоре я поделился с ней всеми своими сомнениями насчёт этого проекта. Выяснилось, что она с самого начала придерживалась точно такого же мнения, но до этого момента не смела афишировать его ни перед кем в столице. Мы сидели рядышком в Автобусе, на заднем сидении и смотрели на окрестности, озаряемые закатным солнцем. Лэндровер искрился под лучами, а в Випоне распевали дрозды. Вскоре рука потянулась к руке, уста к устам, а сердце к сердцу, как бы в знак того, что сознание обоих стало единым. Наша первая ночь в Гаранте была пленительнее, чем все мои эротические грёзы на протяжении многих лет.

И вот, теперь меня с полным правом можно назвать жителем хутора Склон. Я стал здесь поселенцем. Это теперь мой проект по заселению земли. Вместо «Саги об Энунде», я нашёл живую Энунду, и скоро у нас родится наследник. Энса иногда шутит, что схватилась за мою эс-

тафетную палочку, чтобы её непрерывающийся род смог бежать дальше в новый век...

Этой зимой мы оба учительствовали. Мне понравилось. Здесь, в деревне, быть преподавателем почётно, что бы там ни болтала Учительская Ассоциация, и наши ученики – просто прелесть, причём оба! А по весне мы с Энсой собираемся запустить наш собственный туристический проект. Мы собираемся сделать из хутора Склон музейный центр, главной идеей которого будет сохранение классического исландского хутора-хламовника. Все старые машины будут обрестрены и тщательно отреставрированы под эгидой нескольких крупных столичных авторемонтных фирм. Но, разумеется, не досконально: о том, чтоб поставить их на колёса, речи не идёт!

Перед нами открывается море возможностей. Гарант можно превратить в любовное гнездышко, в Автобусе и под Випоном мой свёкор с братьями и сёстрами могут рассказывать предания. Энтузиасты могут прогуливаться по хутору и изучать историю развития основных марок джипов, тракторов и сельскохозяйственных машин.

Особая проблема – так называемые «слепые» топонимы. В тех местах когда-то были автомобили или трактора, но по разным причинам потом исчезли, а название так и осталось за местностью. И по сей день здесь сохранился «Бьюиков холм», хотя сам «Бьюик» оттуда давным-давно украли, и сейчас он уже много лет дефилирует по улицам Рейкьявика в качестве ретро-автомобиля и снялся во многих кинофильмах. И все такие пустоты мы собираемся заполнить. А в Сыром логу/Сухом роге у нас будет «советский уголок» – особый участок, призванный хранить память о многолетнем симбиозе двух вымирающих видов: исландского фермера и советского автомобиля. Он охватывает все основные марки машин, от «Победы», «Волги», «ГАЗ-69» («русского джипа») до «Москвича» и «Лады Спорт» – а потом у нас уже началась японская эра. К счастью для нас, этой зимой один русский траулер «заморозили» на верфи в Акюрейри за долги; его экипаж прочесал взморье вокруг и обнаружил там большое множество старых «Лад», и мы купили у этих горемык несколько любопытных и редких экземпляров.

Нам очень интересно, и я говорю тебе спасибо, дорогой Тоурд, за то, что ты послал меня в эти края, хотя, очевидно, всё пошло не в ту сторону, в какую хотелось тебе. И я пошёл другой дорогой. Я был мертвецом в услужении у адептов мертвечины – а теперь живу полной жизнью, и всё это благодаря тебе!

(Из сборника новелл «Ты видишь то же, что и я?» (1998)

Перевод с исландского Ольги Маркеловой

ОСКАР УАЙЛЬД (1854-1900)

КОЕ-ЧТО О ЛАСТОЧКАХ

Оскар Уайльд, знаменитый певец красоты и мастер парадокса, всегда стремился уйти от пошлой обыденности в мир фантазии. Особенно ярко это проявилось в его сказках. Писатель стремился «воскресить старинное искусство лганья» – и тогда «факты будут считаться чем-то постыдным. Истина пригорюнится в своих оковах, а Поэзия со своими сказками снова вернётся на землю. Картина мира преобразится перед нашими изумлёнными взорами. ... Драконы закопошатся в пустынях и Феникс взовьётся в воздух из своего огненного гнезда. ... а над головами у нас будет носиться Синяя птица с песнями о прекрасном, несбыточном, о пленительном и невозможном, о том, чего нет и не будет». Но парадокс Уайльда состоит в том, что в своих прелестных сказках этот свободолобивый эстет по-своему оказывается моралистом, и его прекрасные принцы отказываются от Красоты во имя высшей ценности – Добра. Особенно пронзительна его сказка «Счастливый принц», которую я читала ещё в детстве в переводе Корнея Чуковского. История о преданной любви Ласточки к Счастливому принцу, отдавшему себя бедным и несчастным, трогала до слёз. Каково же было моё удивление, когда позже я прочитала сказку в оригинале и увидела, что Ласточка в ней не девушка, а юноша.

Вот фрагмент перевода.

«Как-то ночью пролетала тем городом Ласточка. Её подруги, вот уже седьмая неделя, как улетели в Египет, а она отстала от них, потому что была влюблена в гибкий красивый Тростник. Ещё ранней весной она увидела его, гоняясь за жёлтым большим мотыльком, да так и застыла, внезапно прельщённая его стройным станом» (перевод К. Чуковского).

А вот оригинал.

"One night there flew over the city a little Swallow. His friends had gone away to Egypt six weeks before, but he had stayed behind, for he was in love with most beautiful Reed. He had met her early in the spring as he was flying down the river after a big yellow moth, and had been so attracted by her slender waist that he had stopped to talk to her."

Поэтому мне захотелось перевести эту историю о подвиге самоотверженной дружбы, человечности и милосердия ближе к идее Уайльда. Что и я попыталась сделать, допустив небольшую поэтическую вольность.

Евгения Славороссова

СЧАСТЛИВЫЙ ПРИНЦ

Вознесённый над городом, на высокой колонне ослепительно сиял Счастливый Принц. Он был покрыт золотом с головы до ног, глазами его были сверкающие синие сапфиры, в рукояти меча горел огромный рубин.

Счастливый Принц вызывал всеобщее восхищение. «Красив, как золотой петушок на флюгере, – заметил Городской Советник, имевший претензии на изящный вкус. – Но не столь полезен», – добавил он во избежание упреков в непрактичности.

– Ну, почему ты не такой, как Счастливый Принц? – вопрошала благоразумная мамаша заплаканного сынишку, который просил луну с неба. – Счастливый Принц не мечтает Бог весть о чём и никогда не плачет.

– Я рад, что в этом мире есть хоть один счастливчик, – бормотал разочарованный неудачник, пристально глядя на великолепный памятник.

– Он просто ангел! – восклицали Приютские Сироты в пунцовых накидках и белых рубашечках, выходя из Кафедрального собора.

– С чего вы взяли? – осадил их Учитель Математики. – Вы же никогда не видели ангелов.

– Ах! Мы видим их в грёзах и снах, – отвечали дети. А Учитель сердито нахмурился, ибо не одобрял детских мечтаний.

Однажды ночью через город пролетал молодой самец ласточки по прозвищу Юнец. Его друзья улетели в Египет шесть недель назад. А он отстал от них из-за стройной Тростинки. Он заметил её весной, летя над рекой в погоне за роскошной жёлтой бабочкой. Тростинка так поразила его своей тонкостью, что он рискнул заговорить с ней.

– Ты будешь моей подружкой? – напрямик спросил Юнец. И Тростинка застенчиво кивнула ему в ответ. Он стал виться вокруг неё, взбивая крылом воду и осыпая её речным серебром. Так он ухаживал за ней всё лето.

– Это безрассудство, – щебетали знакомые Ласточки. – Средств у неё нет, а родственников куча. Действительно вокруг были сплошные тростники. Когда наступила осень, все Ласточки улетели. И Юнец почувствовал такое одиночество, что стал тяготиться своей подружкой. «Говорить с ней не о чем, – думал он. – Эта молчунья с виду тихоня, а сама ветреница. Ветерок совсем вскружил ей голову». И правда, при каждом касании Ветерка грациозную Тростинку бросало в дрожь. «Эту домоседку с места не стронешь, – размышлял Юнец. – А у меня страсть к путешествиям».

– Летишь со мной? – поставил он вопрос ребром. Но Тростинка покачала головой, ведь она была так привязана к родным местам.

– Я в твои игры не играю! – взорвался Юнец. – Улетаю к пирамидам. Прощай! И упорхнул.

К вечеру он достиг города. «Где бы переночевать? – задумался путешественник. – Надеюсь здесь можно прилично устроиться».

Тут он увидел памятник на высокой колонне.

– Отличное место для ночлега, – решил он. – И на свежем воздухе. – И опустился у ног Счастливого Принца.

– Сладок сон в золотой спальне, – улыбнулся Юнец, разнеживаясь. Но только спрятал голову под крыло, как сверху упала большая капля. «Странно, – удивился он. – Небо ясное, звёзды яркие, и вдруг дождь. Климат в Северной Европе просто ужасный. Тростинка упивалась дождями, но её эгоизм невыносим!»

На него упала новая капля.

– Какой прок от памятника, если он не защищает от дождя? – рассердился Юнец. – Надо подыскать подходящий дымоход. – И собрался улетать.

Но не успел он расправить крылья, как на него упала третья капля. Он взглянул вверх и увидел. Ах! Что же он увидел?

Глаза Счастливого Принца были полны слёз, которые градом капились по золотым щекам. Лицо его было так прекрасно в лунном свете, что сердце Юнца защемило от жалости.

– Кто ты? – спросил он.

– Счастливый Принц.

– Почему же ты плачешь? – изумился Юнец. – Промочил меня насквозь.

– Когда я был человеком с бьющимся живым сердцем, я не знал слёз. Ибо жил во Дворце Беззаботности «Сан-Суси», куда печали вход был запрещён. Днём устраивались празднества в саду, вечером балы в Большом зале. Сад был укрыт высокой стеной, и мир за ней меня не интересовал. Ведь в моём мире царила красота. Придворные нарекли меня Счастливым принцем. И, наверное, я был счастлив, если удовольствия можно назвать счастьем. Так прожил я свою жизнь и умер. И, когда я умер, меня вознесли так высоко, что я увидел всё уродство и убожество моей столицы. И теперь я лью слёзы, хотя сердце у меня из олова.

– Так он не из цельного золота? – поразился Юнец, но у него хватило такта, чтобы не задать этот вопрос вслух.

– В предместье, – продолжал Принц глубоким мелодичным голосом, – на узкой улочке стоит убогий домишко. В открытое окно мне видна женщина за столом. У неё измождённое лицо и натруженные ру-

ки, исколотые иглой, ведь она швея. Она расшивает страстоцветами атласное платье прелестной Фрейлины Королевы для придворного бала. А на кровати в углу лежит её больной ребёнок. Он мечется в жару и просит апельсинов. Но им по карману лишь вода в реке, и он плачет. Ласточка, ласточка, ласковый друг мой, не отнесёшь ли ты им рубин из рукояти моего меча? Ведь я прикован к пьедесталу.

– Меня ждут в Египте, – ответил Юнец. – Мои друзья летают над Нилом и разговаривают с Лотосами. Они ночуют на пирамиде Фараона. Мумия его покоится в расписном футляре. Она запелёнута в жёлтую льняную ткань и забальзамирована. На шее у неё зеленая нефритовая цепь, а руки, словно высохшие листья.

– Ласточка, ласточка, ласковый друг мой, можешь ли ты остаться на одну ночь и стать моим вестником? Мальчик так измучен от жажды, а мать от горя.

– А что хорошего в мальчишках? – возразил Юнец. – Грубые сыновья мельника кидали в меня камнями летом. Правда, ни разу не попали. Ведь ласточки славятся искусством летания, а я из семьи знаменитых летунов. Хотя это такое неуважение.

Но Счастливый Принц был столь печален, что Юнец сжалился над ним. «Здесь так холодно, – вздохнул он. – Но я останусь на одну ночь и стану твоим вестником».

– Спасибо, дружок, – поблагодарил Принц.

Юнец вынул рубин из меча Принца и полетел над крышами города.

Он скользил над башней собора с белыми мраморными ангелами. Он парил над дворцом и слышал звуки музыки. Прелестная девушка вышла на балкон со своим возлюбленным. «Как удивителен свет звёзд над нами, – воскликнул он, – и свет любви в нас!»

– Надеюсь, новое платье будет готово к придворному балу, – ответила она. – Я велела расшить его страстоцветами, но швеи такие лентяйки.

Пролетая над рекой, он видел огни на мачтах кораблей. А в Гетто разглядел старых евреев, которые, торгуясь друг с другом, взвешивали монеты на медных весах. Наконец он спустился к бедной хибарке и заглянул в окно. Мальчик дрожал от лихорадки, а мать задремала от усталости. Юнец юркнул в комнату и положил рубин на стол рядом с напёрстком. Затем покружил над кроватью, нежно обвевая крыльями лоб ребёнка. «Какой приятный холодок! – пролепетал тот. – Мне полегчало».

Юнец вернулся к Счастливому Принцу и рассказал обо всём.

– Удивительно, – заметил он. – Мне стало тепло, хотя на дворе холод.

– Это потому, что ты сделал доброе дело, – объяснил Принц. Юнец задумался и уснул. Размышления всегда нагоняли на него сон.

Утром он искупался в реке. «Поразительный феномен! – вскричал Профессор Орнитологии, проходя по мосту. – Ласточка зимой!» И он написал об этом обстоятельную статью в газету. Все с умным видом цитировали её, щеголяя непонятными научными словами.

– Вечером я отправлюсь в Египет, – решил Юнец, и у него поднялось настроение. Он осмотрел все памятники и долго сидел на церковном шпиле. Завидев его, воробьи чирикали: «Чудный чужестранец! Чудный чужестранец!» – что ему весьма льстило.

Когда поднялась луна, Юнец вернулся к Счастливому Принцу.

– Нет ли у тебя поручений в Египет? – спросил он.

– Ласточка, ласточка, ласковый друг мой, – отозвался Принц, – не можешь ли ты остаться ещё на одну ночь?

– Меня ждут в Египте, – ответил Юнец. – Завтра мои товарищи отправятся за вторые пороги. Бегемоты возлежат там в камышах. А на громадном гранитном троне сидит Бог Мемнон. Всю ночь взирает он на звёзды, а когда восходит утренняя звезда, издаёт крик восторга и снова впадает в безмолвие. В полдень жёлтые львы приходят на водопой. Глаза их сверкают зелёными бериллами, а львиный рёв заглушает рёв порогов.

– Ласточка, ласточка, ласковый друг мой, – сказал Принц. – Я вижу юношу в чердачной каморке на окраине. Он склонился над листом бумаги, а в стакане увядает букетик фиалок. У него каштановые кудри, губы цвета граната и большие мечтательные глаза. Он должен закончить пьесу для Директора театра, но совсем окоченел. Очаг не горит, и он теряет сознание от голода.

– Я останусь ещё на одну ночь, – согласился Юнец, у которого было доброе сердце. – Отнести ему другой рубин?

– Увы! Рубинов у меня больше нет, – вздохнул Принц. – Есть только сапфировые глаза. Эти камни вывезли из Индии тысячу лет назад. Возьми один и отнеси ему. Он продаст его ювелиру, запасёт дров и еды и сможет закончить пьесу.

– Милый Принц, – пролепетал Юнец в ужасе, – я не могу этого сделать, – и заплакал.

– Ласточка, ласточка, ласковый друг мой, – произнёс Принц, – я приказываю тебе.

Юнец взял один глаз Принца и полетел на чердак. Проникнуть туда было нетрудно, потому что в крыше зияла дыра. Юноша спрятал лицо в ладонях и не слышал взмахов птичьих крыльев. А когда поднял голову, то увидел изумительный сапфир на увядших фиалках.

– Я становлюсь знаменитым! – воскликнул он. – Подарок от настоящего ценителя. Теперь уж я закончу пьесу. – И просиял от счастья.

На следующий день Юнец заглянул в гавань. Сев на мачту корабля, он наблюдал, как матросы грузили тяжёлые ящики. «Майна! Вира!» – кричали они. «Я лечу в Египет!» – сообщил Юнец, но никто не обратил на него внимания. И когда взошла луна, он возвратился к Счастливому Принцу.

– Я только попрощаться! – объявил Юнец.

– Ласточка, ласточка, ласковый друг мой, – произнёс Принц, – не можешь ли ты остаться ещё на одну ночь?

– На дворе зима, – ответил Юнец. – Скоро выпадет снег. В Египте золотое солнце опалает зелёные пальмы, а крокодилы лениво жмурятся в тине. Мои друзья лепят гнёзда на Баальбекском храме, а белые и розовые голуби воркуют, глядя на них. Милый Принц, я должен покинуть тебя, но я никогда тебя не забуду. Весной я принесу тебе два прекрасных драгоценных камня взамен тех, что ты отдал. Рубин будет краснее розы, а сапфир синее моря.

– На площади, – сказал Счастливый Принц, стоит маленькая продавщица спичек. Она уронила их в водосток. Отец побьёт её, если она не принесёт денег, и девочка плачет. У неё нет ни башмачков, ни чулок, ни шапочки. Возьми мой второй глаз и отнеси ей, тогда отец не тронет её.

– Я останусь ещё на одну ночь, – всхлипнул Юнец. – Но я не могу сделать этого. Ведь ты станешь слепым.

– Ласточка, ласточка, ласковый друг мой, – произнёс Принц, – я приказываю тебе.

Юнец взял второй глаз Принца и спланировал вниз. Подлетев к девочке, он положил драгоценный сапфир ей на ладонь. «Славная стекляшечка!» – засмеялась она и вприпрыжку побежала домой.

Тогда Юнец вернулся к Принцу. «Теперь ты ослеп, – сказал он, – и я не покину тебя никогда».

– Нет, дружок, – возразил несчастный Принц, – ты должен лететь в Египет.

– Я не покину тебя никогда, – повторил Юнец и уснул у его ног.

Утром, сев на плечо Принца, он рассказывал ему о дальних странах. О шеренгах красных ибисов на берегу Нила, которые ловят золотых рыбок; о Сфинксе в пустыне, старом и мудром, как мир; о купцах с янтарными чётками и верблюжьих караванах; о чёрном, как эбен, Короле Лунных Гор, поклоняющемся гигантскому кристаллу горного хрусталя; о великом Зелёном змее на пальме, которого двадцать жрецов

улаживают медовыми пряниками; о пигмеях, скользящих по озеру на плоских листьях и воюющих с бабочками.

– Милый дружок, – проговорил Принц, – ты поведал о загадочных вещах. Но самая великая тайна – это неизмеримые человеческие страдания. Непомерно велика Дань Страдания. Полетай над городом и расскажи о том, что увидишь.

И Юнец полетел над великим городом и увидел веселящихся богачей в роскошных особняках и нищих у их ворот. Он кружил над тёмными закоулками и видел бледные лица голодных детей, безучастно глядящих в ночной мрак. Под аркой моста сидели в обнимку два мальчугана, пытаясь согреть друг друга. «Как хочется есть!» – бормотали они. «Ночевать здесь нельзя!» – прогнал их Ночной Сторож. И они побрели прочь под дождём.

Наконец Юнец вернулся к Принцу и рассказал обо всём, что видел.

Я покрыт чистым золотом, – сказал Принц. – Сними листочки золота и раздай беднякам. Люди думают, будто золото может сделать их счастливыми.

Юнец снял позолоту с Принца, и тот стал серым и тусклым. Он раздал золото беднякам, и лица их детей зарумянились. Они научились смеяться и играть. «Теперь у нас есть хлеб!» – радовались они.

Потом выпал снег и ударил мороз, сверкающие улицы казались отлитыми из серебра, хрустальные пики сосуллек свисали с карнизов, все кутались в меха, а мальчишки в алых шапочках катались на коньках.

Бедный Юнец ужасно мёрз, но не мог покинуть Принца, которого так полюбил. Он подбирал крошки хлеба возле пекарен и пытался согреться, хлопая крыльями.

Но однажды он понял, что умирает. У него едва хватило сил сесть на плечо Принца. «Прощай, милый Принц, – коченея, прошептал он. – Ты позволишь мне поцеловать твою руку?»

– Я рад, что ты наконец улетишь в Египет, дружок, – улыбнулся Принц. – Слишком долго ты здесь задержался. Но поцелуй меня в губы, ведь я люблю тебя.

– Не в Египет я улетаю, – сонно бормотал Юнец, – а в царство Смерти. Ведь Сон – это брат Смерти?

Он поцеловал Счастливого Принца в уста и мёртвым упал к его ногам.

В этот миг странный звук вырвался из груди Принца, словно лопнула струна. Это разорвалось его оловянное сердце. Мороз был поистине страшный.

Утром Мэр прогуливался по площади в окружении Городских Советников. Проходя мимо колонны, он бросил взгляд на Памятник. «Бо-

же мой! Каким обшарпанным стал Счастливый Принц», – заметил он.

– До неприличия! – согласились Советники, которые всегда под-
дакивали Мэру, и подошли ближе.

– Рубин выпал, глаз нет, позолота облезла, – перечислил Мэр. –
Он похож на нищего!

– Хуже нищего, – закивали Советники.

– А у его ног валяетсядохлая птица! – продолжал Мэр. – Надо из-
дать указ, что птицам здесь умирать запрещено.

И Секретарь записал это распоряжение.

Вот так и снесли памятник Счастливого Принца. «Без красоты нет
и пользы», – разъяснил Профессор-искусствовед в Университете.

А памятник пошёл на переплавку. Мэр созвал Городской Совет,
чтобы решить, как использовать металл. «Надо отлить новый памят-
ник... Мне!» – предложил он.

– Нет, мне! – закричали наперебой Члены Совета и стали спорить
до хрипоты. Говорят, что спорят они и по сей день.

– Ну и ну! – возмущался Начальник плавильного цеха. – Это раз-
битое оловянное сердце не плавится. Выбросите его!

И его бросили в кучу мусора, где лежало мёртвое тело Ласточки.

– Принеси мне самое ценное, что есть в этом городе, – повелел
Господь своему Ангелу. И Ангел принёс ему оловянное сердце и мёрт-
вую птицу.

– Ты сделал правильный выбор, – возвестил Господь. – Птица эта
будет вечно петь в райском саду, а Счастливый Принц будет возносить
молитвы в моём Граде Золотом во веки веков.

Перевод с английского Евгении Славороссовой

РОЖДЕСТВЕНСКИЙ СОЧЕЛЬНИК В СТАРИНУ

Из собрания Петера Кристена Асбьёрнсена и Йоргена Му

Ветер завывал среди верхушек старых кленов и лип за моими ок-
нами, снег кружился вихрем по улицам. Мела метель, а небо было та-
ким сумрачным, каким только и может быть декабрьское небо у нас в
Кристиании. Мое настроение было таким же мрачным, как и это зимнее
небо. Это был первый рождественский сочельник, который я намере-
вался провести вдали от домашнего очага. А случилось вот что. Послу-
жив некоторое время офицером, я собирался вернуться к родителям и
тем самым скрасить их одинокую старость, и конечно же, хотел по-
явиться перед соседскими дамами в полном блеске и удали. Но брюш-

ной тиф принудил меня лечь в больницу. Вышел я оттуда уже неделю назад и теперь пребывал в жалком состоянии выздоравливающего. Я написал отцу, чтобы он выслал за мной Буланку, да чтоб не забыли положить лапландский тулуп. Правда, письмо дойдет до него не раньше рождества, ну а уж в первый день нового года лошадь должна уже ждать меня. Все мои товарищи разъехались из города, а знакомого семейства, где бы я мог встретить праздник, у меня не было.

Две сестры, старые девы, у которых я снимал комнату, были милые и приветливые особы, с нежной заботой отнеслись ко мне во время всей моей болезни. Но для молодого человека общение с ними было несколько тягостно, уж очень они были старомодными. Все их помыслы были сосредоточены на прошлом, и, как это часто бывает, когда они рассказывали истории о городе и его обитателях, от содержания их рассказов и наивного истолкования событий, восприятий, так и веяло этими давно ушедшими днями. Их наивным старомодным взглядам вполне соответствовал и дом, в котором жили эти дамы, можно сказать, что одно было в полнейшей гармонии с другим. Дом представлял собой одно из старинных зданий на Толлбодгатен с глубоко посаженными окнами, длинными мрачными переходами и лестницами, тёмными кладовыми и чердаками, где невольно приходят на ум мысли о всяких там троллях и привидениях, именно такой дом Мауритц Хансен¹ описал в своем рассказе «Старик в ушанке». Круг общения моих хозяек был весьма ограничен: помимо замужней сестры да парочки скучнейших дам, никто их не навещал. Единственным отрадным впечатлением бывал визит красивой девушки, племянницы сестёр, а также их племянников со стороны брата – живых и весёлых ребяташек, которые всегда просили меня рассказать какую-нибудь сказку или историю про гномов.

Пребывая в одиночестве или подавленном состоянии духа, я пытался развлечься тем, что наблюдал через окно за людьми, сновавшими среди снега и метели по улице, у них были сизые носы и прищуренные глаза. Особенно забавно было наблюдать за суетой и оживлением, царящими возле аптеки, дверь то и дело открывалась и закрывалась и входили служащие или крестьяне, приехавшие в город. Многие, выйдя из аптеки, останавливались, чтобы прочесть сигнатуру². Одним, видимо, удавалось разобрать латинские надписи, другие же после долгих напрасных попыток только качали головой, дело оказывалось им не под силу. Темнело, я уже не мог различать лиц прохожих, а разглядывал само здание напротив. С почерневшими тёмно-красным кирпичными стенами, остроконечными фронтонами, башенками с флюгерами и окнами со свинцовыми рамами, здание представляло собой памятник архитек-

¹ Мауритц Хансен – датский писатель (1794-1842 гг.).

² Сигнатура – копия рецепта. (Прим. пер.).

туры времен Кристиана четвертого. Много изменилось, только лебедь оставался неизменно на своём месте с золотым кольцом на шее, в сапогах со шпорами, с расправленными крыльями, как будто собрался взлететь. Только я было углубился в размышления о птицах, живущих в неволе, как до меня из соседней комнаты донёлся шум и детский смех, а затем раздался слабый стук в дверь.

В ответ на моё «Войдите» в комнату торжественно вступила старшая из хозяек Йомфру Метте, сделав старомодный книксен¹, спросила меня о моём самочувствии и, рассыпаясь в любезностях, пригласила оказать им честь провести рождественский сочельник с ними. «Отнюдь не следует вам, любезный господин лейтенант, сидеть здесь в одиночестве и потёмках», – и тут же добавила, – Может быть, вам прямо сейчас присоединиться к нам? Приехали матушка Скау, мои маленькие племянницы, может быть, их общество хоть немного развлечёт вас. Я знаю, вы так любите детей».

В гостиной, куда я вошёл, в большом проёме угольной печи полыхал огонь и причудливые отсветы яркого пламени пронизывали её всю. Комната была очень вытянутой, со старинной мебелью: обтянутыми юфтью² креслами с высокими спинками и одним из тех канапе, которые рассчитаны на особ в кринолине. Женщина, сидящая на таком диване, напоминает аиста, стоящего на одной ноге. Стены комнаты были украшены масляной живописью, преимущественно портретами дам с застывшими лицами и напудренными причёсками, а также представителей славного рода Ольдеборгов и других доблестных персон в панцирях, броне и красных мундирах.

– Простите, великодушно, господин лейтенант, что мы ещё не зажигали свечей, – произнесла йомфру Сессиле, младшая из сестёр, которую обычно называли милочка-Сессилочка, выйдя ко мне навстречу и сделав подобно своей сестре книксен. – Дети так любят сидеть в сумерках, да и матушка Скау охоча до бесед в полумраке у печки.

– Да, люблю поговорить о том, о сём, да и ты сама не против поболтать за шитьём, так что мы обе в этом грешны, – отозвалась страдающая удушьем дама, которую все величали матушкой Скау. – Ну что же, добрый вечер, батюшка! Проходите, усаживайтесь и рассказывайте мне, как у вас обстоят дела. Сдается мне, вы порядком исхудали, – сказала она, гордясь своей дородностью.

Я поведал ей о своей болезни, а в ответ вынужден был выслушать очень длинную и подробнейшую историю о её собственном ревматизме и астматических приступах. К счастью, её прервали дети, с гомоном

¹ Книксен или реверанс – вежливый, изящный поклон с приседанием. (Прим. пер.).

² Юфть – особый сорт кожи. (Прим. пер.)

прибежавшие из кухни, где они навели старую добрую служанку Стину.

– Тётушка, ты знаешь, что говорит Стина? – закричал один из детей, юркий, кареглазый малыш. Она говорит, чтобы я пошёл вечером на чердак и отнёс гному рождественской каши. Но я не хочу туда идти. Я боюсь гнома!

– Вот глупости. Она говорит это для того, чтобы подзадорить других, она сама боится идти на чердак в потёмках, потому что её как-то раз и напугал гном, – сказала йомфру Метте. – Ну, дети, разве вы не хотите поздороваться с господином лейтенантом?

– А, так это вы, господин лейтенант, мы вас не узнали, вы такой бледный, – закричали хором дети, столпившись вокруг меня. – Расскажите нам, пожалуйста, что-нибудь интересное, мы так давно не слышали ваших историй! Ну, пожалуйста, расскажите о Мальчике-Блинчике и собаке Рыжике!

Что ж, рассказал я им о Мальчике-Блинчике и собаке Рыжике, а в довершение попотчевал их историями о Гноме из Пекарни и Гноме из Кладовки. Любили они воровать друг у друга сено и однажды, встретившись, когда каждый нёс на спине по охапке, так разодрались в пух и прах, что оба навсегда исчезли в облаке сухих травинок и пыли, поднявшихся от сена. Потом рассказал о гноме из Хессельберга, который так дразнил цепного пса, что хозяин рассердился, отшвырнул гнома, и тот кубарем покатился по пологому въезду в амбар. Дети смеялись и хлопали в ладоши.

– Так тебе и надо, противный гном, – говорили они и требовали новых историй.

– Ну нет, вы уж совсем замучили господина лейтенанта, детки, а теперь пусть уж тётушка Метте расскажет историю.

– Да, да, тётушка Метте, расскажи, – закричали все разом.

– Ума не приложу, что вам рассказать, – отвечала тётушка Метте.

– Но раз уж речь зашла о гномах, расскажу и я об одном гноме. Наверняка, вы помните старую Кари Гаустал, которая была у нас тут в услужении, пекла плоский хлеб¹ и блинчики, она знала столько интересных историй.

– Помним, помним, – закричали дети.

– Ну так вот, Кари рассказывала, как много-много лет назад она служила в сиротском приюте. В этой части города было ещё более тоскливо, одиноко, чем теперь, а сам сиротский приют был в тёмном и мрачном здании. Кари поступила туда в услужение в качестве кухарки, а девушка она была трудолюбивая и расторопная. И вот однажды ночью

¹ Плоский хлеб – особый вид очень тонкого хлеба, напоминает лепешку, норвежское национальное блюдо. (Прим. пер.).

ей предстояло варить пиво, а другие служанки предупредили её: «Слишком рано не начинай, прежде чем пробьёт два часа, до солода не дотрагивайся».

– А почему это? – спросила она.

– Тут у нас гном живёт, и пока он не угомонится, а это будет никак не раньше двух, ты к солоду не прикасайся, а то он ни за что не даст тебе пиво варить.

– Да наплевать мне на это, – сказала Кари, которая, как говорится, была остра на язык, – мне от него ничего не нужно, а коли явится, то поговорю с ним о том, о сём, да и выставлю его за дверь.

Другие служанки еще раз советовали остерегаться гнома, но она поступила по-своему. Когда на часах было начало второго, Кари встала с постели, сложила дрова под бродильным чаном и в чан засыпала солод. Но огонь под чаном никак не разгорался, казалось, что кто-то разбрасывает головешки из-под чана, и как это происходило, совершенно непонятно. Несколько раз она снова и снова собирала головешки, но солод никак не доходил. Наконец, это ей настолько надоело, что схватила она горящую головешку, потыкала ею туда-сюда, а потом как размахнется да закричит:

– А ну-ка, живо убирайся туда, откуда пришёл! Не думай, что я боюсь тебя!

–Тьфу, чтоб тебя, – раздался голос из одного из тёмных углов. – Я забрал из этой усадьбы семь душ, думал, что и восьмую прихвачу.

– С тех пор уже никто и никогда не встречал гнома в Сиротском приюте, – добавила Кари Гаусдал.

«Ой, мне стало страшно, лучше вы, господин лейтенант, расскажите мне что-нибудь, – попросил один малыш. – Когда вы рассказываете, мне никогда не бывает страшно. Ваши истории всегда более весёлые». А другой малыш тут же добавил, чтобы я рассказал сказку и чтобы была она непременно о гноме, который плясал халлинг¹ с девушкой. Эту историю мне как раз меньше всего хотелось рассказывать, потому что там необходимо петь. Но они так меня упрашивали, что я уже начал было своим хриплым, срывающимся голосом напевать мелодия халлинга, без которой эта сказка была не сказка, когда в комнату вошла красивая девушка, племянница сестёр – к радости детей и к моему облегчению.

«Ну что ж, дети, я расскажу вам эту историю, если вы попросите кухню Лизе напеть для вас мелодию, – сказал я, как только девушка заняла свое место в гостиной. – А вы сами станцуете халлинг, не правда

¹ Халлинг – норвежский народный танец. (Прим. пер.).

ли?» Малыши облепили кухню. Она обещала напеть мелодию, и я начал рассказывать:

«Я не знаю, где точно это произошло, но, кажется, почти уверен, что в Халлингдале.¹ Одна девушка должна была отнести гному кашу, сваренную на сливках. Сдается мне, это было просто вечером в какой-то из четвергов или в сочельник, впрочем, точно не помню. И вот решила эта девушка, что ни к чему давать гному такую хорошую еду, съела сама сливочную кашу, вдобавок выпив растопленное в ней масло, и пошла в амбар с простой овсяной кашей, залитой кислым молоком, выплеснула её в корыто и сказала: «Вот тебе твоё пойло, уродец!» Но не успела она произнести эти слова, как тут же откуда-то выскочил гном, подхватил девушку за руки и так закружил в танце, что под конец она упала без сил. Утром её едва живую нашли в амбаре люди. Танцуя с девушкой, гном всё время напевал», – тут йомфру Лизе запела партию гнома в ритме халлинга:

*Затанцюю, затанцюю ту, что каши не дала,
гному каши не дала.*

*Затанцюю, затанцюю ту, что каши не дала,
гному каши не дала.*

Я отстукивал такт ногами, в то время как дети с шумом и гамом закружились в танце.

– Ох, дети, вы так шумите, всю гостиную перевернули вверх дном. У меня прямо голова загудела от вас, – посетовала матушка Скау.

– Ну, давайте, угомонитесь хоть немного, а я вам расскажу несколько историй.

Когда в комнате наступила тишина, мадам Скау начала свою историю:

«Люди много рассказывают о гномах, хульдрах и тому подобной нечисти. Мне лично за мою долгую жизнь, хотя уж теперь дни мои сочтены, многого из них видеть не довелось, так что я считаю все это пустыми разговорами. А вот, к примеру, старая Стина уверяет, что однажды видела гнома. В те времена, когда я ходила к священнику, чтобы готовиться к конфирмации, она служила у моих родителей, а до этого была служанкой в доме старого шкипера, который к тому времени уже прочно осел на берегу. Жизнь в его доме была спокойной и размеренной. Никто к ним не приходил. Единственным развлечением шкипера была прогулка по набережной. Я прекрасно помню этого шкипера, он прохаживался в домашних туфлях, белом ночном колпаке, в широком

¹ Халлингдал – долина в Центральной Норвегии. (Прим. пер.).

блеклом сером пальто со стальными пуговицами. В доме все рано укладывались спать, вот у них-то дома и жил гном. Однажды Стина вместе с кухаркой сидели в девичьей комнате и занимались всякими мелкими делами, что-то зашивали, что-то пришивали. Приближалось время сна, стрелки часов почти подошли к десяти. Дела с шитьём и штопаньем продвигались не так быстро, потому что то и дело заглядывал старый шкипер и отвлекал их. Тут Стина начала клевать носом, а за ней и кухарка, потому что в тот день была генеральная уборка и они встали рано. И вдруг они услышали страшный грохот на кухне, как будто кто-то брал одну тарелку за другой и швырял их о кухонный пол. Они направились в сторону кухни. Стина воскликнула: «Господи, спаси и помилуй, ведь это гном». Она так перепугалась, что не могла и шага сделать. Кухарка тоже перепугалась, но сумела перебороть себя и вышла на кухню. И что же они увидели: все до единой тарелки валяются на полу, хотя ни одна из них не разбита, у самой двери стоит гном в красной шапочке-колпачке и хохочет от души. Кухарке когда-то довелось слышать, что гном довольно-таки скор на переселение, коли попросишь его об этом да посулишь более спокойное место. И, подумав хорошенько, решила она над этим гномом подшутить. Вот возьми да и скажи она ему, голос у неё при этом слегка задрожал, что лучше бы ему пойти жить в дом на противоположной стороне улицы, к медных дел мастеру, там ему было бы удобней и спокойней. В том доме все укладываются спать уже в девять часов, каждый вечер. Ведь мастер со всеми своими подмастерьями и учениками поднимается в три утра, и все они дружно берутся за работу, стучат и гремят, да так целый день. И вот с того самого момента гном исчез из дома шкипера.

Ему очень понравилось в доме медника, хотя там всё время стоял шум да грохот. Кроме того, говорят, что жена медника каждый четверг вечером приносила на чердак тарелку каши для гнома. Вот и не удивительно, что семейство медника разбогатело как раз в то время, когда к ним переселился гном. Стина рассказывала, что все заметили это. Но произошло ли это благодаря гному, этого я точно не могу сказать», – добавила матушка Скау, кряхтя и кашляя. История оказалась непомерно длинной для неё.

Взяв понюшку табака, старушка оживилась и продолжила:

«Мамочка моя была очень правдивой женщиной, и она как-то рассказала мне одну историю, случившуюся однажды здесь у нас в городе на рождество. Я уверена, что всё именно так и было, как рассказывает она, потому что никогда ни единого лживого слова не вылетало из её уст.

«Как хотелось бы услышать эту историю, мадам Скау», – попросил я. «Расскажи, расскажи, матушка Скау», – закричали дети.

Матушка Скау откашлялась и начала новую историю: «Когда моя мамочка была еще девочкой, то порой, бывало, захаживала в гости к одной вдове, погодите, как же её звали? Мадам, да, мадам Эвенсен. Была она женщиной в расцвете лет. Но где она жила, на Мёллергате или в районе Лилле Кирксбакке, этого я точно сказать не могу. Итак, тогда, как и сегодня, был рождественский сочельник, вдова решила, что рано утром она отправится на праздничную службу в церковь. Была она прилежной прихожанкой, приготовила всё заранее для кофе, чтобы на рассвете глотнуть горяченького да перехватить чего-нибудь, чтобы не идти совсем натошак. Когда она проснулась, то увидела, что луна всю освещает комнату и отблески её света отражаются на полу, но, взглянув на часы, обнаружила, что они стоят: стрелки показывали половину двенадцатого. Так что она понятия не имела, сколько проспала и который был час. Тогда она подошла к окну и посмотрела на церковь. Все окна в ней светились. Мадам разбудила служанку и велела побыстрее подать ей кофе, пока она будет одеваться и найдет псалтырь. Когда она, наконец, вышла из дома, на улице было тихо и безлюдно. Войдя в церковь, она села на свое обычное место и тут заметила, что все люди вокруг были какие-то странные, очень бледные, прямо как мертвецы. Хотя некоторых, как ей показалось, она встречала раньше, но никак не могла вспомнить, где именно. Когда на кафедру взошёл священник, она поняла, что он явно не принадлежал к местному духовенству, она никогда не видела его ни в одной из городских церквей. Когда он начал проповедь, почудилось ей в нём что-то знакомое. Говорил он очень красиво, ему не нужно было откашливаться, прочищать горло, повышать голос, как это обычно делают другие священники во время столь ранней проповеди. В церкви стояла такая тишина, что, наверняка, можно было услышать, если бы на пол упала булавка, ей вдруг стало страшно от такой тишины. Когда все начали петь псалом, одна сидевшая рядом женщина наклонилась к вдове и прошептала ей прямо в ухо: «Расстегни пальто и уходи отсюда, коли останешься здесь до конца, они убьют тебя. Ведь эта паства – мертвецы».

«Ой, ой, как страшно, матушка Скау!» – захныкал один из малышей и забрался на стул.

«Тише, детки, тише, ничего плохого не случится, слушайте дальше, – увещевала их матушка Скау. – Наша вдова испугалась не на шутку, когда услышала голос, и взглянула на сидящую рядом женщину. Она её узнала, это была её соседка, умершая много лет назад. Теперь, когда она оглядела церковь, она поняла, почему многие из присутствующих и сам священник показались ей знакомыми. Она видела этих людей, когда они были ещё живы. Вдова замерла от ужаса. Она расстегнула пальто, как велела ей соседка, и направилась к выходу. И тут все

прихожане вскочили и разом бросились за ней. Ноги у неё подкосились, и она едва не упала. Добежав до ступенек при входе в церковь, она почувствовала, как несколько рук одновременно схватили её за пальто. Она рванулась вперёд, оставив пальто в руках мертвецов, и со всей мочи бросилась домой. Когда она добежала до дверей гостиной, то услышала, как пробило ровно час. Она была едва жива от страха. Наутро люди нашли её пальто на церковных ступеньках, оно было разодрано в клочья. Это пальто моей матери доводилось видеть несколько раз, так же, как и позднее один из клочков. Пальто было ярко-красное, на заячьей подкладке, с оторочкой внизу, такие носили во времена моего детства. Теперь их редко встретишь, но порой некоторые пожилые дамы из центра Старого города приходят в них на рождественские праздники в церковь».

Дети, которые вначале с восторгом и замиранием сердца слушали рассказ матушки Скау, сказали, что больше уже не хотят слушать подобные страшные истории. Они расселись по стульям и канапе, многим казалось, что под столом кто-то сидит и может на них накинуться. Когда внесли свечи в старинных подсвечниках, мы увидели, что кое-кто из детей закинул ноги на стол. Благодаря ярко зажжённым свечам, рождественскому пирогу, варенью, печенью, мёду, все эти истории о привидениях и мертвецах улетучились, и разговор перешёл на реальные явления и житейские темы. Наконец, в довершение всего подали рисовую кашу и жареную грудинку, что окончательно направило мысли в сторону всего земного. Все сосредоточились на поглощении этой сытной пищи, а затем разошлись, пожелав друг другу счастливого рождества.

Как ни странно, но я пережил весьма беспокойную ночь. Уж и не знаю, то ли под влиянием всех этих историй, то ли в связи с обильной пищей, или из-за моей слабости после перенесённой болезни, а может быть, из-за всех этих причин сразу, только я метался в своей постели, и чудились мне всю ночь напролёт какие-то привидения и духи, гномы и хульдры.

В конце концов я прямо по воздуху под звук бубенцов перелетел в церковь. Церковь была ярко освещена, и, когда я вошёл в неё, я понял, что это та самая церковь, которая находится у нас дома в долине. В ней собрались исключительно местные жители, в красных вязаных шапочках, солдаты в парадной амуниции и розовощекие крестьянские девушки в шальях. На кафедре стоял священник. Это был мой дедушка, который умер, когда я был ещё маленьким мальчиком. На самой середине своей блестящей проповеди он вдруг неожиданно для всех перекувырнулся и оказался прямо посреди церкви, он был известен своей удалью, так что подол сутаны на мгновение оказался наверху, а воротник внизу. «Здесь похоронен наш пастор, а здесь – я, – проговорил он, шевеля

круглой дыркой вместо рта, – а теперь давай спляшем с тобой спрингар».¹

В то же мгновение вся паства бешено закружилась в диком танце, а ко мне подсел высокий и дородный детина, схватил меня за плечо и сказал: «А ну-ка, пошли с нами, парень!»

Я долго не мог понять, где я и что со мной, когда проснулся от того, что кто-то крепко ухватил меня за плечо. Это был явно уроженец моих родных мест, он был в красной вязаной шапке, натянутой на уши, в руках у него был лапландский тулуп, а его огромные глаза прямо-таки сверлили меня насквозь.

– Вижу, что тебе что-то снится, приятель, ты весь в поту, а спишь крепко, как медведь в берлоге. Счастливого рождества и божьего благословения желают тебе твой отец и родня из нашей долины. Вот письмо от господина нотариуса, а вот лапландский тулуп, а Буланка ждёт на дворе.

– Господи помилуй, никак это ты, Тур? – Тур был отцовский управляющий, типичный представитель наших мест. – Господи, да как же ты сподобился попасть сюда? – закричал я радостно.

– Сейчас расскажу, как оно получилось, – ответил Тур. – Поначалу я был с господином нотариусом в Несе, а тут он мне и говорит: «Тур, тут совсем близко от города, возьми-ка ты сани с Буланкой и езжай к лейтенанту, коли он уже здоров и хочет ехать домой, забери его с собой».

Когда мы выехали из города, уже рассвело, и дорога была прекрасной, Буланка бежала, проворно переставляя свои старые ноги, а уж рождественского сочельника подобно этому не было в моей жизни больше никогда.

Перевод с норвежского Элеоноры Панкратовой

БЕА ЛУИ ДЕ МЮРА (1665 – 1749)

Беа Луи де Мюра (Béat Louis de Muralt) – швейцарский дворянин, бывший на службе у Людовика XIV в швейцарской гвардии, некоторое время жил в Англии. В своих «Письмах об англичанах и французах» первый среди европейцев дал сравнительное описание двух народов. Эти «письма» были очень популярны и неоднократно издавались в XVIII веке.

¹ Спрингар – норвежский народный парный танец. (Прим. пер.)

ПИСЬМА ОБ АНГЛИЧАНАХ

Письмо первое

Сударь, пока я в Англии, я хочу кое-что рассказать о нравах и характере англичан. Делаю это как ради забавы, так и с серьёзным намерением дать вам портрет этого народа для лучшего с ним знакомства. Я буду говорить обо всём, что увижу. Слишком далеко я заходить не буду, вы получите верное изображение, но как я это понимаю, то есть, со всем моим стремлением к точности, мы оба можем обманываться. Одним словом, во всём том, что я буду писать вам, правда будет моей целью, но не беру на себя ответственность, что встречу её везде и, по-моему, было бы весьма безрассудно брать её на себя.

То, что, главным образом, известно об англичанах в мире, совпадает с тем, что замечаешь по приезде к ним: процветание и роскошь знати, изобилие у простого народа. Заметны у них и обычные плоды процветания: развращение нравов возведено в род гордости, какую люди, страдающие от неё, охотно называют наглостью. Развращённость в Англии достигла такой степени, что уже больше не скрывается. Мне приходилось слышать, что причину такого положения приписывают королю Карлу II. Говорят, что он постоянно давал примеры крайнего разврата, но мне кажется, у англичан не было побуждения к этому такими чрезвычайными примерами, чтобы быть такими, какими мы их видим. Вообще говоря, у них мало образования и много денег, и столько возможностей предаться пороку; почему и порочные люди обязательно должны быть среди них в большом количестве. Добавьте к этому, что Англия – страна свободы и безнаказанности: каждый в ней становится тем, кем желает, и отсюда, несомненно, происходит столько необычных людей, сколько среди англичан героев зла и добродетели. Это же положение даёт им некоторую свободу чувств и мыслей, мало способствующих их здравому смыслу, который несколько отличает их от большинства других народов.

Гордость их, если позволительно мне воспользоваться этим понятием, их заносчивая дерзость не так велика и не так обща, как это думают: в этом народе найдётся, может быть, совсем немного людей непочтительных к знати, не готовых им уступать так легко, как везде в других странах. Также заметна их крайняя чувствительность во всем том, что касается их свободы, вспыльчивость и горячность в некоторых развлечениях и удовольствиях. Я не нахожу их слишком грубыми по отношению к иностранцам, по крайней мере, в обычной жизни, я не вижу, на чём основывают большую разницу в этом отношении между англичанами и другими народами. Большинство людей сильно преувеличивает, воображая, что англичане так грубы и беспардонны к иностран-

цам. Им нет особенно дела до нас, когда мы с ними незнакомы, когда же мы знакомы, они дают нам почувствовать, что себя они больше уважают, вот и всё. У них сильное предубеждение в превосходстве своей нации, и это предубеждение сказывается в их речах и манерах, что и дает повод иностранцам жаловаться. По-видимому, это глупое предубеждение свойственно большинству народов, но поскольку у них есть нужда друг в друге, они её скрывают для общения между собой. Англичан же это соображение никак не сдерживает: они достаточно богаты, чтобы обойтись без других и, отделенные морем от остальных народов, чувствуют себя менее принужденными сдерживаться. Нам же, иностранцам, следует ещё настолько менее оскорбляться этим, насколько англичанам свойственно не стесняться ни в чём.

Кроме больших богатств и презрения к иностранцам, мне кажется, в обычное представление об Англии входит мнение о том, что мужчины в ней отважны, а женщины красивы; я об этом выскажусь. Отвага англичан везде известна, и не без основания; они убедительно доказали свое бесстрашие. Тем не менее, мало кто из них отправляется воевать за границу, видимо, по тому же основанию немногие отправляются и ко двору, потому что они состоятельны имуществом и здравым смыслом.

Они не только не отправляются воевать, но даже ни во что не ставят звание военачальника; так они называют всякого незнакомого им бездельника со шпагой, точно так, как во Франции называют аббатом всякого бездельника в плаще с воротничком. Их отвага не вырождается в дуэли: здесь почти не говорят об этом виде поединка, тем не менее, они управляют с ними, будучи вызванными. Мне кажется, что настоящее мужество, за недостатком которого эти другие сражения введены среди людей, находится в Англии. Я хочу сказать, что мужество состоит в том, чтобы сделать отважно доброе дело, осмелиться следовать разуму против обычая. У них довольно много таких храбрецов, как вы увидите по многим делам, о которых я расскажу вам на эту тему.

Как высшая аристократия мало придерживается двора, так и люди меньшего калибра мало придерживаются аристократов. Кажется, что никто из них не испытывает этой боязни, этого восхищения, обычных у других народов. Напротив, виден здесь дух свободы, поддерживаемый правительством. Если всё то, что я слышу о правительстве, верно, то именно в Англии – каждый хозяин своего имущества; это в ней можно прожить жизнь, не испытывая посягательств со стороны высшей знати, и, если хотите, не зная их. Они почитаются по величине делаемого ими добра, и становятся настоящими вельможами по своему большому двору, по почтению и снисхождению к ним: они короли в своих поместьях. Если они делают мало добра, то быстро становятся одиноки, они печально пользуются своими правами, и с ними происходит приблизи-

тельно то, что сказал один из них: «Нас нельзя арестовать за долги, но нам за это почти не дают кредитов, и всякий раз, когда мы клянемся, мы обязаны клясться только нашей честью, но мало кто нам верит. Есть закон, который запрещает нас злословить, но нам случается, как и другим, быть избитыми на улице». Этот человек мог добавить, что их рождение дает им право заседать в парламенте, но это не их палата, которая правит, наиболее значительные дела решает нижняя палата. Я вам скажу о ней несколько слов.

В значительной части заботами этой палаты Англия оставалась свободной при королевской власти; этого достаточно, без сомнения, чтобы ценить её, и на этом основании невозможно слишком переоценить значение этой палаты; но, впрочем, судя о ней, можно легко ошибиться. Кажется, что в этой стране здравого смысла четыре или пять сотен выбранных людей должны составить ассамблею людей необычайных, но это совершенно не так, судя обстоятельно по их выступлениям и решениям, по бурным спорам по довольно незначительным поводам. Я посчитал бы, что всякое слишком многочисленное собрание становится толпой, в которой не следует искать выдержанную атмосферу работы. И вот почему в ней происходит то, что обычно происходит в толпе: несколько наиболее разумных или более смелых становятся вождями и ведут за собой других. Часто бывает, что среди этих последних люди, устав быть ведомыми, хотят идти самостоятельно и отваживаются на длинные выступления и обращения, и тогда можно услышать удивительные вещи: в 1693 году один из таких избранников закончил своё выступление, говоря, что он надеется до конца года увидеть короля Франции под судом, просящего на коленях мира у парламента.

Впрочем, дворянство, из которого составлена эта палата, самое счастливое в мире; я имею в виду этот род дворянства, который называется *джентри*, которому звание дворянина не подходит в полной мере к понятию дворянина в обычном понятии о дворянстве, как и их образ жизни не соответствует образу жизни дворянства в других странах. Это богатые люди, чьё рождение не влечёт ни к каким стесняющим обязательствам, они могут приобретать недостающее имущество торговлей, как и недворяне. Но с другой стороны, пиры и охота становятся их самыми обычными занятиями. Что касается других занятий – манеж, танцы, фехтование – они довольно ими пренебрегают, пренебрегают также некоторыми вежливыми и честными манерами, которые свойственны дворянству в других странах. То, что я сказал о них, касается, главным образом, молодежи, которая не путешествовала, это не слишком общее правило, в котором бывают и большие исключения, как это происходит и в общих чертах характера, приписываемого народам. Перейдём к духовенству.

Прежде всего, приятно удивляет цветущее здоровье и благосостояние большинства церковников, упитанность и румянность капелланов. Этим господ упрекают в некоторой лени, и их дородная тучность заставляет подозревать, что это обвинение не без основания. Впрочем, их часто можно встретить в харчевнях с трубкой в руках, и так же часто в кабаках. Поначалу иностранцы составляют о них не очень лестное мнение, но поскольку никто, кажется, этим не возмущается, то и они привыкают на них смотреть, как на всех прочих. Вот что у них общее с духовенством других народов, так это то, что проповеди их respectable проповедников, и плюс к тому же они их делают покороче, чем у наших, они их читают вместо рассказывания наизусть, вернее сказать, произнося их, взглядывают время от времени на текст. Я думаю, что такая проповедь вам понравится больше: такой способ не даёт им возможности удариться в декламацию, с её неестественным возбуждением, с преувеличенной жестикоуляцией, так мало подходящей к достоинству религии; и что не менее важно, проповедники могут использовать всё своё время для придания большей выразительности проповедям, которая частично теряется при заучивании наизусть. Вот почему почти не приходится слышать от них пустяки, которые не стоило бы труда написать и без приятной пользы прочитать. Кажется, что цель проповедников – серьёзно изменить человека и их благонамеренными проповедями сделать их общительными и добрыми; если даже они не достигнут желаемого, то не дадут место длинным и пресным увещеваниям и насмешкам над проповедниками и религией.

Несколько раз я обращал внимание на разницу между английскими и другими проповедниками в мире, среди прочих и французскими. Англичанин скромно и робко поднимается на кафедру, вы бы сказали, что он едва осмеливается глядеть на присутствующих, к которым впоследствии обращается степенно, рассуждая кратко, просто и обычно со здравым смыслом. Француз, наоборот, кажется, что восходит на трон и этим восхождением усугубляет в себе церковную гордыню, оглядывает церковь, гордо взирает на прихожан, как бы своим присутствием желая внушить им почтение к своей персоне. Проповедь, с которой он затем обращается к своей пастве, почти всегда длинна и скучна, наполнена вымыслами и риторическими украшениями, проповедник беснуется на кафедре, кричит как человек, у которого не хватает доводов для убеждения и достоинства, чтобы придать вес своим высказываниям.

Я не должен забыть сказать вам, что англичане успешны в науках и что они хорошо пишут на все темы. Это меня не удивляет: они чувствуют себя свободными, материально обеспеченными, им нравится рассуждать логично, пренебрегать политесом и манерничаньем в речах,

затемняющим и умаляющим разум, и наконец, при использовании ясно-го и богатого языка трудно выдать пустяк за что-либо существенное. Как бы то ни было, они считают, что опередили другие народы в науках, по крайней мере, на столетие; такое притязание очень способно всколыхнуть Парнас, привести к столкновениям и гневу учёных, я так и вижу их, бросающихся к оружию после моих слов. И ещё одно притязание: они считают, что у них больше разума и он лучше, чем где бы то ни было. В чём можно согласиться, так это в том, что англичане думают больше и в думках их больше логичности, чем у умных людей на континенте. Но мне кажется, что обычно им не хватает некоторой деликатности и простодушия, и я думаю, что вы посчитаете их научные труды чересчур нагруженными научными рассуждениями. Впоследствии у меня будет случай эту тему рассмотреть подробнее. Перехожу к купцам.

Во многом, кажется, они отличны от других: у них нет ни французского рвения к обогащению, ни мещанской осторожности в торговле голландцев. У них богато меблированные дома и очень хороший стол. Никому не возбраняется хорошо угоститься у купца, если есть к тому желание, и, без сомнения, эта привычка к пышности принуждает их продавать дорого, что они и делают; привыкнув к большим расходам, они презирают мелочную прибыль. И вот что их больше всего отличает от других, так это то, что часто, накопив богатство, они отходят от торговли, становятся владельцами деревенских поместий, то есть, среди них есть люди, умеющие остановиться и наслаждаться плодами своих трудов. Получается, что таких много, так как совсем недавно появилась книга, в которой автор, сам купец, жалуется, что они повинны в ослаблении торговли.

У английских ремесленников хорошая репутация в мире и во многом обоснованная. Они великолепные часовщики, столяры, прекрасно делают сёдла и всякие инструменты и много чего другого, о чём сейчас не упомяну. Но кое в чём их напрасно хвалят, в этом немногом, например, в мелких изделиях из стали, чему они придают большое значение и что дорого продаётся. Вы нашли бы, что их закалка хороша, а в остальном вы бы в этих вещах нашли не очень уместно затраченную работу, которой не достаёт отделки. В общем, в этих изящных мелочах и уборах более любопытных, чем необходимых, французы их превосходят, и лучшие мастера в этих вещах парижские по происхождению. Причина малого искусства местных мастеров, по всей видимости, лежит в том, что англичане мало склонны к безделушкам и в легкости приобретения дорогой ценой этих вещиц. Большинство их судят о доброте вещи только по предложенной цене, вы легко поверите, что ремесленник, без труда удовлетворяющий такой спрос и легко на этом наживающийся, будет

мало заботиться о прилежании к ремеслу и никогда не достигнет совершенства.

Английских крестьян я знаю только с одной стороны. Я всех их вижу верхом, в шерстяных телогрейках, в плюшевых коротких штанах, в сапогах со шпорами и вечно скачущими галопом. Только возчики, печально трусящие рядом со своими телегами, обязаны уступать дорогу едущим крестьянам. Полагают, что английские крестьяне менее грубы и невежественны, чем у других народов. Народ здесь вообще хорошо одет, и это явный знак обеспеченности и довольства, так как костюмы для верховой езды в Англии надевают только после трапезы. Впрочем, простой народ не требует отдельного описания, так как во многом он походит на остальных: у него почти те же самые удовольствия, что и у знати, торговцев и духовенства, одни добродетели и одни пороки. Так как у последних нет особых преимуществ в образовании, простой народ равен им своим здравомыслием. Аристократия не особенно внушает им почтение, и они так мало принижены по отношению к ней, как я уже говорил, и он (простой народ) связан с ней только оказываемым ею добром. Вот что я хотел сказать вам на этот раз, а сейчас скажу несколько слово о женщинах.

Признаюсь, что красота англичанок не особенно меня трогает: все они белы и блондинки; но ничто не вдохновляет их прекрасные лица; я видел здесь сотню прекрасных женщин, но из них не найдется и десятка милых и привлекательных. Однако надо вам сказать, что есть мужчины, смотрящие на них иначе, для которых англичанки кажутся более привлекательными, чем красивыми. Что больше всего украшает англичанок, так это скромность, милая робость, которая заставляет их краснеть из-за пустяка и поминутно опускать глаза. У большинства прекрасная талия, чем они больше всего поражают. Находят, что у них весьма благородный вид; по росту они всякие, и высокие и низкие, и что немало — они богато одеваются. Некоторые считают, что им немного не хватает в груди и бёдрах, недостаток, который они частично приписывают узости одежд, от которой они начинают отказываться. Самым большим их недостатком, по-моему, является отсутствие заботы о зубах, тем более для них необходимой, что по обычаю страны, они едят много мяса и мало хлеба, еще другой плохой обычай, имеющий свои неприятные последствия. Жаль, что у англичанок нет такой привычки, а впрочем, они кажутся и есть чистюли. Любят они покрывать лицо мушками, в коих нет нужды и которые служат только для того, чтобы сойти за кокеток, которыми они не являются. Есть и женщины в возрасте, которые не покидают почти мушек, я даже видел мушки под очками одной старушки. Что до их нрава, то считают их мягкими, откровенными и простодушными; поначалу сдержанными, но по мере близости становящимися быст-

ро забавными и шутивными. Страсти их захватывают, и за исключением этого, они ленивы и привычны ничего не делать. Обычно в семьях среднего состояния мужа избавляют их от всякого труда, а аристократки не занимают себя трудами, если только они не при дворе, где королева – самая большая труженица своего королевства, может быть, она и введёт моду на труд. Отсюда и выходит, что женщины скучают, любят загадывать о будущем, легковёрны и жадны до предсказаний. Этот характер англичанок использовал знаменитый развратник своего времени и знаток женщин граф Рочестер. Этот царедворец, имея много свободного времени из-за временной немилости при дворе, переодевшись в шарлатана и назвавшись астрологом, поднялся на сцену театра, где похвалился, что у него есть надёжные тайные средства для улучшения цвета лица. Его замысел удался, как он и предвидел: красавицы понеслись к нему толпой, и говорят, что он поделился с некоторыми своими секретами и научил по-своему наслаждаться настоящим, не особенно затрудняясь будущим.

Я возвращаюсь к общему впечатлению об англичанах, и это, в большей степени, общие размышления, которых я вам гарантирую истинность только по отношению к впечатлениям, которые они сделали на меня. Мне кажется, что в обычном смысле у них есть великие добродетели и великие пороки, и довольно часто то и другое вместе: у них много здравого смысла, но он часто перемешан причудами и выходками разного сорта. Они великодушны, и необычно разные проявления этого великодушия ставят их как выше, так и ниже других народов. У многих есть воображение, но его пламя больше походит на пламя горящего каменного угля, в том, что в нём больше силы, чем света. Говорят мало, и почти всё, что они говорят, окрашено чувством. Они размышляют и узнают настоящую цену вещей своими собственными глазами, и осмеливаются судить о них, исходя из собственного понимания. Поскольку они обычно довольны своим положением, лишь бы оно было скольконибудь пристойно, они не делают больших усилий сделать его лучшим: мало англичан отправляются на поиски фортуны, и можно сказать к чести этого народа, многим это удаётся. Они пользуются тем, что у них есть, и живут согласно своим склонностям, порицаемые только тем, что эти склонности иногда не слишком красивы. Впрочем, они довольно разумны в своих расходах, чтобы стараться меньше казаться счастливыми, чем быть ими в самом деле. И, таким образом, во многих вещах видно, что их счастье зависит от них самих: они не утруждают себя суждениями других на их счёт и почти не обращают внимания на дела других людей. Они смело идут против обычая, каким бы установившимся он ни был, когда их рассуждение или склонность их удаляет от следования ему. Большинство пренебрегает манерами и благоволением

других, образуя свой ум; и в существенных вопросах жизни, как и других вещах, осмеливаются им пользоваться: и это нередкая вещь среди них — отказаться от должности и предпочесть вести жизнь частного человека вдали от почестей и блеска. Поскольку англичане наслаждаются жизнью лучше, чем в других местах, можно сказать, что они легче насыщаются ею и прощаются с нею с меньшими страданиями. Вот каков достойный англичанин, или англичанин, когда он не взволнован чем-либо: эта смесь лени и здравого смысла создаёт ему завидный характер.

Есть, однако, случаи, когда кажется, что лень господствует над ним: он ненавидит трудности и работы, он несчастен, когда погружён в них, долгие занятия его отвращают, и он скорее попытался бы избавиться от них как от вынужденных страданий. В том, что его не касается, он легковверен, и, чтобы избавиться от труда рассмотреть вопрос, он легко верит тому, что ему сообщают. Именно от этого, думаю, так часто говорят здесь о явлениях духов. У меня в продолжение моих писем будет место отметить несколько черт английской лени, как и найдется место для оценки их здравого смысла. Когда они его теряют, что с ними иногда происходит, они сильно от него удаляются, и тогда они самые неразумные из людей: бурные в своих желаниях, нетерпимые к неудачам, мало способные к исправлению дела, бешеные в гневе до такой степени, что бьют себя кулаками в лицо, что случается с ними и при самых малых поводах для печали, а при самых серьезных приходят к самым жестоким результатам. Одним словом, как во зле, так и в добре англичане, мне кажется, предаются крайностям.

В религиозных вопросах вы сказали бы, что каждый англичанин решился иметь какую-нибудь веру, по крайней мере, по его нраву, или не иметь никакой, и что их страна, в отличие от всех остальных, лишена лицемеров. Если это совсем не так, по меньшей мере, число профессиональных вольнодумцев в ней больше, чем в других местах, это не должно служить к бесчестию этого народа, поскольку те, кто был бы в других местах лицемером, вольнодумцы в Англии; и уже давно установлено, какой род из двух хуже. В этой стране есть довольно фанатиков, или лиц так называемых, что является сильным доказательством, что англичане принимают решения и принимают серьезно. Среди этих последних есть последователи совершенно экстравагантных религий. С другой стороны, в Англии, я думаю, много людей, благочестие которых крепко и разумно: это выражается числом хороших благочестивых книг: без сомнения, они идут к нам от простых добрых людей; в них содержится слишком простое и слишком здоровое нравоучение, чтобы быть сочинениями учёных людей, кроме этого есть книги, имеющие всеобщее одоб-

рение, но, тем не менее, авторы их остаются неизвестными, что ещё дальше от цели, которую предлагают себе учёные.

Англичане довольно хорошо переносят величие титулов и, кажется, почти об этом не беспокоятся; никогда, думаю я, не было слышно таких фраз: *человек моего высокого достоинства! персона моего ранга!* Точно также сносят чужое богатство; им почти не случается некстати парадировать своими расходами: никогда ни один англичанин не утомлял меня рассказами о своём экипаже, свите и прислуге. Всегда у них хороший стол, и это первое, о чём они заботятся, и последнее, в чём себя ограничивают. После стола следует любовница, на которую они не щадят расходов. Если их недостаточно, чтобы показать, что скупость не английский порок, они охотно ударяются в противоположную крайность, и вот тут-то добавьте очень модные у них и преуспевающие врачи, адвокаты, астрологи. Прибавьте к этому расходы на причуды моды, на памятники и похоронные процессии, где тратятся огромные суммы. На последних, как мне здесь сказали, можно среди прочего увидеть профессиональных плакальщиц, которые, кажется, были бы больше у места в античные времена, так как англичане не очень печалются в трауре, но поскольку церемония требует, то и позволительно на ней показать фальсификацию горести. Мне говорили, что англичане несколько жестковаты в чувствах, если у них это не чрезвычайно страсть, и тогда уж они впадают в совершенную противоположность.

В числе недостатков их сильная переменчивость характера, есть предположение, что этому виной погода, которая, часто переменяясь, вовлекает в перемены и английский характер. Что до меня, я уверен, что они кажутся мне более переменчивыми, чем остальные народы только тем, что менее себя принуждают и осмеливаются показать себя такими, какие они есть – ленивыми и отважными. Если хотят сказать, что они меняют свое отношение к своим правителям, это может быть от того, что правители их, будучи ограничены предписанными границами, меняют своё поведение и этим заставляют и подданных менять своё; в этом иногда есть здравый смысл. Ещё одно доказательство, что англичане не так легко меняются, как это воображается, то, что советы не имеют над ними никакой власти, если уж они на что-либо решились. Они быстро решаются и так же быстро выполняют свое решение: это видно по числу самоубийств и заключённых неравных браков. Эта резкая решительность так хорошо подходит к характеру народа, что известны обеты девушек выйти замуж за первого встречного, что они и выполняют в самом деле. В этом видится некий остаток дикости былого их характера. Впрочем, мне кажется, что они сохраняют кое-что из характера подчиненных ими народов: пьют они, как саксы, любят охоту как датчане, от норманнов у них осталось ябедничество и лже-свидетельствование, от римлян сохранили они склонность к кровавым зрелищам и презрение к смерти, если вы не хотели бы считать эти две вещи

как следствие их собственных естественных склонностей. У них обнаруживаются такие черты характера, которые кажутся противоречивыми в себе: они одновременно и благотворительны, и жестокосерды; хотя они и с ленцой в действиях, но двигаются они быстро. Они слишком презирают иностранцев, но иногда слишком ими восхищаются. Можно предположить их всех вольнодумцами или ханжами; однако они всегда готовы воевать за какую-либо пустяковую церемонию в религиозном культе, что не подходит ни ханжам, ни вольнодумцам. Вы найдёте здесь многие противоположности, которые в глубине своей не должны вас удивлять: они значат, что это такие люди, какими я вам их описываю. Прощайте, сударь, и знайте, что я всегда Ваш.

/Muralt, Beat Louis de (1665 – 1749) Les Lettres sur les Anglais et les Français (1725). Berne – Paris, 1897. pp. 1-21/.

Перевод с французского Николая Епишкина

КРИСТИН ЭЙРИКСДОТТИР (род. в 1981 г.)

В 2005 г. окончила художественный факультет Исландского института искусств. Первая книга стихов вышла в 2004 г., первый роман – в 2012 г. В 2018 г. удостоена Исландской литературной премии за роман «Элин, разное» (Elín, ýmislegt, 2017). Рассказ «Человеческие пустоты» (Holur í menn) взят из сборника «Дорис умирает» (Doris deyr, 2010).

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ ПУСТОТЫ

Воскресные дни отец проводил тихо. Одетый в яркий тренировочный костюм, он сидел весь день дома, слушал пластинки, читал научную фантастику или журналы о технике и не хотел, чтобы мы его беспокоили. Мне больше всего запомнились его волосы, он красил их в чёрный цвет и по утрам расчёсывал с пенкой и гелем. «Чёрный как смоль», – приговаривал он себе под нос, поглаживая рукой блестящий загривок. Кожа у него была бледная и дряблая, словно он питался одними меренгами.

В то воскресенье мамы с братом не было дома. Отец сидел в гостиной в своем тренировочном костюме, непричесанный, крутил пластинки и листал журналы. Я в пустой комнатной нише играла с пуговицами из продолговатой жестяной коробки с нарисованной на крышке египетской мумией. Неожиданно он окликнул меня:

– Пошли во двор!

На дворе было лето, ярко зеленела свежескошенная трава, распылитель кругами разбрызгивал по ней воду, а забор поблескивал новенькой краской. На парковочных дорожках между домами ребяташки в шлемах гоняли на велосипедах ВМХ. Отец заглянул в гараж, вынес оттуда лопату и принялся прямо посередине двора копать яму.

– Мы что, зароем здесь клад? – спросила я, немного опасаясь за свою пуговичную коллекцию, но отец ничего не ответил.

– Смотри, как я копаю, – сказал он спустя некоторое время, захватившись и с трудом переводя дыхание.

И я стояла и смотрела, как он все глубже и глубже опускался в яму, как мелькала лопата, как вылетали комья земли.

Я была в растерянности, не понимала, чего он хотел, что мы тут собираемся закапывать и почему. Когда яма в глубину сравнялась с его ростом, а куча выброшенной из неё земли уже была ростом с меня, отец вылез на поверхность. По груди его бежали струйки пота, лицо покраснело, и он, борясь с одышкой, сказал, что теперь я должна эту яму закопать.

– Но, папа? – удивилась я. – Ведь в неё нужно сначала что-то положить?

Он отрицательно тряхнул головой и сложил на груди руки, а я молча принялась за работу. «И зачем закапывать пустую яму? – думала я. – Ведь в ней кроме земли и червяков ничего нет».

Рыхлой земле потребовалось больше места, чем слежавшейся, и когда я закончила, посреди двора остался торчать солидный холм. После этого мы опять зашли в дом, отец уселся за свои журналы, а я вернулась к пуговичным боям.

На следующий день отец пропал. Хотя о пропаже никто даже и не догадывался до самого вечера, пока мама не позвонила его коллеге. Оказалось, что отец в тот день на работе не появлялся. Мы бросились на поиски – сначала искали отца, а много позже – доказательства его исчезновения.

В вечер пропажи кто-то перекопал весь наш двор, я это точно помню – вся трава была изрыта. Также искали по заболоченному пустырю на краю нашего участка. Искали ночью, подсвечивая себе фонарями и фонариками, а я стояла и смотрела на них из окна моей комнаты. Никто не выкрикивал его имени, и это выглядело странно: все эти мерцающие огни и – тишина...

Месяц спустя после его исчезновения мы наткнулись на первое доказательство. Его нашел мой брат. Не знаю, с чего ему вдруг вздумалось засунуть палец в старую трубу под раковиной, может, у него появилось какое-то предчувствие, а может, раковина была забита, но так или иначе, он сунул палец в резиновую трубку, которой уже давно ни-

кто не пользовался, и она висела там – дырявая, отвратительная и никому не нужная. Доказательством оказалась крохотная шкатулка, которую отец купил, еще будучи подростком, когда он с дедушкой и бабушкой ездил в Марокко. Шкатулка была размером с пробку от бутылки из-под кока-колы – из тонкостенного отшлифованного дерева. Картинка на крышке стёрлась, и никто не смог разобрать, что там изначально было нарисовано. Когда брат открыл шкатулку, в ней оказался клочочек бумаги. На клочке рукой отца неуклюжими печатными буквами было написано единственное слово: «ОТРАВА».

Мама заплакала. Вообще-то она уже не плакала так много, как сразу после его исчезновения, но, увидев шкатулку, она задернула все шторы, заперлась в своей комнате, и оттуда понеслись тягучие стоны, от которых нам с братом стало не по себе. Мы сидели на качелях неподалеку от дома и изучали отцовскую записку: рассматривали ее на свет, подняв к солнцу – может, он написал там что-то невидимыми чернилами? Но на бумажке виднелось только одно это слово: «ОТРАВА».

Брату тогда исполнилось десять лет. После всего случившегося он очень изменился, перестал меня дразнить, чему я была бесконечно рада, но в то же время я скучала по его улыбке, по его дурацким шуточкам. Теперь он был всегда серьёзен, как будто притворялся взрослым, и когда я дурачилась и приставала к нему, он не злился, а только тихим голосом просил, чтобы я отстала и оставила его в покое.

– Может, папа отравился? – проговорил он, побледнев, а я затрясла головой:

– Нет, он в лодке поплыл через Бермудский треугольник, попал в зыбучие пески, и его съели пираньи!

Брат вскочил с качели, больно шлепнул меня по лицу, отвернулся и быстро зашагал к дому. Тут мне уже окончательно разонравилось все это уныние вокруг отцовского исчезновения. С тех пор, как он пропал, дома царил постоянный мрак, и даже играть было нельзя.

Доказательство номер два нашла я. Брат даже обиделся на меня за это – уж он-то искал повсюду, но ничего не нашёл. А я просто полезла в шкаф в поисках варенья для бутерброда и заметила там за суповыми пакетами и пустыми банками приклеенный к задней стенке кусок широкого скотча. Скотч был под цвет шкафа, и я оторвала его, подцепив ногтем. За скотчем открылось небольшое углубление размером с наперсток. Запихав в него палец, я нащупала и выковыряла оттуда какой-то комочек.

Прокравшись с находкой в свою комнату, я положила ее на стол и достала лупу, которую, кстати, когда-то стащила из отцовского кабинета. На первый взгляд, найденный комочек выглядел, как обыкновенная козявка, я направила на него свет лампы и поднесла к глазам лупу.

Внутри «козявки», оказавшейся кусочком застывшего клея, было что-то спрятано. Я поскребла налет клея, и у меня между пальцев оказался маленький твердый шарик. Через увеличительное стекло я могла рассмотреть, что шарик был раскрашен в разные цвета – голубой, зеленый, белый, коричневый... Это был крошечный глобус. «Отрава... Земля...» – думала я и ничего не понимала.

Когда домой пришел брат, я показала ему свою находку. Изучив шарик через лупу и с недоверием посмотрев на меня, он решил обидеться. На следующий день, когда он оправился от обиды, мы положили глобус в марокканскую шкатулку и брат, снова побледнев, спросил:

– Может, папа уехал в Марокко и там отравился?

На этот раз я предпочла промолчать.

Все найденные нами доказательства мы сложили в коробку от обуви, а коробку спрятали в шкафу у брата, на самой верхней полке – за скатертями и швейными принадлежностями, которые хранила там мама. Маме мы ничего не сказали, мы вообще никому ничего не сказали. Мы решили, что это будет нашим с братом секретом до тех пор, пока мы не соберем достаточно доказательств, чтобы понять, что же всё-таки случилось с нашим отцом. Мы решили, что без доказательств никто не примет нас всерьёз, во всяком случае, брат сказал, что не примут.

– Никто не знает, что у папы было на уме! – сказал он, и мне подумалось: «А действительно, что у него было на уме?»

До своего исчезновения отец чаще всего бывал на работе. Работал он в большой коллекторской компании, домой приходил уставшим, и тогда мы с братом должны были сидеть смирно и помалкивать. Если мы забывались, шумели или начинали драться, он злился, повышал голос, хлопал дверями. Однажды он залепил брату затрещину – как бы походя, без задней мысли, а брат обиделся и заперся в ванной. Я стояла под дверью, тихонько скреблась в неё, но понятия не имела, что нужно сказать. Я просто знала, что брату плохо, а когда ему бывало плохо, то почему-то было плохо и мне.

Обычно между нашими находками проходило немало времени, но иногда доказательства обнаруживались по несколько штук сразу, одна за другой. В последующие годы мы то и дело натыкались на них – в разных щелях, трещинах, складках мебельной обшивки. Последняя была тоже приклеена скотчем, только не в шкафу, а внутри старого абажура, который я раскопала в нашем гараже. Я отодрала скотч, и на колени мне упала фотография. Она была сделана у озера Тингватлатн, на одной из дач, которые снимала для своих работников коллекторская компания отца. На фотографии, на веранде дачи, сощурился на солнце глаза и отбрасывая позади себя четкую тень, стояли мама и брат. Брат был в одних трусиках и, выпятив вперед детский животик, прижимал к нему

плюшевого мишку, а мама была одета в блекло-розовый сарафан – стройная, длинные волосы жгутом затянуты на затылке, выбившиеся светлые локоны спадают на лоб. У мамы было измученное лицо. Мне стало грустно – она словно исчезала на этой фотографии, и я почувствовала укол совести. С нами часто бывало непросто, и мама всегда выглядела уставшей, как будто у неё не было сил ни воспитывать, ни наказывать, ни приучать нас к дисциплине.

Я опять пошарила внутри абажура, и рука наткнулась еще на одно фото. Сначала я не могла понять, что на нём было, но потом до меня дошло, что там была запечатлена я, еще младенцем, лежащая в детской кроватке, но папа обвел мое тело по контуру и закрасил белым тикпексом. Я перевернула фотографию, и на обратной стороне все тем же тикпексом, белым по белому, было написано: «ОТРАВА». Как вдруг это слово развернулось у меня в голове и, выстроившись в обратном порядке, превратилось в мое собственное полное имя: **АВА Рут ТОрстейндоттир. ОТ РАВА!** Мое имя!

Прошло несколько дней, прежде чем я решила показать это брату. Как-то вечером он пришёл домой с репетиции в прекрасном расположении духа и, бодро насвистывая, намазывал себе бутерброд. Когда же он со своим бутербродом уселся за стол, я выложила перед ним найденные мной фотографии. Брат повертел их и так и сяк и бросил обратно на стол. Я снова почувствовала укол совести, но теперь за то, что испортила ему настроение.

– Видишь? – сказала я. – Это мое имя: ОТРАВА!

Брат поднял на меня глаза:

– Забудь! – сказал он. – Этот гад бросил нас! Он наверняка пьянствует в каком-нибудь Таиланде, и ему на нас наплевать! Да пошел он!

Много лет спустя после этого разговора я стояла в гостиной и кухонным ножом угрожала своему хахалю. Пинком выбив из моей руки нож, он сгреб меня в охапку и швырнул через всю комнату. Я приземлилась на журнальный столик, тот развалился, стоявшие на столике стаканы и бутылки с грохотом разлетелись в стороны, а соседи вызвали полицию. Она прибыла через четверть часа, я лежала вся в крови, а мой благоверный полотенцем забинтовывал свою развороченную лодыжку.

Пока полицейские решали, что с нами делать, один из них сунулся в шкаф на кухне и обнаружил там склад кетамина, который мы передерживали для отсиживающего срок приятеля. Нас арестовали, хахалю засудили, а меня было решено отправить в рехаб, и вот уже несколько месяцев, как я не притрагиваюсь к спиртному.

Социалка любезно предложила мне скидку на услуги психотерапевта, и я стала ходить к нему раз в неделю. В первый мой визит я расплакалась, еще не дойдя до кабинета, и сначала на приёмах мало что де-

лала, только выхлипывала из себя бессвязные предложения и сморкалась в салфетки, сочувственно пододвигаемые мне терапевтшей. Она очень интересовалась моим отцом, доказательствами, братом и мамой, и я изо всех сил старалась рассказать ей всё, что помнила.

К бутылке я начала прикладываться в тринадцать лет, и с тех пор со мной случилось немало безобразного. По словам терапевтши, когда я отключилась от наркоты и алкоголя, у меня как бы случилось потрясение, и я потеряла всякий интерес к жизни. Мне казалось, что я ничего не могу и ничего не умею. Когда терапевтша попросила подумать и найти хоть что-нибудь, чем я могла бы заняться, мне ничего не пришло в голову, кроме того, что я могла бы стать неплохой проституткой – я умела дать мужикам почувствовать, что они чего-то стоят. Терапевтша на это ничего не ответила, только почиркала что-то в своем блокноте и продолжала расспрашивать об отце. Она была буквально помешана на нём, будто корень всех моих бед таился именно в его исчезновении.

Мало-помалу я начала приходить в себя и с легкой руки терапевтши занялась фотографией. Она сказала, что у меня красочный язык и своеобразный взгляд на мир, и посоветовала приобрести фотоаппарат. Это был дельный совет: у меня оказалось действительно неплохое чутьё на свет и цвет.

Я опять начала общаться с братом – в последние годы связь между нами практически прервалась. Теперь он жил в Дании, у него была жена и дети, а занимался он компьютерным дизайном. В отличие от меня, брат был целеустремлённым, ответственным и прилежным в учебе.

По прошествии двух лет моей трезвой жизни он убедил меня подать документы в школу фотографии в Копенгагене. Меня приняли, и я переехала к брату, ходила на занятия, а в свободное время нянчила маленьких племянников.

Мама приезжала к нам в гости всё чаще и чаще, пока наконец не сняла маленькую квартирку неподалёку от брата. Вся семья опять была в сборе. Мы никогда не говорили об отце. Хотя со времени его исчезновения прошло немало времени, нам до сих пор было трудно озвучить эту зияющую, ничем не заполненную пустоту.

А нашла отца я. Встреча эта оказалась такой же необъяснимой, как и наши детские побуждения вдруг ни с того ни с чего засунуть палец в какую-нибудь щёлку и нащупать то, что он оставил после себя – какое-нибудь слово или, например, статуэтку верблюда величиной с рисовое зернышко. Верблюд стоял наполовину утопленный в кусочек канцелярской жвачки, прилепленной под одним из кухонных стульев. Я наткнулась на него, когда подтаскивала стул к столу – через целых пять лет после его исчезновения!

Так вот, в тот день я прогуливалась по набережной и фотографировала. В порту с большого судна разгружали контейнеры, и на одном из контейнеров был нарисован верблюд. Само же судно было помечено надписью: «Касабланка, Марокко». Я сфотографировала контейнер, даже не вспомнив ни о марокканской шкатулке, ни о «рисовом» верблюде, но потом увидела, как работавшие на разгрузке люди стали открывать контейнер, а открыв, отпрянули назад, зажав руками носы. Я подошла поближе и тоже почувствовала смрад. Тело пролежало в контейнере много недель – тело моего отца, я поняла это в ту же минуту.

Грузчики, борясь с приступами тошноты, столпились возле контейнера, а я, задержав дыхание, шагнула внутрь. Никто даже не попытался меня остановить: все были слишком удивлены, чтобы отреагировать. Контейнер внутри был отделан под жилище, в нем было полно всякого барахла, банок, упаковок от еды, пустых бутылок и мусора. Стены были увешаны картинками с обнаженными женщинами и вырезками из журналов со всех концов света. Отец лежал на матрасе в углу контейнера, лицо его разложилось, а тело кишело червями.

Хоронили отца в Копенгагене, нам хотелось как можно скорее предать его земле, чтобы он смог спокойно там догнить. Когда я провожала глазами опускавшийся в могилу гроб, что-то щёлкнуло у меня в голове, и я вспомнила день, предшествовавший его исчезновению – тот, когда он позвал меня с собой во двор копать яму. Те события совершенно стерлись у меня из памяти, и теперь, когда я вспомнила о них, я уже не была уверена, что это было на самом деле. Мама плакала, а мы с братом, поддерживая ее под руки, стояли без слёз, рассеянно внимая голосу священника.

Несколько дней спустя мы отправились осмотреть контейнер. В расставленных вдоль стен картонных коробках были уложены заботливо завернутые в газеты и пересыпанные опилками сувениры. Среди них была высушенная человеческая голова и слоновый бивень из Африки, статуэтки инков из Перу, японские куклы гейши и ещё куча разных вещей, о происхождении которых мы понятия не имели. И мы не знали, занимался ли отец перепродажей всех этих вещей или собирал их просто для собственного удовольствия.

Рядом с матрасом была навалена груда тетрадок. Они были сплошь исписаны его попытками сочинить что-то типа автобиографического романа. Тетрадки были пронумерованы от 1 до 100, некоторые главы отец переписывал снова и снова – все теми же неуклюжими печатными буквами.

Роман назывался «Свобода». В нем рассказывалось о человеке, вырвавшемся из серой, скучной обыденности и отправившемся путешествовать по миру. Повествование велось с упором на мужское велико-

фортом, в некоторых отношениях менее опасна, чем семейное счастье, не одухотворённое высокой целью. Христианство не признаёт существование, которое протекает среди штор, ковров, кушеток, вдали от трудов и забот внешнего мира. Христианство – это служение, пастырство. Сказать, что вы верите в эту идею – ничего не значит. Принимаете ли вы служение, занимаетесь ли пастырством? Ответ может быть только «Да» или «Нет».

Фрэнк Смит обедал пару раз в очаровательном небольшом домике на Кенсингтон стрит, где проживали его брат с женой. Нужно отдать Гилберту справедливость, он был приветлив с Фрэнком и желал, чтобы тот был так же счастлив и доволен жизнью, как и он сам. Но Фрэнк не мог не видеть, что он был лишним, и поэтому он стал придумывать разные отговорки, чтобы не бывать у них.

Он хотел узнать, где живёт мисс Филд, но был слишком горд, чтобы наводить справки о ней. Тем не менее, Фрэнк стал чаще, чем прежде, бывать у своей тетушки. Однажды в холодный весенний день он застал её, как обычно, в богато обставленной небольшой гостиной за столиком, пододвинутым к камину, – на носу поблёскивали золотые очки, и что-то ещё блестело в её ясных серых глазах.

«Мой дорогой Фрэнк!» – воскликнула мисс Смит и, взглянув на него, шмыгнула носом. Затем взяла в руки письмо, попыталась что-то сказать, но не смогла.

«Что случилось тётушка?» – ошеломлённо спросил Фрэнк, не привыкший видеть её столь взволнованной. Она протянула ему письмо, и он прочитал:

Бонмаус, 18 февраля

ДОРОГАЯ МИСС СМИТ,

«Ваша записка нашла меня здесь. Я рада, что Вы меня не забыли, хотя нам больше не суждено встретиться в этом мире. Я умираю. Пусть это Вас не шокирует. Я не страдаю, во всяком случае, не сильно и с радостью обрету покой. Назад возврата нет, возможно, и потому, что мне было очень трудно примириться с реальностью – необходимостью расстаться с жизнью и принять безвременную смерть. Мне пришлось бороться одной. Теперь, когда финал уже близок, со мной рядом мать и сестра. Они останутся подле меня до конца. Здесь неподалёку находится тихий погост с поросшими травой надгробиями под сенью деревьев, которые выглядят так мирно – настоящее место для вечного упокоения. Родные похоронят

меня там. Не знаю, побываете ли вы когда-нибудь в этом месте. Работу, которую я избрала для себя, пришлось оставить несколько месяцев назад. У Создателя на меня оказались свои планы. Я думала, что смогу готовить к жизни других, но Он призывает меня приготовиться к смерти. Всё легко, когда встречаешь Его волю простым «Да», будь то жизнь или смерть. Надеюсь когда-либо встретиться с Вами в Его пределах.

Любящая Вас,

ГИАЦИНТ ФИЛД

Как долго он читал это письмо, Фрэнк не знал. Возможно, прошли мгновения, часы, вечность. Он ничего не сказал, не закричал, не пошевелился, только выпрямился, его румяное лицо немного побледнело, пульс учащённо бился. Наконец, собрав всю свою волю в кулак, Фрэнк встал. Он почувствовал, как будто вокруг него поднимались волны, они подступали к его груди, губам и в следующее мгновение они уже сомкнутся над ним, а он будет лежать мёртвым на дне. Фрэнк не стал, он не мог говорить об этом. Через какое-то время он взял письмо, сложил его, как если бы оно принадлежало лично ему и, автоматически произнеся какие-то банальности, вышел.

В тот же вечер письмо было возвращено мисс Смит. Оно было вложено в другое, в котором Фрэнк просил тётю объяснить родным причину своего отсутствия. Он отправился к ней.

Мисс Смит выполнила его просьбу – отправила оба письма матери Фрэнка и объяснила Гилберту причину отсутствия брата. Мать тихонько всплакнула, не в силах удержаться от сочувствия, остальные, чтобы они не думали про себя, промолчали. Неизменная враждебность семьи уступила место обычным человеческим чувствам. Когда Этель упомянула о том, что Гиацинт может ещё поправиться, никто не ответил. Больше они этой темы не касались.

Фрэнка встретила мать Гиацинт, и встретила очень настороженно, когда она услышала его признание в том, что он любит её дочь.

«Она ничего мне не об этом не говорила, хотя я слышала о Вас. Думаю, что она бы мне сказала», – усомнилась мать.

«Ей было нечего рассказывать», – ответил он. – Но пусть она сама решит».

«Не беспокойте её, – взмолилась измученная страданием женщина. – Лучше Вам вообще не видеть её».

«Пусть она решит сама», – настаивал Фрэнк.

И Гиацинт приняла решение. Отблеска радости, осветившего её лицо, когда ей сказали о приходе Фрэнка, было достаточно. Мать и сестра отступили, они вышли из комнаты и оставили их наедине.

Гиацинт лежала в постели. Как она была прекрасна! Невозможно было поверить, что она действительно умирала. Глаза её блестели, на щеках играл румянец, в ней ощущалось какое-то счастливое оживление. Первая мысль Фрэнка, как только он увидел её, была: «Она не умрёт». Знаки, что он воспринял, как признаки жизни, на самом деле говорили о смерти. Это был огонь, который изнурял её тело днём и пожирал ночью. И всё же, как это часто бывает с теми, кто умирает молодым, внешне смерть не демонстрировала своё безобразное обличие. Она почти не причиняла Гиацинт боли, в ней не было ничего отталкивающего. Земные заботы тоже отступили. Они в любом случае должны были оставить девушку перед лицом божественного Отца. Может не оказаться куска хлеба насущного, но неизбежное – свершится обязательно. Семья, где Гиацинт работала и получила свою смертельную болезнь, настаивала на том, чтобы девушка была обеспечена всеми удобствами и окружена возможной роскошью.

Болезнь случилась по вине одного из её учеников, который настаивал на том, чтобы во время занятия было открыто окно. На дворе стояла осень, и Гиацинт, уставшая и разгорячённая от долгого пути, буквально дрожала от холода, но она напрасно жаловалась. Простудившись, она начала кашлять, потом приключилась изматывающая лихорадка.

Погода становилась все хуже, но в начале сезона Гиацинт не могла оставить работу, чтобы подлечиться – в результате, болезнь сказалась на её лёгких. Такова была короткая печальная история, которую выслушал Фрэнк, терзаемый необъяснимыми чувствами.

Условия Фрэнка были приняты. С этого момента он должен был находиться при Гиацинт неотлучно, времени оставалось совсем мало, и оно, освящённое любовью и смертью, было бесценно вдвойне. Гиацинт не препятствовала выражению его любви. Всевышний дал ей вкусить самые сладкие и бесценные минуты в конце жизни. Уступив, тем не менее, она достигла высшей степени смирения. Гиацинт не стала бы отрекаться от слов «Да будет воля твоя», чтобы вернуть себе жизнь.

Что до Фрэнка, по мере того, как он, сидя подле неё и всё больше узнавая о её внутреннем мире, казалось, окидывал взглядом всю свою прежнюю жизнь, чувствовал, что он как будто находился в другом измерении, отражающем реальную действительность. Не то, чтобы у него теперь появились другие суждения, но он стал смотреть на вещи по-другому. Было уже невозможно и далее участвовать в этом параде тще-

славия, купаясь в удовольствиях жизни. Всё что угодно было лучше, чем это – труд, боль, печаль – всё, только не этот полнейший эгоизм.

Он рассказал Гиацинт всё о своей любви к ней, как он планировал завоевать её, как он трудился для достижения этой цели и как мало работа теперь его заботила.

«Не говори так, – прошептала она. – Ты призван трудиться и исполнить волю Творца».

«Но я не слышал никакого призыва».

«Ты не обращал на это внимания. Все люди призваны исполнить волю божью в этом мире. Христианский призыв – высшего свойства. Христос сказал: «Мой Отец работал и я работаю». Я выполнил работу, которую ты поручил мне».

«Но он ничего мне не поручал, – сказал Френк. – Моя жизнь лишена всякой цели – вот на что я жалуюсь».

«Перед тобой стоит высшая цель – стать товарищем господа».

Объединённые вместе столь странно, эти двое лишь слегка коснулись этой темы. Даже между ними в отношении того, что касалось религиозного Духа, была некая скрытность, за которой таилось нечто большее. Если понимать это буквально – жизнь каждого из смертных является священной. Нет ничего банального или грязного: любовь, касается ли это влюблённых, или друзей, или родных и близких – является священной. То же в отношении печалей и ежедневных тягот и трудов. Но в отношении божественного Духа есть нечто ещё более святое, святая святых, что можно увидеть только по ту сторону занавеса – в ином мире.

Однажды утром Фрэнк пришёл как обычно, но уже не застал Гиацинт в живых. Он проводил её в последний путь гораздо спокойнее, по сравнению с тем, что испытывал, когда в ней ещё теплилась жизнь. В последнее время Гиацинт сильно страдала, а теперь она, наконец, обрела покой. Она никогда не выглядела столь красивой, чистой, непорочной в этом состоянии совершенного покоя, как цветок, имя которого она носила.

Вскоре после похорон Фрэнк вернулся домой в лоно семьи. Никто из близких не говорил о его отсутствии и послужившей тому причине. Отец Фрэнка был очень упрямым человеком, он всё еще чувствовал себя оскорблённым, потому что сын не выказал должной покорности его воле. Но это длилось недолго, скоро он был совершенно обезоружен. Вместо того чтобы, как он предполагал, вынашивать свои обиды, Фрэнк стал проявлять почтительное уважение по отношению к желаниям отца и какое-то новое, бескорыстное и внимательное, отношение к остальным. Вместо того чтобы забросить учёбу и отправиться на край света, куда глаза глядят, он стал еще более вдумчиво и серьёзно относиться к

избранному им поприщу – изучению государственного права и если порой это занятие наводило скуку и не приносило дохода, он, бывало, говорил себе: «Ничего страшного – это работа и работа, которую кто-то должен выполнять, если она важна для общества». Подсознательно Фрэнк Смит на практике познавал смысл сказанного в писании: «Если кто-то следует моей воле, он должен знать, что она является волей божьей, тот, кто начал трудиться, обретёт покой и радость веры».

Какое-то время Фрэнк избегал бывать в обществе, но никто, кроме его семьи не знал тому причины; эта информация не стала достоянием света, потому что та, кого он оплакивал, не принадлежала к их кругу. Но спустя время он стал появляться на людях. Друзья радовались его возвращению к нормальной жизни. Но вскоре он был разоблачён. Фрэнк мог появиться в танцевальном зале, где звучала музыка и кружились пары, но старался спрятаться где-то в укромном уголке, где он убеждал кого-нибудь из своих знакомых в том, что нужно что-то делать и делать что-либо стоящее в жизни. Он призывал перестать прожигать жизнь и начать помогать трудящимся, стремился найти единомышленников. Одни смеялись над ним и продолжали танцевать, другие называли его занудой, но некоторые прислушивались к его доводам и были готовы последовать за ним. На самом деле, таких было немало, так как Фрэнк обладал редким обаянием и вызывал симпатию. Он даже начал испытывать сочувствие к мисс Оливер, увидев в её экстравагантных выходках ложно понятый протест против пустоты, праздности, убогости, которые были женским уделом, он усмотрел неявно выраженное стремление участвовать в созидательном труде, стремление к высокому долгу, к настоящей и более благородной жизни.

Прошло несколько лет, и в жизни героев нашей истории произошли изменения. Гилберт Смит добился успеха, на который он даже и не рассчитывал. Поворот в политических событиях, для него оказался благоприятным и его таланты – находчивость, уравновешенность, уступчивость, неутомимое трудолюбие – располагали к себе и как раз оказались востребованными. За эти годы он добился всего, о чём мечтал – положения в обществе, благоволения к нему власть имущих, а с этим Гилберт получил и то, о чём заботился больше всего – деньги. Деньги были девизом, философским камнем его существования.

В общем, Гилберт Смит много зарабатывал и много тратил. Он имел солидные накопления. Раньше в глубине души он часто завидовал праву Фрэнка на наследство отца. Теперь зависть его больше не терзала. Когда-нибудь он купит землю и передаст своему сыну гораздо большее состояние, чем у его отца. Его родитель всегда стремился иметь деньги, они сами плыли ему в руки, но он не знал, как правильно ими распорядиться.

Гилберт был так же счастлив и в браке, по крайней мере, он так считал. Этель была именно той, о ком он мечтал, правда, его притязания были невелики. Она исполняла свой долг в том, что касалось туалетов и званых обедов, вращалась в свете ровно столько, сколько требовало положение мужа в обществе, но не более того. Для неё и это было слишком утомительно и отнимало много сил и времени. Чтобы соответствовать своему статусу, ей необходимо было вести праздный образ жизни, проводя полдня, лёжа на диване с книгой в руках, в это время никому не позволялось её беспокоить. У них были дети, но видела она их редко. Они, как правило, находились наверху, в дальней комнате, чтобы детский плач не мог её потревожить. Ребёнок плакал, когда он оставался именно с ней, плакал, потому что хотел вернуться к своей молоденькой няне; на редкость печальное зрелище! А маленькая дочь застенчиво усаживалась поближе к ней в гостиной, вела себя безукоризненно под строгим взглядом старшей няни с одутловатым лицом, при которой она боялась испачкать даже пальчик.

Разрыв между братьями увеличивался и обещал стать еще больше, так как Фрэнк сообщил, что он не женится ни на ком другом, кроме Эллен Филд, сестре покойной Гиацинт. Всё это время Фрэнк не порывал с Филдами и это, в конце концов, закончилось тем, что Эллен расположила его к себе своим дружелюбием, мягким и искренним характером. В сердце Фрэнка зародилась любовь, которую скрепляла нежная верность памяти Гиацинт. Когда Фрэнк сообщил Гилберту о своём намерении жениться, тот уступил, не желая тратить время даже на увещевания.

Отец тоже был недоволен, но он и вовсе ничего не сказал по этому поводу. Мистер Смит переживал кризис, над ним нависла угроза банкротства. Он никогда не был богатым человеком, но стремился к этому. Скопив небольшие сбережения, он рискнул и выиграл. Но там, где большой выигрыш, должен быть и большой проигрыш. Если есть победители, то должны быть и проигравшие, ведь если никто не работает, то и богатству взяться неоткуда. Мистер Смит занял деньги, чтобы получить ещё больше, и потерял всё. Ему грозил суд по делам о банкротстве, а эта перспектива была не из приятных. Мистер Смит был по своему благородным человеком и понимал, что это испытание не для него.

В конце концов, он пригласил сыновей на семейный совет по поводу своих финансовых дел. Было очевидно, что он возлагал свои надежды на Гилберта, а не на Фрэнка. Но Гилберт ничего не стал предпринимать. Эта ситуация его ужасно раздражала, но бесчестие отца не имело к нему отношения. Родственников не выбирают и скоро об этом позабудут. Да и суд по делам о банкротстве спишет всю сумму долга, на этом дело и закончится.

Фрэнк высказался против. Должен же быть какой-то другой выход: возможно, ограничение права на распоряжение собственностью, что позволит полностью погасить долги отца. Это был единственный честный и христианский поступок.

Если бы он предложил отрубить себе голову, отец с братом удивились бы меньше, чем этому акту самопожертвования. «Мой брат полный идиот, – подумал Гилберт, – но не моё дело останавливать его, тем более что он собирается вступить в этот глупый брак. Я выкуплю эту землю и сохраню её в нашей семье». Его предложение заставило отца принять это тяжелое решение, так как предстоящий суд по делам о банкротстве был еще горше – это бы совсем разбило его сердце.

Мистер и миссис Смит, располагая скромным содержанием, поселились в небольшом домике в Лондоне. Гилберту пришлось заплатить гораздо больше, чем стоило поместье отца, чтобы выкупить заложенное имущество у кредиторов. Он не проявил особой щедрости по отношению к родителям и сестре Флоренс. Гилберт занял часть денег на приобретение собственности, что было его оправданием на тот момент, но он занял эти деньги без труда под залог земли и мог выплачивать их в течение одного, двух лет по своему усмотрению из своего солидного, и всё растущего дохода. Фрэнк считал, что его близкие, обеднев, нуждались в заботе. В дни испытаний Флоренс переживала потрясение, поскольку она рассчитывала на любовь со стороны Гилберта. Фрэнк оставался с семьей вплоть до своей женитьбы, деля с родными их изменившееся положение. Он приводил в дом новых друзей, стремился пробудить в них интерес к жизни. Более того, он был готов повести их к свету и вернуть к жизни.

По случаю бракосочетания с Эллен, Фрэнк впервые в зрелой жизни приобщился к таинству Святого Причастия. На церемонии не было ни Гилберта, ни Этель – но те, кто присутствовал – его родители и друг, принимавший участие в священнодействии, понимавший, что это значило для Фрэнка, будучи свидетелями торжественного обряда посвящения, преисполнились возвышенными чувствами. Служение во имя бога, на которое решились эти двое, не было просто обетом, данным на словах, но обетом, данным на всю жизнь. Не для того, чтобы, выйдя из церкви, забыть об этом и служить вожделению или дьяволу по своему усмотрению. Их пастырство начиналось с этого самого часа, с их домашнего семейного очага и продолжалось и в Церкви, и в мирской жизни. Родившиеся у них дети последовали примеру своих родителей, так как они не просто получили имя при крещении, но с детства были приучены к труду, молитве и служению господу.

Нежная забота, которую эти малыши потребовали от родителей, привела их к неусыпной заботе о других – о бездомных детях. Фрэнк

был в первых рядах тех, кто вместе с обществом совместными усилиями боролся, чтобы наставить на путь истинный своё поколение и избавить его от проклятия детей, которыми оно пренебрегает. И не было такой жертвы в служении этой цели, которая казалась бы слишком большой для той, что была его соратницей во всем делах.

«Ты занимаешься тем, что нужно заставить делать родителей», – обыкновенно говорил Гилберт.

«Ну, а если они не будут или не могут заниматься этим? – спрашивал Фрэнк.

«Тогда они должны смириться с обстоятельствами».

«Но эти дети – дар божий, и мы не должны смотреть, как виноградная лоза не плодоносит только потому, что человек не трудится на ней», – говорил Фрэнк.

Гилберт презрительно кривил губы в циничной улыбке, которая красноречиво свидетельствовала о том, что приводить доводы разума таким людям, как Фрэнк, бесполезно, лучше было оставить их в покое. Невозможно заставить их понять, что подобные представления устарели и в 19 веке являлись помехой на пути прогресса. Их усилия если и имели, то очень незначительное влияние на незыблемые законы, которым подчинялся прогресс. По этим законам лишь избранные счастливицы, принадлежащие к высшим слоям общества, должны были жить, а лишённые всего низшие классы должны были быть сметены с лица земли и уничтожены.

Фрэнк и в самом деле не вполне понимал своего брата. Внешне они были под стать друг другу. Фрэнк тоже добился успеха, даже большего, чем он надеялся, хотя он и не стал таким богатым, как Гилберт, потому что посвятил себя не только своей профессии. Тем не менее, он встал на ноги. Работая в одной сфере, братья не могли держаться в стороне друг от друга.

Они не испытывали враждебности друг к другу, как мечтала об этом Этель, связь между ними была слишком тесной, но братья не понимали друг друга. Фрэнк заблуждался, отдавая должное, как он полагал, приверженности Гилберта христианской вере, которой на самом деле не было. Он даже не замечал враждебности и холодной любезности Этель в ответ на искреннюю привязанность Эллен.

С годами Этель изменилась не в лучшую сторону. Материнство давало ей шанс познать радость самоотречения, но она отказалась от этого. Она ничего не сделала для своих детей и ничего для них не значила. Вместо того чтобы стараться избавиться от своей хандры, она всё больше и больше уходила в себя. Богатство и спокойная жизнь – вот всё, к чему она стремилась. Но последнего достигнуть было всего труднее. Так всегда случается с праздными людьми, потому что отдых – это

награда за труд, а труда в любом виде она всегда чуралась. Отсутствие физических и умственных упражнений привело к тому, что всё ей стало даваться с трудом, и незаметно для себя она превратилась в неисправимую ворчунью.

Этель проводила время за чтением романов, лежа на диване, чем нажила себе мучительные головные боли. Привязанность Гилберта к жене как-то незаметно испарилась. Это была совсем не та женщина, на которой он женился – раздражительный, капризный, вялый, потворствующий своим желанием, нездоровый человек. И, тем не менее, это была она, и он не мог не стараться разглядеть в неё что-то хорошее, как и во всяком другом человеке.

Он также не мог не замечать враждебности Этель к Фрэнку и его жене, неприятно обнаруживать недобрые чувства в других, даже если в себе самих мы их лелеем. А в Этель эти чувства только укреплялись, потому что сердце как раз и является почвой, на которой пышно произрастают сорняки, если не посадить в неё добрые семена и не питать всходы. Она не могла забыть, что Эллен когда-то была гувернанткой. Она не могла простить Эллен, что та выбилась в люди, выйдя замуж за Фрэнка. Она не могла простить ей то положение в обществе, которое заняла Эллен в глазах окружающих. И, более того, она не могла простить Эллен привязанность, которую мисс Смит испытывала по отношению к ней в память о Гиацинт, и того небольшого наследства, которое эта леди завещала Эллен.

Детей Этель ожидало богатство. Сын унаследует то, что принадлежало бы Фрэнку и его детям, если бы он не пожертвовал своим наследственным правом, и всё же Этель испытывала недоброе чувство оттого, что братья занимали равное положение в обществе. Праздность порождает жадность и Этель стала ужасно скупой.

Фрэнк терялся в догадках, стараясь понять, почему его брат насмеялся над семейным счастьем, когда он становился свидетелем того, как Этель старалась удержать мужа от всякой деятельности на благо общества, потому что это будет стоить денег и помешает их накоплению. И только если она понимала, что этот шаг может принести ещё больше выгоды, она была готова дать своё согласие. Фрэнку было чрезвычайно больно это видеть, но еще горше было ему осознавать, что и Гилберт, так же как и Этель, был готов отложить подальше идею служения обществу, обязательство, которое должно было быть свято для каждого христианина, независимо от того, принесёт ли этот труд признание на пути к царству небесному. Убеждение Фрэнка в том, что это должно быть именно так, встречалось насмешками и демонстрировало цинизм Гилберта по отношению к религии. Фрэнк ясно осознавал, насколько они были разными, но причина этого расхождения крылась

где-то в прошлом и была сокрыта от глаз. Гилберт прежде имел благочестивый вид, а теперь уже и от внешней формы ничего не осталось, пока, наконец, он не пришёл к безбожию, признавая это приватно, но, не выражая своих взглядов в обществе.

«Почему ты не высказываешь своё мнение открыто? – спросил его однажды брат.

Фрэнк с Эллен и детьми неделю гостили в Венок Плейс и он был поражён, обнаружив, что Гилберт, как и раньше, ходил в церковь, хотя в Лондоне он никогда не посещал богослужения.

Гилберт ответил, что христианская религия в целом согласуется с моралью, поэтому он её придерживается.

«Ты имеешь в виду, когда ты в неё действительно веруешь?» – спросил Фрэнк.

«Конечно», – ответил брат.

«Тогда ты должен понимать, что было бы лучше, если бы все действительно были верующими», – сказал Фрэнк.

Гилберт так не думал. Он придерживался мнения, что это хорошо для женщин, детей и низших сословий в образовательных целях.

Но Фрэнк настаивал: «Не думаю, – сказал он, – что вымысел вместо правды может пойти на пользу кому бы то ни было. Ты несправедлив по отношению к собственным убеждениям, какими бы они не были, так же как христиане, исповедующие религию, несправедливы по отношению к Христианству, если они ему не следуют. В самом деле, мне представляется, что истинное следование вере в малом лучше, чем принятие веры в большом, но пренебрежение ею. Христос призывает к Истине и к Жизни, так как истина и жизнь – суть одно и то же, переплетённые вместе, как основа».

«Неужели ты думаешь, что оттого, что я не верю в божественную власть восьми заповедей, я запущу руку в чужой карман? Настоящее понимание природы и общественной конституции направит меня в нужном направлении, но не остановит моего соседа Джайлза, – резко парировал Гилберт. Вот всё, что я имел в виду».

«Представление Джайлза об общественном порядке, возможно, и не твоя идея, – с улыбкой сказал Фрэнк. Тем не менее, я верю в то, что есть справедливый общественный порядок, основанный на Божественной воле, и если христианские истины отрицаются, то социальный порядок будет разрушен также. Посмотри на Францию. Ничего не поражает так сильно, как её состояние упадка. В основе лежит безбожие. Именно это превратило её армию в высохшие листья под сильным порывом ветра, а её оборона напоминает верёвки из песка, и это ты имеешь в виду, когда говоришь что Христианство – желанная вера для масс?»

«Римский католицизм – корень зла, – ответил Гилберт. – Католическая церковь не смогла завоевать умы просвещённых людей и не удивительно».

«Католическая церковь потеряла своё влияние на массы, – сказал Фрэнк, – потому, что она вводит их в заблуждение, но их безбожие происходит в ещё большей степени вследствие её пренебрежения практикой добродетели. Истинные христиане и там и здесь оплакивают осквернение священного дня отдохновения (воскресенье у христиан), они видят, насколько несоблюдение этой заповеди приводит к распаду страны, как это ведёт к разрушению не только общественных, но и семейных уз. «Отец, который работает и в воскресенье, не видит своих детей», – сказал мне кто-то. Они не учатся послушанию, а он не учится любви». Мать ходит в церковь одна, если вообще туда ходит. Возможно, она берёт с собой маленьких дочерей, а мальчишки обычно предпочитают игры. Вскоре и девочки тоже перестают ходить в церковь».

«Что остаётся Франции, чтобы преодолеть её трудности?» – спросил Гилберт, радуясь, что разговор стал менее личным.

«Я не вижу для неё никакого выхода, – ответил Фрэнк. Но, может быть, скоро придёт время перемен. Чтобы вернуть её к жизни, нужно присутствие божественного духа. И какая наступит жизнь!» – добавил он мягко.

Гилберт отвернулся. Для него скоро станет невозможно, подумал он с горечью, обсуждать с Фрэнком какой бы то ни было предмет. Они никогда не сходятся во мнениях, что бы ни обсуждали.

Судьба распорядилась так, что именно Фрэнку довелось работать в парламенте, и это служение было принято им с благородным и честным желанием защищать интересы своей страны с истинной молитвой, где каждое «Да» или «Нет» согласовывалось с христианским долгом.

(Yes or No? From The Tales on the Parables (two series, 1872-7)

Перевод с английского Ольги Стельмак

СВАВА ЯКОБСДОТТИР (1930 – 2004)

Свава Якобсдоттир – один из «столпов» исландского литературного модернизма. Автор романов, новелл и пьес – но также и филолог, в том числе, теоретик современной литературы, исследователь древней скандинавской словесности и фольклора. Перевод пьесы «Генеральная репетиция» печатается с любезного разрешения наследника Свавы, её сына Якоба Йоунссона.

ГЕНЕРАЛЬНАЯ РЕПЕТИЦИЯ (1983)

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Ари, инженер

Бета, его жена, преподавательница игры на фортепиано

Лилья, ученица Беты

АКТ 3¹

(Прошла примерно неделя. Утро, и стол накрыт для завтрака. Бета сначала на сцене одна, играет в электронную игру. В игре раздаётся громкий навязчивый писк. Ари спускается по лестнице с порцией еды на день).

БЕТА: Вот, ага... вперёд... вправо, нет... назад... вот чёрт... берегись... да...!

АРИ: Еда.

БЕТА: Вперёд... вверх... ой, давай, ешь вот этого красного... вправо... влево... вверх...

АРИ: Я принёс еду на день.

БЕТА: Ну, зачем ты сбил меня? Меня монстр съел.

АРИ: Я думал, тебе уже кофе захотелось.

(Бета продолжает играть. Ари ставит в микроволновку воду, а на стол – банку черничного варенья и твёрдый хлеб).

АРИ: На твоём месте я бы съел монстра.

БЕТА: Я пытаюсь. Но так нечестно: монстров много, а я одна. И я недостаточно проворная... Ну вот, опять меня монстр съел.

(Ари ставит чашки с кофе на стол и садится к столу рядом с Бетой. Они завтракают).

БЕТА *(протягивая Ари игру)*: Поиграй!

АРИ *(чуть-чуть поиграв)*: Ага, смотри: я съел монстра!

БЕТА: А меня монстр всё время съедает.

АРИ: Неумеха. – А футбол всё равно интереснее.

БЕТА: Так это телевизор надо иметь.

¹См. начало пьесы (1-2 акты) в журнале «Переводчик № 17, 2017. СС.157-174. (Прим. ред.).

АРИ: Помнишь, в воскресенье по утрам мы лежали в постели и играли в футбол?

БЕТА: Ага; никогда не забуду, какое лицо было у того человека из «Джуниор Чемберс», который забрёл к нам в спальню, когда мы недавно приём устраивали, и увидел кровать, телевизор и пульт...

АРИ: И все приборы для игры?

БЕТА: Он вообще обалдел!

АРИ: Обалдел? Он чуть не помер от зависти. Ему самому такое в голову не пришло.

БЕТА: А я начала ему всё объяснять. Сказала, что у нас с тобой свободное время есть только в воскресенье по утрам, и тогда мы играем. А он подумал, что ты этими игровыми приборами торгуешь.

АРИ: Торгую? В спальне? У некоторых людей вообще воображения нет.

БЕТА: Но я ведь правду сказала? Это наше единственное свободное время.

АРИ (*пересаживается к рабочему столу*): Да что ты городишь? Мы же всё время путешествуем да развлекаемся!

БЕТА: Да это в смысле... когда мы дома... вдвоём... Например, здесь ты постоянно работаешь. А это вроде как должен быть отпуск.

АРИ: Бета, родная, это важно. Я подготавливаю для нас следующий шаг.

БЕТА: Следующий шаг?

АРИ: Да, я же сказал тебе, что разрабатываю водородный мотор для лодки. Мы должны быть в состоянии обеспечить себя пищей, когда выберемся отсюда.

БЕТА: Да я, наверно, в мясной магазин пойду, как обычно.

АРИ: Бета, неужели тебе сложно отнестись к этому всерьёз?

БЕТА: Прости. (*Пауза*). Хочу ещё кофе.

АРИ: Бета!

БЕТА: Знаю...

АРИ: Держи себя в руках, Бета. Дисциплина – вот что нам сейчас важнее всего.

БЕТА: Если я сейчас выпью вторую чашку, наверно, без вечернего кофе я смогу обойтись.

АРИ: Ты уверена?

БЕТА: Нет.

АРИ: Когда живёшь в таком бомбоубежище, главное искусство – в том, чтобы до мелочей следовать плану.

БЕТА: Знаю. Только у меня не так хорошо получается, как у тебя.

АРИ: Я бы тоже выпил вторую чашку – если бы позволил себе по-

думать об этом. Но я о том даже и не думаю и уж тем более не говорю вслух. Я стремлюсь, чтоб это удалось.

БЕТА: Да. Прости.

АРИ: Простить? Я ведь и для тебя стараюсь.

БЕТА: Знаю. А можно, завтра я схожу наверх за едой? Всего разочек? Для разнообразия? Ты вон каждый день ходишь.

АРИ: Бета, ты же знаешь, подниматься наверх опасно для жизни! Обещай мне больше никогда об этом не заикаться.

БЕТА: Ну ладно.

АРИ: Не обижайся. Мне важнее всего, чтоб ты спаслась. Я так испугался, что...

БЕТА: Что?

АРИ: Что ты сделаешь какую-нибудь глупость... посмотришь на вспышку... если ты где-то окажешься одна. Свет от вспышки при ядерном взрыве в 270 раз сильнее солнечного. Ослепнуть можно в момент.

БЕТА: Не говори такие страшные вещи.

АРИ: Я не собирался тебя пугать. Я просто объяснял факты. Бета, родная, это не шутки.

БЕТА: Конечно.

(Ари продолжает работать. Бета пытается совладать с собой – в т.ч., делая зарядку. В конце концов, она берёт жидкость для снятия лака и начинает наносить себе на ногти).

АРИ: Что это у тебя?

БЕТА: Жидкость для снятия лака.

АРИ: Сейчас же закрой эту гадость. Это очень опасно. Ты чувствуешь, как она воздух загрязняет?

(Бета прекращает на половине. Бродит по помещению. В частности, разглядывает пальмовую рошу. Затем берёт электронную игру и начинает играть).

АРИ: Сил нет слушать этот писк. Я пытаюсь думать.

(Бета прекращает. Глядит в пространство).

БЕТА: Как-то здесь не очень уютно. Нам надо было бы сюда картины повесить.

АРИ: Картины? А куда бы мы их впахнули?

БЕТА: Ну, скажем, можно было бы выкинуть немного варенья.

АРИ: Ты так говоришь, как будто у нас этого варенья целые тонны. Как будто у тебя от него уже видения начались.

БЕТА: Что ж ты мне раньше не говорил, что ты картины не любишь?

АРИ: Конечно, я их люблю. Но если б у нас тут было ещё пространство, было бы разумнее хранить в нём что-нибудь другое, чем картины.

БЕТА: Например, что?

АРИ: Что-нибудь, что потом пригодится... что-нибудь полезное. А картины будут только мешать.

БЕТА: Никаких картин. Я не думала, что... Ты так говоришь, будто тебе наплевать. По-твоему, все картины, которые у нас наверху, бесполезны?

АРИ: Они красивые, спору нет, но они, прежде всего – удачное капиталовложение... были. Ты это знаешь так же хорошо, как и я. Не станешь же ты утверждать, будто не думала, что они были выгодным капиталовложением?

БЕТА: Да нет, конечно, знала... Я думала: ну и пусть они – выгодное капиталовложение... А для меня они прежде всего – красота.

АРИ: Не знал, что ты такая поклонница живописи.

БЕТА: Я просто не всегда об этом думала... Знаешь, я тут в журнале «Фемина» читала, что у голландской королевы в новом дворце роскошное бомбоубежище. Может быть, у неё там на стенах полотна Рембрандта.

АРИ: Весьма вероятно. Они оба какие-то смурные.

БЕТА: Кто?

АРИ: Рембрандт и голландская королева.

БЕТА: Да, она не так чтобы очень шикарная. – Странно: я о самом Рембрандте вообще ничего не помню, в смысле, биографию, кроме того, что он был голландцем, а то, что читала в «Фемине», помню! Поразительно!... А почему у нас здесь книг нет?

АРИ: Книг? О чём это ты?

БЕТА: Книги.

АРИ: Какие?

БЕТА: Про...

АРИ: Вроде, ты раньше особого интереса к книгам не испытывала.

БЕТА: Я читала ноты – но они для тебя, наверно, тоже ерунда.

АРИ: Почему ты тогда не взяла с собой сборник нот?

БЕТА: Я вполне могла бы перетащить сюда свой инструмент – точно так же, как ты взял сюда все свои... вещицы.

АРИ: Инструмент? Сюда?!

БЕТА: Надо же, какой я была размазнёй... Как будто я там навер-

ху совсем не думала. Энциклопедию. Мы могли бы взять сюда энциклопедию.

АРИ: Энциклопедию? Зачем?

БЕТА: Если мне понадобится что-то вспомнить... что-то узнать... ну, скажем, о Рембрандте.

АРИ: Для энциклопедии тут нет места.

БЕТА: Мы могли бы...

АРИ: Нет, мы не могли бы обойтись без чего-то другого. Когда речь идёт о жизни и смерти, и спасение можно обрести только здесь – что бы ты стала жрать: энциклопедию или ветчину?

БЕТА: Не говори слово «жрать». Оно такое... гадкое.

АРИ: Ладно: «кушать».

БЕТА: Почему мы так и не приобрели энциклопедию?

АРИ: Не знаю. Да сейчас это уже и не важно. Все знания устарели.

БЕТА: А где же всё это будет храниться? Ведь тогда же никто ничего не будет знать. Бах... Как мы тогда сможем играть... Ты можешь представить себе мир без Баха?

АРИ: Конечно, могу. Но кто же меня спросит.

БЕТА: Ари!

АРИ: Я о таком не задумываюсь. Об этом бессмысленно рассуждать, только перетрусись почём зря.

БЕТА: Но всё это можно было бы спасти, если построить достаточно большое бомбоубежище.

АРИ: Чтобы спасти всё, что людишки накопили, им придётся целую вечность из-под земли не вылезать – жить там и работать, всё время под землёй, как кроты!

БЕТА: Надо же, есть столько всего, о чём я никогда не задумывалась... А о Хиросиме ведь книжка есть?

АРИ: Книжек о Хиросиме много.

БЕТА: Мне надо было бы прочитать их.

АРИ: Зачем? Ведь это жуть!

БЕТА: Какая жуть?

АРИ: Тогда всё было по-другому. Тогда это застало людей врасплох. А сейчас мы подготовлены... мы здесь в безопасности... и всё будет в ажуре, если ты не будешь психовать. У нас тут всё отлично. Нам хорошо... ни в чём недостатка нет... не порти нам всё своими депрессивными настроениями.

БЕТА: Пойдём на пляж!

АРИ: Бета, родная, мне никак.

БЕТА: Мне что, одной идти?

АРИ: Не подпускай к себе этих зазнаек загорелых, которые тебе всё время глазки строят!

БЕТА: Я лучше на траве полежу. *(Ждёт реакции Ари, но тот пытается сосредоточиться на работе)*. А давай сходим в таверну, кипрского вина попьём?

(Бета берёт бутылку и пластиковый стаканчик и подаёт Ари. Он отхлёбывает прямо из бутылки).

БЕТА: Ари! Что ж ты из горла пьёшь!

АРИ: Ты мне работать мешаешь. Лучше занялась бы чем-нибудь!

БЕТА: Чем же мне заняться?

АРИ: Ну. Придумай что-нибудь... ну, например... вязать.

БЕТА: Вязать? Да ты с ума сошёл? Ты когда-нибудь видел меня со спицами?

АРИ: А в чём проблема?

БЕТА: И где я нитки возьму? Ты думаешь, они у меня тут есть?

АРИ: Да я просто так сказал.

БЕТА: Ну, даже если бы я умела вязать... а я не утверждала, что умею... какая польза от этого была бы – потом? Где бы мы нитки брали? Даже шерсть... ведь все животные погибнут... Где нам брать одежду..? Ничего же не будет. Ни магазинов, ни тканей, ни шкур, ни кожи... У нас даже фиговых листочков не будет, как у этих.. у перволюдей... у них там хотя бы растительность была... а у нас? Мы будем нагие, на холоде, где ни одной былинки не растёт, и нас ничто не будет защищать кроме нашей собственной кожи, и она станет толстой и грубой, а потом мы обростём шерстью и будем лохматыми как мамонты... мамонты....

АРИ: Прекрати! Я построил самое совершенное бомбоубежище во всей Исландии – наверно, единственное на сто процентов безопасное убежище, – наполнил его продуктами и всякими жизненно необходимыми вещами, – я вложил миллионы, чтобы мы невредимыми пережили ядерную войну, – а от тебя в ответ получаю одну неблагодарность и мнительность, и ты рисуешь мне самые мрачные картины, ожидаешь худшего – как будто у меня и без того забот мало!

БЕТА: Что не так?

АРИ: Вот что! *(Отбрасывает чертежи)*.

БЕТА: Молчу, молчу.

АРИ: Самое важное – это пища, понимаешь? Когда мы поднимемся на поверхность, мы должны как-то добывать себе еду.

БЕТА: Конечно, понимаю.

АРИ: Но как? Я перебрал все мыслимые способы, но всюду наты-

каюсь на две проблемы: либо отсутствие механизмов, либо – сырьё. Рыба – это единственное...

БЕТА: Да, ты уже говорил.

АРИ: Смотри: у меня тут в чулане припасён электролизер.

БЕТА: Да.

АРИ: Я собирался производить собственный водород. Я рассчитывал, что если я найду воду... какой-нибудь ручеёк где-нибудь...

БЕТА: Ага.

АРИ: Я собирался запустить лодочный мотор на водороде...

БЕТА: Да, а что не так?

АРИ: Думать, что ничего не сломается – это просто безрассудно. Ведь всегда что-нибудь ломается, а починить мотор или ветровое реле, или водородный генератор будет невозможно – и тогда я не смогу производить электричество.

БЕТА: А вёсла? Разве у тебя в лодке их нет?

АРИ: А ловить-то чем! Не могу же я в открытом море на вёсельной лодке пользоваться сетью. Чем мне рыбу доставать?.. Всё, что я делал – псу под хвост.

БЕТА: Ну что ты, Ари, вовсе не псу под хвост. Мы эту рыбу руками будем ловить.

АРИ: Руками!

БЕТА: Ну, будем собирать мидий на взморье.

АРИ: Чтоб уберечься от радиации, рыбу надо доставать с самой глубины.

БЕТА: Ну.... А что люди делали до изобретения моторов?

АРИ: Крючок! Мне нужно смастерить крючок!

БЕТА: Да, конечно.

АРИ: Но из чего? Из чего мне сделать крючок? *(Ищет повсюду, даже в мусорном ведре)*. Эти гнутые жестянки ни на что не годятся. Ты не находила... не видишь какое-нибудь... что-нибудь металлическое? О, кольцо! Моё обручальное кольцо! Тогда мне и наживки не надо: оно будет блестеть, и тогда рыба сама на него косяком пойдёт! *(Разрезает своё обручальное кольцо кусачками)*. Это спасёт нас, Бета!

(Затемнение).

(Ночь. Ари и Бета спят. Бета начинает стонать во сне. Вопит).

АРИ: Что такое? Бета! Бета, проснись!

БЕТА *(кричит)*: Монстр! Монстр!

(Затемнение).

АКТ 4

(Прошло три-четыре дня. Из радиоприёмника раздаётся бешеная рок-музыка. Бета одна на сцене, танцует под музыку неистовый танец. Ари выбегает из хранилища водорода и выключает радио).

АРИ: Да как у тебя ума хватило!

БЕТА: Ужасно! Как будто я сама превратилась в фортепиано, по которому лупят, и в барабаны, в которые бьют. Колотят и колотят – жуть!

АРИ: Радио совсем не должно быть включено.

БЕТА: Как странно. Как будто кто-то, такой же притесняемый, как и я, в каком-нибудь другом бомбоубежище играл на мне.

АРИ: Зачем ты так делаешь, Бета? Ты же знаешь: радиовещания нет.

БЕТА: Тебе не кажется, что это слишком далеко зашло?

АРИ: Слишком далеко? Слишком далеко зайти невозможно. Это не игра. Это всё на полном серьёзе.

БЕТА: Да, но мне скучно. По-моему, я здесь уже целую вечность. Как будто время перестало течь.

АРИ: Хватит ныть! Днём ты жалуешься, а ночью мешаешь мне спать своими криками.

БЕТА: Прямо не знаю, что хуже: мои сны или твой храп. А теперь ещё мне и радио слушать нельзя.

АРИ: Эту жуть – и слушать? Это немногим лучше, чем та заунывная симфонятина, которую вечно в эфире передают! *(Начинает ковать крючок).*

БЕТА: «Симфонятина»?!

АРИ: Это из письма в редакцию газеты. Я хотел пошутить.

БЕТА: Почему мы сюда не взяли кассеты? Тогда я могла бы слушать нормальную музыку.

АРИ: Ты об этом никогда не говорила.

БЕТА: Никогда не говорила? А разве ты не должен был всё предусмотреть?

АРИ: Да, я позаботился обо всём самом необходимом. А о своей музыке ты могла бы сама позаботиться.

БЕТА: Ага, это что-то новенькое! По-моему, тут дело в другом. Тебя моя музыка всегда злит: учеников не бери... в балетной школе не играй...

АРИ: Что на тебя нашло?

БЕТА: А теперь мне ещё кассеты нельзя.

АРИ: Я тебе не запрещал кассеты.

БЕТА: Ты ни о чём не думал кроме... кроме своей технической дребедени...

АРИ: Технической дребедени?! Да эта, как ты выражаешься, дребедень в тебе жизнь поддерживает! Ты что, обвиняешь меня за то, что я спасаю тебе жизнь?

БЕТА: Ну, и о еде ты ещё думал... о ветчине... и черничном варенье...

АРИ: Давай, обвиняй меня! Обвиняй за то, что я позаботился о том, чтоб тебе было, что жрать, когда там наверху ничего не будет кроме погибшей скотины и выжженной травы... ядовитой, радиоактивной.

БЕТА: Нет-нет, Ари, дорогой, я вовсе не хотела тебя обвинять... не знаю, что на меня нашло... но мне было бы легче, если бы мне можно было слушать музыку по радио... хоть по чуть-чуть каждый день... мы ведь можем сделать такое маленькое исключение? Я буду выбирать только самую красивую музыку, чтоб ты тоже мог слушать... Я знаешь, что сделаю? Я напишу на Гостелерадио. Дорогая радиостанция. Вам пишут из бомбоубежища, адрес не указан. Прекратите передавать эту бесконечную заунывную попсу, которая никому не интересна. В силу особых обстоятельств я прошу, нет, мне жизненно необходима камерная музыка, чтобы раздвинуть стены, и симфонии, чтобы поднять потолок.

АРИ (*ошеломлённо слушал её*): Тебе бы заняться чем-нибудь.

БЕТА: Да, именно.

АРИ: Я имею в виду, физическим трудом.

БЕТА: Но нельзя же бесконечно прибирать продукты.

АРИ: Я хочу сказать, чем-нибудь полезным. Для будущего.

БЕТА: Для будущего?

АРИ: Да, чем-нибудь, к чему не ослабеет интерес. Что будет вести тебя дальше.

БЕТА: И что же полезного я могу сделать для будущего?

АРИ: Леску! У нас до сих пор нет лески.

БЕТА: Так мне леску сделать?

АРИ: Крючок без лески бесполезен.

БЕТА: Да, но я не умею лески делать.

АРИ: Да леску каждый дурак может сделать... только вот из чего? Нужно что-нибудь прочное. (*Ищет, натывается на зелёный коврик в роще на Кипре, хватает его с пола*). Вот. Его можно распустить и свить нитку.

БЕТА: Ари, это моя лужайка.

АРИ: Если разрезать здесь... (*Берёт ножницы и надрезает кромку*).

БЕТА: Пальмовая роща... на солнышке... в тёплой мягкой травке.

АРИ: Вот. *(Подает ей коврик).*

БЕТА: Теперь одни голые камни остались. Ты мне весь Кипр испортил!

АРИ: Леска важнее.

(Они некоторое время сидят молча; в это время Ари куёт крючок, а Бета вырывает нитки из коврика).

БЕТА: Это было бы более сносно, если бы мне дали послушать музыку по радио.

АРИ: Меня этим не проймешь. Гостелерадио больше нет.

БЕТА: А зачем нам тогда приёмник?

АРИ: Ну уж не для того, чтобы слушать Гостелерадио.

БЕТА: А для чего же?

АРИ: Для сообщений Комитета по гражданской обороне. Если этот Комитет вообще выжил.

БЕТА: А почему мы тогда не слушаем... вдруг они там что-нибудь передадут?

АРИ: А они нас не касаются. Мы сами по себе, спасаем себя сами. Полагаться на других может быть чревато, ведь они знают не больше, чем я. Например, они воображают, что людей можно эвакуировать. Вздор полнейший. Пути к бегству могут оказаться отрезаны... обезумевший народ не станет слушаться приказов... там начнётся такая суматоха. Такое безумие, что об этом и говорить невозможно.

БЕТА: Да, но как же общественные убежища? Разве люди не пойдут в них?

АРИ: Общественные! Всех они не вместят. К тому же, это всё одна видимость. Вода с крекерами на несколько дней, народу битком, и они только и будут забирать друг у друга кислород... беспечный народ, который не думает, что может что-то случиться: извержение ли, землетрясение, ядерная война. Нет, мол, у нас такого быть не может, со мной такого не будет, говорят они, а потом – раз! – и оказываются беззащитными.

БЕТА: Не все могут построить такое убежище.

АРИ: Терпеть не могу беспечных... Надо уметь спасти себя самому.

БЕТА: А как же... мама?

АРИ: Твоя мама?

БЕТА: Да, а как же моя мама?

АРИ: Не понимаю.

БЕТА: Почему мы её с собой не взяли?

АРИ: Ты сама знаешь.

БЕТА: Нет.

АРИ: Ты знаешь, что другого выбора не было.

БЕТА: Ты мог бы... всего один человек никого не стеснит.

АРИ: Послушай, Бета. Мы не взяли твою маму с собой вовсе не потому, что мы жадные. Конечно, я мог бы сделать это убежище на пару квадратных метров побольше, а купить про запас ещё продуктов вообще раз плюнуть...

БЕТА: И всё-таки ты этого не сделал.

АРИ: Ну что это такое? Ты прекрасно знаешь, почему нам нужно держать это убежище в тайне.

БЕТА: То есть, ты её сознательно не стал брать с собой?

АРИ: Но не потому, что я злой, если ты так думаешь... Ей-богу, иногда мне кажется, что ты так ничего и не поняла! Попробуй рассуждать трезво. Несложно предугадать, как бы всё пошло тогда. Твоя мама захотела бы спасти свою сестру Хельгу, а Хельга – своих детей, и так до бесконечности. Надо же было где-то положить предел. А тогда мы устроили бы твоей маме неприятности. Ей пришлось бы выбирать между собой и другими. Кого бы она назначила кандидатом на вылет? А? (*Бета молчит*). Вот, ты затрудняешься с ответом, – а сама хотела поставить свою мать в такое положение. Как ты считаешь, каково ей было бы?

БЕТА: А своих родителей ты бы наверняка взял с собой, если б они были живы.

АРИ: Нет.

БЕТА: Да. Ари, скажи, что взял бы.

АРИ: Нет, я был бы вынужден принять точно такое же решение, что и ты.

БЕТА: А я никакого решения не принимала... Я не думала... мне в голову не приходило...

АРИ: Трудно быть сильным и всё решать – но приходится брать на себя ответственность. (*Заключает Бету в объятия*). Маленькая моя, не огорчайся, твоя мама, скорее всего, хотела бы, чтоб ты была целой и невредимой, – у тебя нос запачкался, дай, вытру, – твоя мама ведь тоже уже большая. Скорее всего, она бы не выдержала торчать здесь, в подzemелье... вот так, милая, дай, я тебя поцелую... и ещё раз... и ещё. (*Собирается расстегнуть кофту на Бете. Она с силой отталкивает его от себя и прикрывает грудь рукой*).

БЕТА: Нет!

АРИ: Что такое, чёрт возьми?

БЕТА: Не раздевай меня!

АРИ: Тогда сама разденься.

БЕТА (*со смесью страха и униженности*): Не смотри на меня.

АРИ: Ну что, чёрт возьми, за капризы! Тебя прямо не узнать... постоянно злишься. Где твоё хорошее настроение?

БЕТА (*как будто поспешно приняла решение, начав расстёгивать кофту*): Ну, ладно. Но только с одним условием.

АРИ: Условием?

БЕТА: Мы заведём ребёнка. Прямо сейчас!

АРИ: Но... в каком это смысле? Ты разве таблетку не приняла?

БЕТА: Ты таблетку не приняла? Ты таблетку приняла? Я это уже пятнадцать лет выслушиваю! Может, если я не приму таблетку, у тебя семяизвержение не произойдёт?

АРИ: Да как ты, чёрт возьми, выражаешься?

БЕТА: А может, я для тебя как автомат: засовываем таблетку – получаем сперму.

АРИ: А некоторые женщины жалуются, что у них так: засовываем сперму – получаем ребёнка, и так каждый раз. А впрочем, мне неохота с тобой обсуждать всякие неприличные вещи.

БЕТА: Ари, я прошу у тебя ребёнка.

АРИ: По-твоему, сейчас подходящее время?

БЕТА: И это ты тоже всегда говоришь. Подходящее время никогда так и не наступало. Сперва нам надо было обзавестись жильём...

АРИ: Это было так противоестественно?

БЕТА (*сейчас она впервые в жизни чётко видит своё прошлое*): И мы обзавелись жильём. Но ты вечно был недоволен. Наш дом никогда не был таким, как тебе хотелось бы. Во-первых, в нём должен был жить человек с законченным высшим образованием. И это было нашей «планкой» целых восемь лет: чтоб ты закончил вуз. Все твои экзамены мы вносили в календарь, чтобы убедиться, что в приоритете не оказалось что-нибудь другое. Твои экзамены и мои таблетки аккуратно записывались в календарь. Тебя ничто не могло остановить.

АРИ (*с удивлением и обидой*): А зачем меня было останавливать? Я что, не имел права закончить обучение, как другие? Прямо-таки поучительно узнать, что ты, оказывается, не хотела, чтоб я продвинулся. По-твоему, учиться должны только одни те, у кого есть деньги, а?

БЕТА: Другие учились, а детей всё равно заводили.

АРИ: Ну да, безалаберные люди, которые ни о чём не думают. Или ты забыла, как мы в Германии целую неделю сидели на одной овсяной каше?

БЕТА: Нам не пришлось бы целую неделю сидеть на одной каше, если б ты мне разрешил взять вперёд из зарплаты.

АРИ: Ты других способов не знаешь. Взять вперёд... выклянчить кредит... унижаться перед другими.

БЕТА: Унижаться перед другими? Ты думаешь, Ари, в тебе говорила гордость? Нет, ты боялся.

АРИ: Я? Боялся?

БЕТА: Да, ты боялся, что если бы я попросила из своей зарплаты вперёд, все бы сразу подумали, что ты ешь овсяную кашу. Кашеед несчастный!

АРИ: Давай, позорь меня. Да, я был кашеед несчастный. У меня не было родителей, которые бы мне учёбу оплачивали. Мне с семнадцати лет приходилось заботиться о себе самому. И я поклялся, что когда я начну работать сам на себя, то мне... да и тебе... никогда не придётся есть овсяную кашу.

БЕТА: Мы имели не меньше, чем многие другие.

АРИ: Мы имели не достаточно. А надо, чтоб было достаточно! Но, наверно, глупо ожидать, что ты это поймёшь, ведь тебе всё подносили на блюдечке с голубой каёмочкой – избалованному ребёночку, который музыкой балуется!

БЕТА: Балуется? В Германии мне не дали разрешения на работу преподавателем игры на фортепиано, ты же знаешь...

АРИ: Я в этом не виноват.

БЕТА: И не важно, что я трудилась в конторе в те годы, пока ты учился...

АРИ: На что же ты тогда жалуешься?

БЕТА: Я не жалуясь, я говорю... я думала... всё должно было быть иначе.

АРИ: Иначе, чем что? Не понимаю, о чём ты говоришь.

БЕТА: Иначе, чем вышло... А Диса меня предупреждала.

АРИ: Предупреждала? О чём это ты?

БЕТА: Она говорила... она сказала, что ты меня в гроб вгонишь.

АРИ: Немудрено.

БЕТА: Это было, когда... когда ты даже не мог в Германии взять для меня напрокат фортепиано.

АРИ: Ну, и гадина же она. И ты такое слушала?

БЕТА: Нет... нет...

АРИ: Значит, она – твой пример для подражания? Насколько я помню, она там таскалась с этим своим дитём, и жила безалаберно. Вечно эти тряпки...

БЕТА: Это «дитя» у меня сейчас на фортепиано учится.

АРИ: ... и вечно у тебя деньги занимала.

БЕТА: Лилья?

АРИ: Диса.

БЕТА: Нет, она у меня не всегда занимала.

АРИ: А почему она не отправила своё дитя учиться на пианино до

этих самых пор?

БЕТА: Не знаю. Она совсем перестала заходить. И она вовсе не жила безалаберно. Она училась. Просто у неё были другие интересы, чем у тебя. Она интересовалась буквально всем.

АРИ: Насколько я помню, митингами да бунтами. И тебя пытались туда же затащить. Честно говоря, когда она перестала заходить – это было таким облегчением.

БЕТА (*как будто догадалась*): Это ты её отпугнул. И когда ты наконец сподобился выучиться на инженера, друзей у меня не осталось.

АРИ: Сподобился? Позволь тебе напомнить, что я все предметы сдал на «отлично».

БЕТА: Тогда следовало жить полной жизнью... быть свободным... позволять себе что-нибудь...

АРИ: Не припомню, чтоб ты возражала.

БЕТА: Мне нельзя было связывать себя учениками или самой ходить на уроки.

АРИ: Я заботился о тебе. Это ты должна была быть свободной.

БЕТА: Свободной! Я пятнадцать лет была свободной, потому что ты позаботился о том, чтоб у меня не было других занятий, кроме того, чтобы баловаться музыкой. И всё же для того, чтоб завести ребёнка, никогда не находилось подходящего времени. Надо было обустроить твоё собственное инженерное бюро, дом, а потом и это убежище. Подходящий момент никогда не наступал.

АРИ: Ты меня упрекаешь за то, что я хотел как можно лучше обустроить всё для ребёнка? Мы всегда были согласны, что ребёнку – нашему ребёнку – должно достаться только всё самое лучшее и самое совершенное.

БЕТА: Да ты и не хотел ребёнка, Ари. Боже мой, как же я не сообразила! Ты ревнуешь к нерождённому ребёнку.

АРИ: Ложь!

БЕТА: И к музыке ты ревнуешь... и к моим ученикам. Ты боишься, что они у тебя что-нибудь отберут.

АРИ: Это просто смешно!

БЕТА: И даже здесь... когда ты испортил Кипр... тебя переполняют ревность и мнительность. Ты только и видишь, что каких-то мужчин, которые строят мне глазки. Ты ведь из-за этого весь Кипр разрушил?

АРИ: Да ты спятила! Уже и пошутить нельзя!

БЕТА: И наша история... одни на свете. Мы одни на свете. Другие все исчезли. Господи, ну как можно быть таким эгоистом!

АРИ: Пожалуйста, зови меня эгоистом. Меня это нисколечко не трогает.

БЕТА: Ребёнок мог бы тебе помочь.

АРИ: В нашем положении мы, скорее, должны радоваться, что у нас нет детей.

БЕТА: Ребёнка бы я наверху не оставила. Собственного ребёнка. Я не верю, что я рассталась бы с собственным ребёнком.

АРИ: И что? По-твоему, выжженная земля – это площадка для детей?

БЕТА: И поэтому... вот именно поэтому мы должны завести ребёнка.

АРИ: Поздно.

(Затемнение).

АКТ 5.

(Прошло чуть меньше недели. Утро, Бета накрывает стол для завтрака. Замечает, что банка с кофе опустела, выбрасывает её в мусорное ведро. На Бете заношенный халат. Волосы заметно грязные, а во всех её движениях появилась вялость. Ари выходит из хранилища воды с туалетным ведром и собирается подняться наверх).

БЕТА: Вот обязательно это делать, когда я накрываю на стол!

АРИ: Ведро переполнилось.

БЕТА: Мне станет дурно.

АРИ: А оно не воняет. Тут же всё химическое.

БЕТА: Не важно. Я всё равно чувствую вонь. Это мерзко.

АРИ: А ты думай, что это удобрения. Легче будет.

БЕТА: А может, нам поля начать возрождать, удобряя их собственным навозом?

АРИ: Да, если мы будем как следует стараться. *(Уходит наверх).*

БЕТА: Какая мерзость. Грязь и нечистоты. Куда ни глянь – грязь и нечистоты. Пыль... пыль... пыль... землёй пахнет... земля просачивается внутрь... душит меня... она повсюду... господи, эта вонь – от меня. Я грязная... я не мылась... уж не знаю, как долго... долго, долго... а как долго я здесь пробыла? ... И волосы. Даже в лёгких какая-то слякоть. Если бы только выбраться на волю... дышать, дышать свежим воздухом... а может, там дует ветер... сильный ветер... сильный... ураган... хочу на сильный ветер. – А бывала ли я когда-нибудь на сильном ветру? Я всегда забиралась от ветра в укрытие, в покой, в штиль, где ничего не происходит... я не умею дышать на ветру... А небо? Не помню. Наверно, я когда-то бывала на улице... наверно, я когда-то смотрела, как светят звёзды. – Наверно, весна уже пришла, ржанки прилетели. Ржанка? Откуда я знаю, как эта птица называется! Я её никогда об этом не спра-

шивала и в справочник не заглядывала. Мне всегда было всё равно. Эта птичка просто прилетала во двор весной поутру. Она пережила зиму. А я и не спрашивала, как ей это удалось... Что там Ари сказал: погибшая скотина. Гибель. Мои руки... негибкие... я больше не буду играть... слушать тишину. Как говорят поэты... или не поэты? Вздор. Не будет никаких ушей... и никаких глаз. И всё же я не знаю, где я смогла бы спрятаться. – Вся эта смерть, которую я оставила там наверху... (*На лестнице слышится шум и грохот*). Господи, что стряслось? (*Бета подбегает к двери и распахивает её настежь. Ари упал и лежит на лестнице, подобрав под себя ногу*). Ари! Что с тобой?

АРИ: Сама видишь!

БЕТА: Дай, я тебе помогу. Господи боже мой! Ты на ногу наступать не можешь?

АРИ: Это пустяки. Возьми это ведро проклятое.

БЕТА: Тебе надо присесть. (*Доводит его до стула*). Я тебя разую.

АРИ (*чувствуя сильную боль*): Ай, осторожнее.

БЕТА: Похоже, ты лодыжку сломал.

АРИ: Лодыжку! Вздор полнейший! Вечно ты ждёшь самого худшего. Синяк – и всё.

БЕТА: Принести аптечку? Или воды?

АРИ: Лучше костыли принеси.

БЕТА: Костыли? А у нас их нет.

АРИ (*сквозь стиснутые зубы*): Я пошутил.

БЕТА: Да, но...

АРИ: Помогите мне дойти до компьютера. (*Она доводит его до компьютера, а он проверяет всё ли идёт, как следует*). Всё как надо.

БЕТА (*доводит Ари до кровати и помогает ему улечься*): Скорее врача!

АРИ: Врача? Сюда?!

БЕТА (*сообразив*): Нет. Это невозможно.

АРИ: Нельзя терять рассудок из-за мелких неприятностей.

БЕТА: Но у тебя нога распухает!

АРИ (*шевелит ногой, издаёт жалобный стон, но тут же берёт себя в руки*): Пройдёт.

БЕТА: Тебе надо в травматологию.

АРИ: Травматологию!

БЕТА: Да, я тебя доведу.

АРИ: А ты знаешь, на что она сейчас похожа – если вообще уцелела?

БЕТА: Ари, милый, тебе нужно к врачу.

АРИ: А ты уверена, что из врачей кто-то выжил?

БЕТА: Ну, милый!

АРИ: Даже если кто-то из них и выжил, ты знаешь, чем они занимаются?

БЕТА: Нет, и слышать не хочу.

АРИ: Они оказывают помощь людям с обожжёнными лицами, пустыми глазницами, и жидкость из их вытекших глаз струится по щекам, а рты – воспалённые раны, из которых лезет гной, и их невозможно приоткрыть даже настолько, чтоб просунуть туда носик чайника...

БЕТА: Перестань... хватит... не могу. Что ты такое говоришь?

АРИ: Хиросима. Как я встану в очередь из таких людей – с одним синяком?

БЕТА: Нет... нет...

АРИ: А выходить ещё опаснее, чем перетерпеть небольшую царапину или опухлость на ноге.

БЕТА (*пытается привести свои мысли в порядок, но потом сдаётся*): Да, но...

АРИ: Наверно, ногу не мешало бы перевязать.

БЕТА: Да. – Где эластичные бинты?

АРИ: Нет, из запасов брать ничего нельзя. Найди что-нибудь другое.

БЕТА: У меня тут есть пояс. В нём есть резинка. (*Обматывает поясом его ногу*).

АРИ: Спасибо. Так лучше. Я немного полежу.

БЕТА: Я тебе кофе принесу. (*На полдороге к кухонной стене спохватывается*): Ари! Ты же еды на сегодня не принёс!

АРИ: Вот зараза! (*Хочет выйти из помещения, но не может наступить на ногу и стонет от боли*). Я не могу. Тебе придётся подождать.

БЕТА: Я схожу наверх за едой.

АРИ: Нет, Бета... Ты же обещала.

БЕТА: Но ты же не можешь без еды.

АРИ: До завтра вполне смогу.

БЕТА: Тогда я возьму из здешних запасов.

АРИ: Ты же знаешь, это нельзя. Ни при каких обстоятельствах.

БЕТА: Хотя бы что-нибудь попить. Апельсиновый сок. У нас его здесь просто хоть залейся. Всё равно мы хотели его в основном разбавлять.

АРИ: Да ни за что на свете. Вот: стоило хоть чему-то пойти не так – и ты уже готова всё испортить.

БЕТА: Неправда.

АРИ: Уж и с лестницы не упади... и обед не пропусти, – ты сразу начнёшь нарушать все принципы.

БЕТА: Я просто забочусь о тебе. Сама-то я уже давно потеряла ап-

петит.

АРИ: Уж я-то тебя знаю. Ради меня готова на всё, не так ли? Но решение дойти до конца мы принимали вместе.

БЕТА: Это решение принял ты.

АРИ: Ну ладно, я его принял! Да, его принял я! А ты когда вообще принимала какое-нибудь решение? Когда ты хотела взять на себя ответственность за что бы то ни было? А едва что-то произойдёт – от тебя столько нытья! А когда что-то не ладится, в этом не ты виновата, о, нет! Виноват всегда оказываюсь я.

БЕТА: Я не виню тебя за то, что ты упал.

АРИ: Нет, но – сдать! Обратиться к врачу... подьесть запасы, которые, как ты прекрасно знаешь, нельзя трогать, пока не взорвётся бомба. Ты даже не понимаешь, что стоит на кону.

БЕТА: Нет. – Да.

АРИ: Типичный ответ. Вот видишь... Когда в твоей голове умещалась целая мысль?

БЕТА: Пожалуй, никогда.

АРИ: Терпеть не могу, когда сдаются. Презираю.

БЕТА: Так и не сдавайся. Пожалуйста, пропадай здесь... помирай с голоду... мне наплевать.

АРИ: Да ладно?

БЕТА: И я могу принять решение – о себе самой. Я уйду. И ты физически не сможешь остановить меня.

АРИ: Но ты ведь это не всерьёз?

БЕТА: Наконец я могу принять решение... подумать целую мысль.

АРИ: Бета... я это сказал сгоряча.

БЕТА: С меня хватит.

АРИ (*пытается остановить её, но она уклоняется. Он падает с кровати, но успевает схватиться за её халат*): Бета, дорогая... не бросай меня. Ты же знаешь, как это важно. Смотри: если полистать дневники, тогда станет понятно, что это не бессмыслица...там вырисовывается некий алгоритм... я должен завершить...

БЕТА: Твоя компьютерная дребедень мне не интересна.

АРИ: В это убежище я вложил всё: деньги, время, все свои силы и инженерные способности... это моё детище... я его создал... не надо со мной так поступать... мы должны продержаться до конца...

БЕТА: Вот ты и останешься здесь.

АРИ: Нет... нет...

БЕТА: Всё равно ты хотел быть один на свете.

АРИ: Нет, я не могу без тебя... я не хочу быть без тебя...

БЕТА: Потому что я жуткая трусиха... ни рыба, ни птица.

АРИ: Эту историю выдумала ты.

БЕТА: А ты дал для неё материал.

АРИ: Поэтому это наша общая история... мы не можем друг без друга... *(Бета вырывается и медленно, нерешительно идёт к дверям, словно это первые в её жизни самостоятельные шаги)*. Не уходи... ты должна остаться здесь со мной.

БЕТА: Здесь? Да, ты хочешь держать меня именно здесь, а не где-нибудь в другом месте.

АРИ: Бета... не оставляй меня одного... Бета *(всхлипывает)*... я не могу один... Бета, я... мне страшно... *(утыкается лицом в пол)*.

(Бета, которая уже дошла до порога, медленно разворачивается и молча смотрит на него. Её лицо выражает жалость, печаль и поражение – когда она, наконец, возвращается и поднимает его с пола. Она помогает ему вернуться на кровать и укрывает его одеялом).

БЕТА *(решительно)*: Я принесу апельсинового сока.

АРИ *(сперва молчит, но потом не может сдержаться)*: Только смотри. Отмеряй точно!

БЕТА: Я отмерю точно.

(Вдруг наверху раздаётся шум, словно там кто-то ходит. Ари выхватывает из ящика тумбочки пистолет, собирается выскочить вон, но сникает).

АРИ: Помоги мне!

БЕТА *(подбегает к нему и на мгновение прижимается к нему, но потом окончательно соображает, что у него в руке пистолет)*: Нет... нет, Ари!

(Бета отступает от Ари, а шум затихает).

БЕТА: Так ты всерьёз!

АРИ: А не то?

БЕТА: Ты и впрямь собирался стрелять!

АРИ: Если бы возникла такая необходимость.

БЕТА: Господи!

АРИ: Почему ты этому удивляешься?

БЕТА: Ты... ты монстр!

АРИ *(защищается от Беты и вовсе не понимает её упрёков)*: Я?... А ты? Ты меня поддерживала... ты сама неделями упражнялась в стрельбе, пока мы не перебрались сюда.

БЕТА *(в страхе)*: Но не для того же, чтоб стать убийцей.

АРИ: Ты меня назвала убийцей?

БЕТА: Это... я этого не говорила.

АРИ: Ты намекнула, что я – кровожадный убийца – назвала меня монстром, потому что я пытался тебя защитить.

БЕТА: Меня защитить?

АРИ: Ты знаешь, для чего нам пистолет. Ты это знаешь так же хорошо, как и я.

БЕТА: Да, но я себе даже не представляла, о, боже мой, мне казалось... я не думала...

АРИ: Думаешь, мне весело оттого, что мне приходится всё время выполнять грязную работу?

БЕТА: Ари!

АРИ: Но в нашей ситуации больше нет такого понятия – «убийство». Это слово стёрли из словаря. Осталась только самооборона.

БЕТА: Но мы даже не знаем, кто это был. Или что там происходило. В дом кто-то заходил.

АРИ: Я знаю, что это были за люди. Бесприютные, голодные, больные, заразные... если они проведут про наш склад продуктов, если они хотя бы учуют наши консервы, то они накинута на нас, отнимут у нас последний кусок и последнюю каплю воды, и даже самый воздух. – Это не люди, это оскаленные волки, завывающие гиены. А ты! Не думай, что ты здесь сможешь заниматься благотворительностью, чинно раздавать хлеб да вино. Нет, милочка, эти люди отмечены смертью. Они больны от радиации, они опасны. Они сюда нанесут облучённых веществ. И ты через короткое время станешь такая же.

БЕТА: Мне невмочь такое слушать.

АРИ: Выживут только самые приспособленные.

БЕТА: Ари, милый, хороший, пойдём-ка наверх.

АРИ: Отсюда никто не сбежит – разве что в смерть.

(Затемнение).

АКТ 6

(Прошло чуть меньше недели. И на людях, и на обстановке лежит печать большой неопрятности и безразличия. Ари лежит в постели, у него жар. На Бете тот же халат, что и в пятом акте, он сильно запачкался и обносился. Она сидит рядом с Ари. По всему полу разбросан мусор, в изножье кровати туалетное ведро).

АРИ: Бета? Ты там?

БЕТА: Да.

АРИ: Компьютер работает?

БЕТА: Да.

АРИ: Сколько времени прошло?

БЕТА: Не знаю.

АРИ: Я давно покалечился?

БЕТА: Не знаю. Как ты себя чувствуешь?

АРИ: Немножко устал.

БЕТА: Если б ты согласился поесть, это прибавило бы тебе сил. (*С трудом встаёт и подходит к кухонной стене*).

АРИ: Не уходи.

БЕТА: Я недалеко.

АРИ: Из запасов ничего не бери.

БЕТА (*подходит к изголовью Ари со стаканом апельсинового сока в руке*): Вот тебе апельсиновый сок.

АРИ: А уже пора?

БЕТА: Наверно.

АРИ: Надо точно знать.

БЕТА: Я точно знаю.

АРИ: Ты ведь не уйдёшь, правда, Бета?

БЕТА: А куда мне уходить?

АРИ: Подниматься наверх для тебя опасно.

БЕТА: Наверху мерзость запустения. Я там всё уничтожила прежде, чем спуститься сюда.

АРИ: Не хочу оставаться один.

БЕТА: Ари, посмотри, у меня глаза не как у кота?

АРИ: Кота?

БЕТА: Помнишь птичку, которая каждую весну прилетала к нам в сад?

АРИ: Нет.

БЕТА: А к нам в сад прилетала птичка, Ари. Каждую весну. И однажды в уголке сада притаился в засаде кот. Он лежал там, словно монстр, готовый прыгнуть на птичку и сожрать её. И вдруг я кое-что заметила. У кота глаза странно сияли: как будто он восхищался пением этой птички перед тем, как убить её...

АРИ: И что?

БЕТА: Ну... я тогда ничего не сделала. Даже не вышла в сад, чтобы прогнать кота.

АРИ: Коту тоже надо что-то есть.

(*Пауза. Ари поднимает голову с подушки*).

БЕТА: Ты очень голодный?

АРИ: Дай мне крючок. Попробую немного поковать.

БЕТА (*не двигается*): Поешь всё-таки: это прибавит тебе сил.

АРИ: Нельзя... пока не взорвётся бомба. А я пока не слышал взрыва.

БЕТА: В нашем убежище такие мощные стены, что мы его и не услышим.

АРИ: Наверно, я смогу поработать.

БЕТА: У тебя температура.

АРИ: Побудь со мной...

БЕТА: Я расскажу тебе историю... нашу историю. Жил-был мальчик, и звали его Ари. И была у него жена, которая умела превращаться в каких угодно существ. Она умела превращаться в рыбу, которую он вылавливал, чтобы ему не было голодно, а когда он отдыхал, она превращалась в птицу, которая укрывала его своими крыльями, пока он спал... а когда она была женщиной, то ей снился сон (*словно в трансе, открывает ящик тумбочки незаметно для Ари, вынимает оттуда пистолет и вертит его в руках, пока рассказывает*)... будто она лежит на зелёной травке, а мелодии овевают её как ласковые ветерки и падают на неё как капельки дождя...

АРИ: Ты взрыв слышала?

БЕТА: Ещё нет.

(На лестнице слышатся шаги. Бете становится очень сильно не по себе – на грани с физической болью. Ей противно; она готовится защищаться и нацеливает пистолет на дверь. Она стоит в той же позе и на том же месте, как Ари в пятом акте).

ЛИЛЬЯ (за сценой): Есть тут кто-нибудь?

(Дверь открывается, и в проёме показывается Лилья. Она бодрая, самостоятельная, жизнерадостная молодая девушка с сияющим лицом. Одета она весьма по обыкновенному: джинсы и верхняя одежда. Едва увидев её, Бета опускает пистолет. Выражение лица Лильи говорит, что она удивлена увиденным, – но она не робеет и делает шаг в помещение).

БЕТА (бросается в изножье кровати, охваченная сокрушением по поводу того, как повела себя только что): Лилья!

АРИ (едва способный поднять голову от подушки): Бета, скорее!

БЕТА (Лилье): Что ты здесь делаешь?

АРИ: Бета, не мешкай!

ЛИЛЬЯ: Я пришла на занятия.

БЕТА: Занятия?

ЛИЛЬЯ: Сегодня же четверг.

БЕТА (*встаёт, но оставляет пистолет на кровати*): Я же тебе говорила, что меня дома не будет.

ЛИЛЬЯ: Что тебя дома не будет? Нет, не говорила.

БЕТА: Наверно, должна была сказать.

ЛИЛЬЯ: Нет, клянусь. Я и в прошлые четверги приходила и всё не могла понять: что это тебя вечно дома нет!

АРИ: Вот зараза!

БЕТА: Неужели я забыла...? Боже мой!

АРИ (*Бете*): Это ты в своём репертуаре!

ЛИЛЬЯ: Так мне сегодня не надо было приходиться?

БЕТА: Нет, я... я, собственно говоря, на Кипре.

ЛИЛЬЯ: Да уж вижу.

БЕТА: Как ты попала в дом?

ЛИЛЬЯ: Через подвальное окошко. Там петли были сломаны – и замок тоже. Я подумала: как странно, что в доме всегда никого нет, – и я зашла за дом, в сад, – мне ваша ветряная мельница так понравилась...

АРИ: А потом?

ЛИЛЬЯ: А потом я увидела это окошко, и мне показалось, что что-то неладно – вдруг к вам воры забрались, – и я залезла в дом, а потом увидела этот люк, который у вас там наверху...

БЕТА: А к нам воры забирались?

ЛИЛЬЯ: Не знаю. (*Внезапно изумляется*). А вы разве сами не знаете?

БЕТА: Мы наверх не поднимались...

АРИ: Ни слова!

ЛИЛЬЯ (*Внимательно смотрит на Ари*): Что у вас произошло?

БЕТА: Он сломал лодыжку.

ЛИЛЬЯ: Я помогу тебе втащить его наверх.

БЕТА: Нет!

ЛИЛЬЯ (*отступает от изголовья к изножью. Пистолет совсем рядом с её рукой, она берёт его и разглядывает*): А это настоящий пистолет?

БЕТА: Да.

ЛИЛЬЯ (*с отвращением кладёт пистолет обратно на кровать*): Но... ты ведь не хотела меня застрелить, правда?

БЕТА (*замечает, что Ари украдкой тянет к пистолету руку, садится рядом с ним, отвечает обоим одновременно, почти резко*): Нет.

АРИ: Бета!

ЛИЛЬЯ: Он что – так и будет здесь лежать?

БЕТА: Да.

ЛИЛЬЯ: Ну? – Ах, простите, что я к вам так вторглась.

АРИ: Ты клянчишь у нас еду и кров.

ЛИЛЬЯ: Еду и кров? Я? Нет, у меня такое правило: клянчить только предметы роскоши, конфеты, например.

БЕТА: У нас конфет нет.

ЛИЛЬЯ (*больше не в силах сдержать любопытство, начинает рассматривать бомбоубежище*): Что это за жилище такое?

БЕТА: Ядерное бомбоубежище.

АРИ: Да помолчи ты!

ЛИЛЬЯ: Бомбоубежище? (*Издаёт смешок, но резко замолкает*).

БЕТА: Ари построил самое совершенное в стране убежище, чтоб мы наверняка пережили ядерную войну.

ЛИЛЬЯ: А я и не знала, что такое бывает. Тут дышать вообще нечем. И темно. (*Заглядывает в туалетное ведро*). И в ведре человеческое г...

БЕТА: Ари не смог его вынести.

ЛИЛЬЯ (*читает на консервных банках*): Грибы, фасоль, черничное варенье. Прямо как в супермаркете.

АРИ: Заткнись.

БЕТА: Мы ничего их этого не тронем, пока не взорвётся бомба.

ЛИЛЬЯ: Ну, ради бога. Я не голодная.

АРИ (*Бете*): И ты дашь ей совать всюду свой нос? (*Лилье*). Компьютер не трогай.

ЛИЛЬЯ (*внимательно разглядывает компьютер*): Удивительно. (*Поворачивается к ним*). А что вы делаете в этом месте?

БЕТА: Выживаем.

ЛИЛЬЯ: Выживаете? В смысле?

БЕТА: Переживаем ядерную войну.

ЛИЛЬЯ: Но вы же... нет, я поверить не могу. Вы были здесь всё это время?

БЕТА: Да.

ЛИЛЬЯ: Ты же должна была быть на этом... Родосе?

БЕТА: На Кипре.

ЛИЛЬЯ: На Кипре.

БЕТА: Да.

ЛИЛЬЯ: Три с лишним недели?

БЕТА: Не знаю.

ЛИЛЬЯ: И вы эту еду не брали?

БЕТА: С тех пор, как Ари сломал ногу – нет.

ЛИЛЬЯ: А это давно случилось?

БЕТА: Не знаю.

ЛИЛЬЯ: Да ладно тебе, Бета. Я в это не верю. Ты ведь не всерьёз!

БЕТА: Отнюдь.

ЛИЛЬЯ: И долго вы здесь ещё будете сидеть?

БЕТА: До самого конца.

ЛИЛЬЯ: Бета... ты... ты больна!

БЕТА: Нет.

ЛИЛЬЯ: Ну... что вышло, то вышло... ну, короче... в общем, сегодня у нас урока музыки не будет.

БЕТА: Нет. Тут и инструмента нет, как видишь.

ЛИЛЬЯ: Значит, я... ну, я пошла. *(Направляется к двери).*

БЕТА *(кричит, словно зовёт на помощь)*: Нет! *(В тот же миг вскакивает и преграждает Лилье путь пистолетом).*

ЛИЛЬЯ: Мне нельзя уйти?

БЕТА: Нет... я... это невозможно.

ЛИЛЬЯ: Ничего не понимаю. Почему мне нельзя уйти?

БЕТА: Потому... потому...

АРИ: Потому что об этом убежище никто не должен знать. *(Бете)* Почему ты сразу не выстрелила?

БЕТА: Я всё всегда не так делаю.

АРИ: Радуйся, что Бета сдрейфила, и поэтому ты ещё жива.

ЛИЛЬЯ: Так у вас и вправду всё на полном серьёзе. Бета, ты знаешь, я не разболтаю. Я никому не скажу, что тебя видела. Обещаю.

БЕТА: Но ты ведь меня видела.

ЛИЛЬЯ: Бред полнейший. Вы больны. Ты что, не видишь: ему нужен врач, а ты... я тебя больше не узнаю.

БЕТА: Однако я больше не красивая.

ЛИЛЬЯ: Я тебе помогу... я тебя отмою, причешу... и ты пойдёшь наверх со мной.

АРИ: Бета, не слушай её.

ЛИЛЬЯ: «Я буду век ему верна»?

БЕТА: Да не в этом дело... хотя... может быть.

ЛИЛЬЯ: Я сбегая за помощью.

БЕТА: Нет.

ЛИЛЬЯ: Но не можете же вы... не позволю так со мной поступать... не позволю сгноить меня в этом склепе.

БЕТА *(наставляет на неё пистолет)*: Сядь!

(Лилья отступает под дулом пистолета и садится. Бета обессиленная, падает на кровать. Некоторое время тишина).

ЛИЛЬЯ: Сейчас кто-нибудь мог бы сказать, что Лилии Полевой не повезло. Какой облом!

БЕТА: Лилии Полевой?

ЛИЛЬЯ: А это меня так зовут. Мама какому-то пастору-немцу мозги запудрила, чтоб он меня так окрестил. Сказала ему, что это ис-

ландское имя такое¹.

БЕТА: Она мне такого не рассказывала. Или я это забыла. Я столько всего забыла.

(Всё ещё молчание. От нечего делать Лилья достаёт из кармана блокфлейту и начинает играть. Это тема из менюэта в начале первого акта. Услышав эти звуки, Бета содрогается, словно от физической боли. Затем встаёт и подходит к Лилье. Пистолет остаётся на кровати).

БЕТА: Просто ужас, как ты Баха играешь!

ЛИЛЬЯ: Я на флейте никогда не училась. Я её взяла, потому что её удобнее носить в кармане, чем фортепиано.

(Бета вырывает у Лильи флейту, словно голодающий, дорвавшийся до куска, играет одну высокую ноту, заканчивающуюся стоном, и отдаёт, буквально суёт, флейту Лилье в руки. Садится на стул).

БЕТА: Почему тебе хочется учиться музыке?

ЛИЛЬЯ: Почему? – Хочется – и всё.

БЕТА: Тебе это для чего-нибудь нужно?

ЛИЛЬЯ: Нужно? Да ты в своём уме, я же неспособная. Мне это просто нравится. Я это делаю для себя. Мой девиз – я ему от мамы научилась – «Получай удовольствие от того, что делаешь, и делай что-то, только если это приносит тебе удовольствие». Иногда я это и против неё использовала.

БЕТА: Ты часто напоминаешь её.

ЛИЛЬЯ: Я, наверно, не такая амбициозная. Я считаю, что не надо обязательно стараться брать эту единственную чистую, – ну, ты понимаешь... мне лишь бы хоть какую-то ноту взять.

БЕТА: Если я тебя отпущу...

ЛИЛЬЯ: Да.

БЕТА: Ты обещаешь...?

ЛИЛЬЯ *(перебивает)*: Да, я буду молчать как рыба.

БЕТА: Ты обещаешь забыть меня... никогда не вспоминать меня?

ЛИЛЬЯ *(собирается выбежать, но раздумывает. Слова Беты вызвали у неё подозрение, что Бету будет небезопасно оставлять здесь. Она бросает взгляд на Ари, но тот лежит без движения)*: Я хо-

¹ На самом деле это библейский фразеологизм, отсылка к известной цитате: «Посмотрите на полевые лилии, как они растут: не трудятся, не прядут. Но говорю вам, что и Соломон во всей славе своей не одевался так, как всякая из них». (Матфей 6:28-29). (Прим. пер.).

чу, чтоб ты пошла со мной. Пойдём наверх, на пианино поиграем? Сегодня же четверг.

БЕТА: Тебе с блокфлейтой лучше.

ЛИЛЬЯ: Но Бета, ты что, не видишь, как это всё ненормально? Вы прозябаете в этой... в этой могиле в страхе перед ядерной бомбой. От чего вы не делаете хоть что-нибудь?

БЕТА: По-твоему, это – не «делать что-нибудь»?

ЛИЛЬЯ: Война – это же не слепая стихия, как извержение вулкана.

БЕТА: Мы спасаем жизнь.

ЛИЛЬЯ: Нет, вы тренируетесь для смерти. – Тебе нужно наверх!

БЕТА: Дитятко, ты что, не понимаешь: я убила всё, что было наверху. Я бы не вынесла дневного света.

ЛИЛЬЯ: Я тебя поведу.

БЕТА: Даже свет твоих глаз слепит меня. Он в 270 раз сильнее солнечного.

ЛИЛЬЯ: Я могу закрыть глаза.

БЕТА: Однажды ты посмотрела на меня так, словно я – просто вещь в моей собственной гостиной.

ЛИЛЬЯ: Это только сперва... а потом ты начала играть, помнишь... если мы поднимемся наверх, ты сможешь играть... тогда ты сможешь начать сначала.

БЕТА (*в какой-то момент вот-вот готова поддаться, но потом опять запирается*): Нет, кто побывал на Кипре, тому уже нет возврата.

ЛИЛЬЯ: Но не можешь же ты просто взять и сгнить тут!

БЕТА: Дружочек, зачем же так мрачно! Смерть – это не гниение. Это лежание на зелёной травке среди бесконечного поля, когда мелодии овевают тебя как ласковые ветерки и падают на тебя как капельки дождя...

ЛИЛЬЯ: То, что ты описываешь – это не смерть. Это жизнь.

БЕТА: Скорее наверх... поторапливайся!

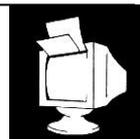
ЛИЛЬЯ: Я пойду... но я вернусь... (*Бежит к двери*).

(*Ари добрался до пистолета; он застреливает Лилью в спину. Она безжизненно падает*).

БЕТА (*не вставая и не смотря на Ари*): Теперь нас ничто не спасёт – только бомба!

(*Затемнение*)

Перевод с исландского Ольги Маркеловой

АШОТ САГРАТЯН

ЭФФЕКТ ПОСМЕРТНОЙ МАСКИ

Живая плоть авторской речи, забранная в поэтическую ли, прозаическую или какую иную форму, несёт в себе энергетический заряд образности, взрывающей сознание.

Пристраиваясь к ходу авторского повествования, переводчик едва ли должен подстраиваться под него, имитируя параллельными зигзагами рисунок мысли. Его задача – проникнуть внутрь художественной ткани и оттуда испускать импульсы, способные восстановить тембр и темп подачи смысла.

Холодное копирование без «жилки», бьющейся то на виске, то сердечной мышце, не представляется возможным. Считывание преодолением сопротивления материала начинается с площади листа, с ритмографии, с настройки на «дыхание фразы». Диалог с сокрытым происходит не явно, скорее, на подсознательном уровне, когда трепет догадок отворяет фасеточное зрение – разглядеть до мелочей весь расклад авторского замысла.

Наложение невероятного на риски возможного рождает кружево, секрет плетения которого постижим при наличии автоматизма, вырабатываемого индивидуально. Любое «притягивание за уши», сплошь и рядом встречаемое, уводит от цели, размывая границы, очерченные задумкой.

К примеру, снискавший известность Сергей Шервинский, долгие годы переводивший древних греков и латинян, взявшись за перевод исторического романа Хачатура Абовяна, «накачанного» пафосом освободительного движения армян, работая по подстрочному переводу, сподобился разве что на замещение авторского текста своим лексиконом, остудив пылкую кровь авторской речи до хлада греко-римского мрамора. Выспренность отдаёт пафос, блекнет алый цвет жертвенности, остужен жар души. Перед читателем слепок с оригинала, этакая посмертная маска романа с деформированными «а ля Шервинский» чертами лица. Невольно задаёшься вопросом: как быть?

Из уважения к старейшему мастеру слова, сподобившемуся на склоне дней издать свой более чем запоздалый поэтический сборник,

никто не решается «покуситься» на доброе имя. Однако, справедливости ради, следует признать, что роман этот, первенец современного литературного языка, сотворённый его основоположником Абовяном, признанным классиком, требует быть прочитанным сегодня в лексическом ключе своей четверти века.

Да, потребуется известная архаизация текста. Как известно, любая реставрация должна бежать новодела, лакировочной стилизации. Академический же подход требует времени и средств. Ну и переводческого проникновения в **дух того** времени. Помимо явных знаков препинания, применительно к этому роману существуют такие понятия, как логический акцент, инверсированный клич, будитель национального самосознания. В итоге, даже посмертная маска, коей большей частью и остаётся перевод, по большому счёту, должна оставлять читателю право домысливать мир чувствований героев романа.

Грязная пена потребительства низкого пошиба со временем схлынет. На книжной же полке каждой интеллигентной семьи, читающей на русском, должен красоваться Абовян подлинный – во плоти своего своеобразия. А в идеале вся наша классика должна стоять на полках в оригинале и в достойных взыскательного вкуса переводах.

Постскриптум: искренне полагая, что справился с переводом поэмы П. Севака «Бессонного набата колокольня», смею надеяться, что Президент Армении и Правительство республики выделят необходимые средства на новый перевод и издание на русском «Ран Армении» Х. Абовяна.

На Международные книжные ярмарки республика обязана выходить с лучшими достижениями национальной литературы. Ни для кого не секрет, что добротной переведённой и отлично изданная книга может стать визитной карточкой культуры, которую она представляет.

НИКОЛАЙ ВОРОПАЕВ

В ИЕРОГЛИФАХ САМА ЖИЗНЬ

В этом году исполняется 20 лет, как я закончил учёбу на нашем любимом инязе ЗабГПУ. Меня часто спрашивают, сколько лет я учил китайский язык. Всегда отвечаю, что 5 лет в вузе и до сих пор непрерывно продолжаю изучать. Действительно, этот интереснейший язык не позволяет расслабляться. Сочетание разного рода специфических механизмов, заложенных в глубокой древности, с непрерывным и гибким развитием этого языка на протяжении тысячелетий всегда даёт пищу для размышлений и исследований. Иероглифы, бесспорно, являются

самым удивительным феноменом в системе этого древнего языка. Механизмы их возникновения и эволюции описаны во множестве научных трудов. Но до широкой аудитории эта информация доходит редко из-за большого объёма и сложности изложения. Даже мы, китаисты, порой не можем полностью осознать всю глубину этого феномена.

Весной прошлого 2017 года издательство АСТ обратилось ко мне с предложением составить книгу с китайскими иероглифами и картинками для широкой публики. Целый месяц я думал над концепцией. И тут на выручку пришёл новый китайский словарь иероглифов, в котором с помощью иллюстраций объясняется этимология, история происхождения некоторых китайских иероглифов [2]. Углубившись в изучение этого словаря, я открыл для себя много нового и интересного. Я осознал, что в китайских иероглифах отображена сама жизнь, фрагменты эволюции человечества. В результате в сентябре 2017 года из печати вышло учебное пособие по китайскому языку «Учим китайский язык: от иероглифа к слову» [1]. В книге представлена новая концепция работы с китайским языком, с помощью которой объясняется, как древние китайские иероглифы функционируют в качестве и в составе современных слов и словосочетаний. Книга знакомит читателя с древними начертаниями и исходными значениями самых употребительных китайских иероглифов, и это помогает лучше понять их современные графические формы и значения в современном китайском языке. Анализ многосложных слов по компонентам, примеры которого даны в каждой статье, помогает быстрее учить китайские слова и лучше понимать их суть. Вся информация и иллюстрации даются в соответствии с авторитетным китайским источником.

Предлагаю кратко ознакомиться с этой работой.

Представлю одну (первую) статью полностью, как в книге, а по другим нескольким иероглифам дам информацию сокращённо. Для экономии места и большей наглядности иллюстрации в этой статье разместил в один ряд (в книге они расположены по-другому), слева иероглиф древнего начертания, посередине современный рисунок, ясно иллюстрирующий то, что изображал иероглиф древнего начертания, и справа иероглиф в традиционном написании (как известно, часть китайских иероглифов была упрощена в середине прошлого века, но истоки иероглифа можно увидеть только в традиционном варианте).

1. Иероглиф 包

упрощённый

традиционный

чтение

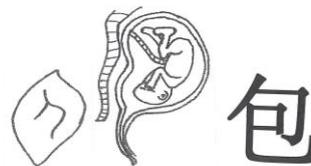
нет

包

bāo [бао]

Основные значения:

1. заворачивать, обертывать; упаковывать; перевязывать (напр. рану) 2. сверток; пакет; сумка 3. счётное слово для пакетов, предметов в упаковке 4. опухоль; шишка 5. брать на себя всю ответственность 6. гарантировать 7. включать в себя, охватывать 8. нанимать, фрагтовать.

Иероглиф 包 древнего начертания изображал ребёнка в утробе матери. Исходное значение *плацента*. Позже значение расширилось и появились значения 包裹 bāoguǒ 1) *упаковывать; перевязывать* 2) *узел; пакет; посылка*, 包围 bāowéi *окружать, брать в кольцо*, 包括 bāokuò *охватывать, включать; в том числе*. Исходное значение стали записывать иероглифом 胞 bāo 1) *детское место, послед, плацента; оболочка плода* 2) *утроба; единопутробный; родной*.

Некоторые слова и словосочетания современного китайского языка, в состав которых входит иероглиф 包

包子 bāozi пирожок

外包 wàibāo аутсорсинг

包裹 bāoguǒ пакет; посылка

承包 chéngbāo брать подряд; подряд; подрядный

Примеры анализа некоторых многосложных слов по компонентам:

包 bāo сверток + 子 zǐ суффикс существительных = пирожок

外 wài внешний; снаружи + 包 bāo нанимать = аутсорсинг

承 chéng брать + 包 bāo охватывать, включать в себя + 商 shāng торговец; коммерсант = подрядчик.

Предложения с иероглифом 包

这件事情我包了! zhè jiàn shìqíng wǒ bāo le Это дело я беру на себя!

我爱吃包子。wǒ ài chī bāozi Я люблю есть пирожки.

为了减少公司的费用我们采取外包。

wèile jiǎnshǎo gōngsī de fèiyòng wǒmen cǎiqǔ wàibāo

Для снижения расходов компании мы используем аутсорсинг.

他们将在总承包的条件下建水泥厂。

tāmen jiāng zài zǒng chéngbāo de tiáojiàn xià jiàn shuǐní chǎng
Они будут строить цементный завод на условиях генерального подряда.

И ещё несколько примеров иероглифов. Для экономии места приведём лишь некоторые самые, на наш взгляд, интересные слова с этими иероглифами, примеры с предложениями приводить не будем.

2. Иероглиф 爱

упрощённый

традиционный

чтение

爱

愛

ài [ай]

Основные значения:

1. любить; любовь; любимый 2. нравиться; любить 3. любить; беречь 4. легко поддаваться (чему-либо).

Иероглиф 爱 древнего начертания изображал человека, держащего двумя руками сердце и передающего его другому человеку. Исходное значение иероглифа *испытывать глубокие чувства, привязанность, эмоции к человеку или предмету*. После расширения исходного значения иероглиф приобрёл значения *жалеть, беречь, заботиться, нравиться, любить*, например, 爱面子 ài miànzi (*буквально заботиться о лице*) заботиться о своей репутации, бояться потерять лицо; забота о сохранении лица; заботиться о сохранении лица; самолюбие; самолюбивый. 爱公物 ài gōngwù беречь общественное имущество.

Примеры слов и словосочетаний:

爱情 àiqíng любовь, чувство любви; привязанность

爱人 àiren 1) муж, жена 2) возлюбленный, возлюбленная

爱国主义 àiguózhǔyì патриотизм

爱国者 àiguózhě патриот

Примеры анализа слов по компонентам:

爱 ài любовь + 情 qíng чувство = любовь, чувство любви

爱 ài любить + 国 guó государство; страна; родина + 主义 zhǔyì суффикс «изм» = патриотизм

爱 ài любить + 国 guó государство; страна; родина + 者 zhě суффикс существительных, обозначающих лиц, принадлежащих к той или иной профессии или категории лиц = патриот.

3. Иероглиф 安

упрощённый

традиционный

чтение

нет

安

ān [ань]

Основные значения:

1. спокойный 2. успокаивать 3. безопасный; безопасность 4. успокаиваться; быть довольным (чем-либо) 5. устанавливать, монтировать 6. устраивать, размещать 7. создавать, основывать 8. замышлять, затаить.

Иероглиф 安 древнего начертания изображал женщину, находящуюся в доме, и передавал понятие безопасности. Исходные значения *благополучный; благополучие; спокойствие*. После расширения этих значений иероглиф приобрёл следующие значения: 1) *спокойный, стабильный; спокойствие, устойчивость* 2) *успокоить(ся); стабилизировать(ся)* 3) *привыкнуть, чувствовать себя комфортно в каком-либо окружении, обстановке или относительно чего-либо*, например, в составе фразеологизмов:

坐立不安 zuòlì bù'ān *букв. невозможно спокойно ни стоять, ни сидеть; образно в значении: не находить себе места, как на иголках, быть охваченным беспокойством*

安于现状 ān yú xiànzhuàng *довольствоваться тем, что есть, мириться с созданным положением, ни к чему не стремиться.*

Примеры слов и словосочетаний:

安全 ānquán *безопасность; безопасный*

晚安 wǎn'ān *спокойной ночи!*

4. Иероглиф 长

упрощённый

традиционный

чтение

长

長

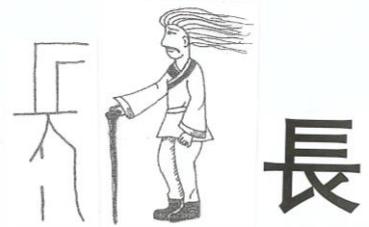
cháng zhǎng

чъхань] [джань]

Основные значения:

cháng 1. длинный 2. длительный, долгий 3. длина, протяжение, протяжённость 4. достоинство, преимущество 5. быть сильным (в какой-либо области); быть мастером чего-либо; хорошо владеть чем-либо.

zhǎng 1. расти; вырасти 2. увеличивать; расширять 3. старший (по возрасту) 4. начальник; командир; директор; глава.

Иероглиф 长 древнего начертания изображал старика с длинными волосами, который стоит, опираясь на посох. Исходное значение данного иероглифа *старый человек*, чтение – zhǎng. В древности люди не стригли волосы и у старых людей волосы были очень длинными, поэтому позже у этого иероглифа появилось значение *длинный* и второе чтение cháng.

Примеры слов и словосочетаний:

长城 chángchéng Великая китайская стена

机长 jīzhǎng командир воздушного судна

校长 xiàozhǎng ректор университета [института]; директор школы

5. Иероглиф 巢

упрощённый
нет

традиционный
巢

чтение
cháo [чъхао]

Основные значения:

1. гнездо 2. логово; притон.

Иероглиф 巢 древнего начертания изображал птичье гнездо на дереве. Позже для ещё большей образности к гнезду были добавлены три птенца. Исходное значение иероглифа 巢 *птичье гнездо*. После расширения исходного значения иероглиф 巢 приобрёл значения *логово (врага), (бандитский) притон*.

Примеры слов и словосочетаний:

鸟巢 niǎocháo птичье гнездо

鸟巢 niǎocháo «Птичье гнездо» (国家体育场 guójiā tǐyùchǎng национальный государственный стадион) в Пекине

6. Иероглиф 尘

упрощённый

традиционный

чтение

尘

塵

chén [чъхэн]

Основные значения:

1. пыль 2. земная юдоль; бренный мир, мирская суета; мирские (земные) заботы; пошлость; мирской, суетный, бренный 3. след (ноги); деяния предшественников.

Иероглиф 尘 древнего начертания состоял из трёх иероглифов 鹿 lù ‘олень’ и двух иероглифов 土 tǔ ‘земля’, это означало пыль, поднимаемую мчащимся оленьим стадом. Исходное значение иероглифа *пыль*. После расширения исходного значения иероглиф приобрёл значение *следы* (в прямом и переносном смысле).

Примеры слов и словосочетаний:

尘世 chénshì земная жизнь; бренный мир; житейский

吸尘器 xīchénqì пылесос

Пример анализа слова по компонентам:

吸 xī всасывать + 尘 chén пыль + 器 qì аппарат = пылесос

7. Иероглиф 承

упрощённый

традиционный

чтение

нет

承

chéng [чъхэнь]

Основные значения:

1. подпирать (снизу) 2. брать (подряд и т.п.); принимать (напр., заказ на что-либо) 3. благодарить за оказанную честь 4. продолжать; преемствовать.

Иероглиф 承 древнего начертания изображал две руки, которые снизу держат человека. Исходное значение *держать обеими руками; поддерживать, подпирать*. После расширения исходного значения иероглиф 承 приобрёл значения 1) *пройти через, подвергнуться, выдержать (напр., испытания и т.п.)* 2) *преемствовать; продолжать* 3) *наследовать (напр., имущество)*.

Примеры слов и словосочетаний:

承包 chéngbāo брать подряд

承认 chéngrèn 1) признавать (напр., ошибку) 2) признавать (напр., новое государство)

继承人 jìchéng rén юр. наследник

8. Иероглиф 会

упрощённый

традиционный

чтение

会

會

huì kuài
[ху(э)й] [кхуай]

Основные значения:

huì 1. встречать(ся); собираться 2. собрание; заседание 3. общество; союз 4. ярмарка; базар 5. уметь; мочь; владеть 6. перед глаголом указывает на будущее время 7. время; момент 8. случай, момент **kuài** подсчитывать; учитывать; учёт; бухгалтерия.

Иероглиф 会 древнего начертания изображал наполненный пищей сосуд с крышкой наверху. Исходное значение иероглифа 会 *крышка*. В книге «И-ли» (仪礼 yí lǐ «Образцовые церемонии и правила благопристойности»; одна из 13 книг конфуцианского канона) есть фраза

命佐食后会 mìng zuǒ shí qǐ huì ‘*пусть ответственный за еду снимет крышку*’. В этой фразе иероглиф 会 употребляется в исходном значении. В древности снятие крышки с ритуального сосуда было одним из действий в обряде жертвоприношения. После расширения исходного значения иероглиф 会 приобрёл значение *собираться, сходиться с определённой целью*.

Примеры слов и словосочетаний:

会议 huìyì собрание; конференция; заседание; совещание
 会诊 huìzhěn *мед.* консилиум; собирать консилиум
 社会 shèhuì общество; общественный; социальный

Примеры анализа слов по компонентам:

会 huì собираться вместе + 诊 zhěn ставить диагноз = консилиум
 委 wěi уполномочить + 员 yuán член (организации), полномочный участник + 会 huì общество = комиссия, комитет

9. Иероглиф 危

упрощённый

традиционный

чтение

нет

危

wēi [уэй]

Основные значения:

1. опасный; быть в опасности; опасность
 2. угрожать
 3. вредить
 4. (быть) при смерти
 5. высокий; крутой; обрывистый.

Иероглиф 危 древнего начертания изображал, как повозка оказалась в опасной ситуации и человек резко хватает колесо повозки, чтобы остановить её. Исходное значение иероглифа 危 *опасный; быть в опасности; опасность*. После расширения исходного значения иероглиф 危 приобрёл значения 1) *вредить; причинять вред* 2) *возвышение; высокое место*.

Примеры слов и словосочетаний:

危害 wēihài вредить; причинять вред; вред
 危机 wēijī кризис
 经济危机 jīngjì wēijī экономический кризис

金融危机 jīnróng wēijī финансовый кризис

Пример анализа слова по компонентам:

危 wēi опасный; опасность + 机 jī удобный случай; важный (подходящий) момент; возможность = кризис

10. Иероглиф 龙

упрощённый

традиционный

чтение

龙

龍

lóng [лунь]

Основные значения:

1. дракон 2. императорский.

Иероглиф 龙 древнего начертания изображал сказочного волшебного животного из мифов и преданий с рогами, чешуёй, большим ртом и длинным телом. Так как дракон считался чудесным существом, поэтому использовался как символ императора и всех предметов, которыми пользовался император; это подтверждают, например, такие слова как 龙颜 lóngyán *царственный (величественный) лик; лицо императора; император*, 龙体 lóngtǐ *тело/здоровье государя, тело/здоровье императора*, 龙床 lóngchuáng *императорское ложе*. Позже с помощью иероглифа 龙 стали называть животных, которые внешне напоминают дракона, например, 恐龙 kǒnglóng *динозавр*, 翼龙 yìlóng *летающий ящер, птерозавр* и т.п.

Примеры слов:

龙卷风 lóngjuǎnfēng смерч

霸王龙 bàwánglóng тираннозавр

11. Иероглиф 教

упрощённый

традиционный

чтение

нет

教

jiào jiāo [дзяо]

Основные значения:

jiào 1. обучать; преподавать; наставлять 2. заставлять; велеть 3. религия; вера jiāo обучать; преподавать

Иероглиф 教 древнего начертания изображал руку, держащую указку, которая хлещет ребёнка этой указкой. Два крестика означают удары указкой. Исходное значение иероглифа 教 *воспитывать; воспитание; обучение.*

Примеры слов и словосочетаний:

教师 jiàoshī учитель, педагог; преподаватель; наставник; ментор

教室 jiàoshì классная комната, класс; аудитория

宗教 zōngjiào религия; религиозный

Пример анализа слова по компонентам:

教 jiào религия, учение + 堂 táng зал = храм

12. Иероглиф 交

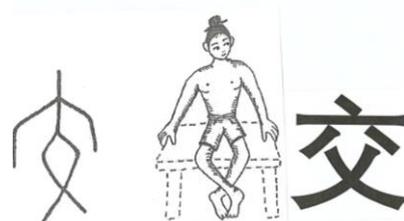
упрощённый
нет

традиционный
交

чтение
jiāo [дзяо]

Основные значения:

1. сдавать; отдавать; вручать; вносить; платить 2. иметь связь [отношения]; водить знакомство 3. *книжн.* дружба; знакомство 4. пересекаться; переплетаться; стык 5. обмениваться; взаимно 6. половая связь; совокупление; случка 7. кувыркнуться; кувырок 8. (торговая) сделка.

Иероглиф 交 древнего начертания изображал человека, который сидит, скрестив ноги. Исходное значение иероглифа 交 *пересекаться; перекрещиваться; перемежаться; перекрёстный; переплетаться; скреживаться; перепутываться.* После расширения исходного значения иероглиф 交 приобрёл значение *общаться, поддерживать знакомство, поддерживать связь* и другие значения.

Примеры слов и словосочетаний:

交际 jiāojì общаться; иметь сношения; общение; коммуникация

交易 jiāoyì *прям., перен.* сделка; транзакция

Пример анализа слова по компонентам:

交 jiāo (торговая) сделка + 易 yì обменивать; обмен (продажа) + 所 suǒ место = биржа

13. Иероглиф 报

упрощённый

报

традиционный

報

чтение

bào [бао]

Основные значения:

1) извещать, оповещать; докладывать; доносить 2) отвечать; в ответ 3) отплатить; воздать должное; отблагодарить 4) весть, известие 5) газета 6) телеграмма.

Иероглиф 报 древнего начертания изображал, как рука схватила и держит человека, прикрепляя ему на голову орудие пытки или казни. Исходное значение *вынести приговор преступнику*. После расширения исходного значения иероглиф приобрёл следующие значения: 1) *докладывать; доносить; рапортовать; отчитываться* 2) *доклад; донесение; рапорт; отчёт* 3) *отблагодарить; воздать; отплатить*.

14. Иероглиф 保

упрощённый

нет

традиционный

保

чтение

bǎo [бао]

Основные значения:

1. защищать; охранять; оберегать; отстоять 2. обеспечивать; гарантировать; ручаться 3. порука; поручительство, гарантия; поручитель 4. страховать(ся).

Иероглиф 保 древнего начертания изображал взрослого человека, несущего на спине ребёнка. Исходное значение *растить, вскармливать, выращивать*. После расширения исходного значения иероглиф приобрёл значения *защищать; охранять; охрана*.

15. Иероглиф 兵

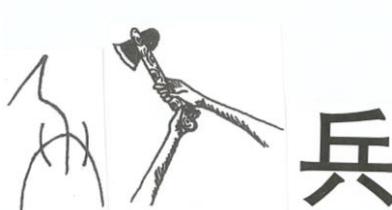
упрощённый
нет

традиционный
兵

чтение
bīng [бинь]

Основные значения:

1. солдат; воин, боец; рядовой 2. войска, армия, военная сила; войсковой; военный; воинский 3. меч; оружие, вооружение.

Иероглиф 兵 древнего начертания изображал, как человек двумя руками замахивается топором. Это изображение означало *оружие*. Исходное значение иероглифа *оружие; вооружение*. После расширения исходного значения иероглиф приобрёл значения *войска; армия*.

Примеры слов и словосочетаний:

兵役 bīngyì воинская обязанность; военная служба
服兵役 fú bīngyì нести воинскую службу

Пример анализа слова по компонентам:

炮 pào пушка + 兵 bīng солдат; войска = артиллерия; артиллерист

Литература:

1. Воропаев Н. Н. Учим китайский язык: от иероглифа к слову = 学习汉语：从字到词 / Н.Н. Воропаев; под ред. Ма Тяньюй; илл. Э. Н. Воропаевой. — Москва : Издательство АСТ, 2017. — 224 с. : ил. — (Школа китайского языка). ISBN 978-5-17-104525-8
2. Словарь китайских иероглифов с иллюстрациями; составлен в Исследовательском центре по анализу иероглифов, Пекин, 2014.
3. Большой китайско-русский словарь под ред. И. М. Ошанина. Т. 1-4. М., 1983-1984.

**О НЕКОТОРЫХ ОРФОГРАФИЧЕСКИХ И ГРАФИЧЕСКИХ
ОСОБЕННОСТЯХ ТЕКСТА ПЕРЕВОДА**
(на примере китайского и русского языков)

Экономические и социальные преобразования, произошедшие в России и Китае за последние два десятилетия, активное развитие информационных и коммуникационных технологий способствовали значительному увеличению количества переводных публикаций, текстов печатных и электронных средств массовой информации, а также двуязычных сайтов, презентующих информацию на двух языках. Многочисленные письменные переводы актуализировали ряд вопросов, связанных с лингвистической природой особенностей орфографического и пунктуационного оформления письменных текстов, являющихся переводом с русского на китайский и с китайского на русский язык.

Орфографическое и пунктуационное оформление переводных текстов не регламентируется современными справочными пособиями по правописанию и пунктуации. Это приводит к неправильному употреблению в современной письменной речи отдельных видов пунктуационных знаков или прописных и строчных букв и вызывает многочисленные затруднения у переводчиков. Представляется, что использование кавычек и других небуквенных знаков, прописных и строчных букв при выполнении перевода с китайского на русский язык и с русского на китайский язык в настоящее время является одним из наименее упорядоченных аспектов частного переводоведения для данной пары языков.

Орфографические ошибки, состоящие в неправильном написании знаков препинания, можно отнести к числу наиболее типичных ошибок переводчика. Иероглифический характер китайской письменности, с одной стороны, снимает проблемы орфографического порядка, существующие в русском языке, с другой стороны, актуализирует ряд трудностей, возникающих при переводе с китайского на русский язык. Стремление некоторых переводчиков сохранить в переводе все пунктуационные и графические элементы исходного текста является серьезным заблуждением.

Так как пунктуация, подобно специфической лексике, может отражать ту или иную культурную ориентацию или даже определенную литературную преемственность, актуальными оказываются, как минимум, два момента, во-первых, расхождения в правилах расстановки знаков препинания, обнаруживающиеся при сопоставлении пунктуационных правил двух языков, во-вторых, особые условия существования тех

или иных знаков препинания в языковой реальности сравниваемых языков.

Интересным в этой связи оказывается такой знак препинания, как кавычки. История появления кавычек в славянской письменности представлена в современных источниках следующими фактами: заимствованные из греческих рукописей в пятнадцатом веке кавычки использовались как средство выделения цитат, в качестве знака препинания стало употребляться только в конце восемнадцатого века, инициатива введения этого знака препинания в практику русской письменной речи принадлежит Н. М. Карамзину. Употребление кавычек в китайском письменном тексте является самобытной чертой пунктуационной системы древнего письменного языка вэньяня, по свидетельствам китайских исследователей, кавычки являются практически единственным знаком препинания в китайском языке, который существовал уже в третьем веке до нашей эры.

Кавычки – это выделительный знак препинания, основные функции которого состоят в оформлении прямой речи и цитат, объективации условных (собственных) наименований и названий (например, книг, фильмов, журналов, литературных произведений, статей, компаний, марок, магазинов и т. д.), а также в выделении слов, которые употребляются в каком-либо «особом» значении.

Помимо правил, регламентирующих постановку кавычек, определенную трудность составляет и вид кавычек. Так, в русском тексте используются французские кавычки (кавычки-«елочки»), для цитат, записанных на латинице, могут использоваться немецкие или компьютерные кавычки. Для переводчиков также важно знать о так называемых ‘марровских кавычках’, которые употребляются для описания значения слова и при переводе значения иноязычного слова.

Сопоставляя правила использования кавычек в китайском и русском языках, не следует забывать о том, что в разных языках эта необходимость может быть различной, продиктованной сложившимися в разных языках традициями. В частности, можно отметить, что случаи употребления кавычек (引号 yǐnhào) в современном китайском языке аналогичны соответствующим правилам русского языка. Однако в китайском языке для реализации каждого из предписывающего употребление кавычек случая, используются разные их виды. Для выделения прямой речи в упрощенном письме используются «двойные» – “ ”, в китайском традиционном письме – особенные «прямые» кавычки – 「 』 」, а для названий чаще всего употребляется «книжные» кавычки 《 》 .

Рассмотрим несколько предложений, демонстрирующих употребление в китайском тексте разных видов кавычек, и проанализируем спо-

собы оформлення переводного текста в этих случаях: 索绪尔在《普通语言学教程》(здесь использованы «книжные кавычки», так как это название книги) 中, 对语言做了“能指”、“所指”(здесь использованы «лапки» для выделения объектов авторского описания) 的区分, 能指在索绪尔看来就是“音响”, 所指是“概念”。Однако при переводе на русский язык данного предложения во всех случаях используются идентичные кавычки: Фердинанд де Соссюр в «Курсе общей лингвистики» определил разницу между «*означающим*» и «*означаемым*», указав, что означающее соотносимо со «*звучанием*», а означаемое представляет собой «*понятие*».

В предложении 9月22日是“世界无车日” название особой даты выделено английскими кавычками, которые при переводе на русский язык трансформируются в привычные русскоязычному читателю французские кавычки, употребляемые в соответствии с правилами для условных наименований, то есть *22 сентября считается в Китае «Днем без автомобиля»*.

Другой пример,职业译员曾被称为“寄”, “象”, “狄鞞”, “译”, 以及“通事”和“通译”等。В исходном предложении в немецких кавычках приведено несколько названий профессии переводчика, бытовавших в разных регионах древнего Китая. С точки зрения перевода, данные слова представляют собой реалии, воспроизведение которых при переводе требует использования английских кавычек для фонетической транскрипции указанных названий и использования марровских кавычек для уточнения дословного значения исходных единиц:

В древнем Китае ремесло переводчика называлось «*цзи*» (досл.: ‘переводчик языков восточных соседей древнего Китая’), «*сян*» (досл.: ‘переводчик южных соседей древнего Китая’), «*диди*» (досл.: ‘переводчик с языков западных соседей Китая’), «*и*» (досл.: ‘переводчик’), «*тунши*» (досл.: ‘тот, кто докладывает о делах’) и «*тунъи*» (досл.: ‘тот, кто понимает’) и др.

Обязательно употребление кавычек в названиях документов, однако в китайском тексте в этом случае употребляются книжные кавычки, а в русском – французские кавычки, например, в предложении 《中华人民共和国国防法》规定, 中国人民武装警察部队担负国家赋予的安全保卫任务, 维护社会秩序。《*Закон об обороне КНР*》 предусматривает обеспечение безопасности и защиту государства Народной вооруженной полицией Китая, которая также отвечает за поддержание общественного порядка.

Также нужно отметить разницу, существующую между категори-

ями условных наименований, требующих использования кавычек. Использование кавычек при наименованиях в современном русском письме обусловлено влиянием целого ряда факторов, таких как графическая система, применяемая для написания наименования (кириллица / латиница), тип названия (условное наименование или наименование, не являющееся условным), семантика названия, наличие аббревиации в названии, наличие при наименовании родового слова; а также влиянием традиции или экстралингвистическими факторами. В русскоязычном тексте к основным группам условных наименований, заключаемых в кавычки, относятся названия фирм, учреждений, организаций, обществ, названия зрелищных предприятий и учреждений, названия музыкальных коллективов и т. д. Однако для китайских текстов такая особенность не является закономерной, поэтому в китайском предложении кавычки при условных наименованиях такого порядка отсутствуют. Данное различие обязательно должно учитываться в переводе, например, 俄罗斯天然气工业股份公司 (название российской компании записано без применения кавычек) 副总裁表示, 目前, 俄气正在铺设“西伯利亚力量” (в название газопровода использованы «парные» кавычки) 管道, 天然气将由此进入俄国内市场及国际。Заместитель председателя правления ОАО «Газпром» заявил, что в настоящее время Газпром ведет строительство газопровода «Сила Сибири», по которому газ будет транспортироваться как на внутренний, так и на международный рынок. Следует отметить, что некоторые названия крупнейших компаний в русском языке, например, в данном примере Газпром, при употреблении без родового слова могут записываться без кавычек; при наличии родового слова постановка кавычек не вызывает сомнений: ОАО «Газпром». Поэтому в данном предложении на русском языке в первом случае употребления названия кавычки обязательны, а во втором – факультативны. Условные наименования автодорог, трасс; нефтепроводов, газопроводов заключаются в китайском языке в «немецкие» кавычки, в русском языке – во «французские» кавычки.

Таким образом, при выполнении перевода необходимо с должным вниманием относиться к факторам, определяющим основные тенденции употребления кавычек в наименованиях в современной практике письменных текстов, как в китайском, так и в русском языках.

Литература:

1. А. Булдыгерова О китайских знаках препинания. Научно-художественный журнал «Переводчик», выпуск 16. – Чита.: ЗабГУ, 2016. СС. 166-172.
2. Ю. М. Лотман, Б. А. Успенский. Текстологические принципы издания. [wwwhttp://rvb.ru](http://rvb.ru)

ВИКТОР БАЛАБАНОВ

СТОЛЕТИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ. ГОД 1912

100. JAREDTAG DES VATERLANDISCHEN KRIEGES. DAS JAHR 1912

Am 26. August 1912 beging man in Tschita wie auch in anderen Städten Sibiriens den 100. Jahrestag des Sieges des russischen Gewehrs im Vaterländischen Krieg.

Die Feierlichkeiten wurden am Atamaner Platz (zu der Zeit in den Alexanderplatz umbenannt) eröffnet. Die Truppenparade der städtischen Garnison fand dort statt, anschließend organisierte man Massenveranstaltungen mit Tänzen. „Die Choristen des unteren Ranges“ nahmen an Wettbewerben in der besten Liederaufführung teil, Kosaken – an den Wettbewerben im Trickreiten.

Die städtischen Feierlichkeitskosten des Jubiläums betrug 1888 Rubel 85 Kopeken, 518 Rubel 70 Kopeken davon – „für Bewirtung und Preise für Teilnehmer des unteren Ranges“.

In den Tschitaer Zeitungen veröffentlichte man an diesen Tagen viele Artikel, Rundschauen und Gedichte über den Krieg des Jahres 1812. In der Stadt verkaufte man farbenreiche Bilder und Postkarten. Unter den Angestellten der Eisenbahn Transbaikaliens verbreitete man vom „Landinformationsblatt“ zum Jubiläum herausgegebene Bücher und Druckschriften. In einigen Gemeindeschulen der Stadt zeigte man „Nebelbilder“ mit der Darstellung „der gemalten Episoden von russischen Heldentaten 1812“.

In dem ersten vorbildlichen Filmtheater „Elektroillusion“ von A.M. Don-Otello wurde der Film „Vaterländischer Krieg“ in vier Vorstellungen vorgeführt. „Kinematograph, so lautete es in der Werbung, – überträgt uns nach Moskau, nach Borodino und in die anderen Orte der damaligen Kämpfe“. Die Filmvorführung wurde mit „geistlicher Musik“ begleitet, „die nach historischen Motiven bearbeitet war“. An diesen Tagen fanden in dem Filmtheater „Illusion“ die Vorführungen zu günstigen Preisen für „das Militär des unteren Ranges, für Lernende an Schulen und Gymnasien und für die arme Bevölkerung Tschitas“ statt. Don-Otello drehte das Filmband „Tschitaer Feierlichkeiten des Vaterländischen Krieges“.

Im Mariinskij Theater – im Theater von Dolin – lief das Stück von E. Karijev „Der Brand Moskaus“. Das Theater war überfüllt, die Zuschauer klatschten den Schauspielern begeistert Beifall. Besonders erfolgreich war E.M. Dolin, der die Rolle von Napoleon übernahm.

Zur gleichen Zeit (Ende August) wartete man auf die Ankunft in Tschita des Zarengeneral-Adjutanten für die Überreichung der „höchsten Urkunde an die transbaikalische Kasakentruppe“. Der Militärgouverneur des transbaikalischen Gebietes „schlug dem städtischen Oberhaupt vor, eine Umleitung in der Sofijskaja-Straße von der Amurskaja-Straße bis an die Kathedrale zu verordnen, weil durch die Straße der feierliche Umzug geleitet wird“.

(Из книги В. Балабанова «Строкой и памятью отмечено...». – Чита: Экспресс-издательство, 2007, с. 127.)

Перевод с русского на немецкий Ирины Бобровой

АШОТ САГРАТЯН

ОЛЬГА ЭЛРАД: ЖИЗНЬЮ ЖИЗНЬ ОБЪЯВ

Прекрасное в изыске простоты. Тому свидетельство – и сборник стихотворений и переводов «Мой зачарованный мираж...» Ольги Элрад¹. Читаешь, и мираж глаза преобразуется в очи, повернутые в себя. Так сказочное марево плывёт по-над пустыней одиночеств.

Казалось бы, что притягательного в строках «заката нежные разливы, чувств тончайшее плетенье, гармония движенья, вкусить покой лесной тиши, сквозь сон тончайшего стекла, неповторимость обрести, тихое счастье, – оно неприметно, ещё глоток живительной прохлады, ещё денёк хрустальной тишины?...» В частном посвящении В. И. автор, словно оговариваясь, роняет на лист строки:

*Только Всевышний заранее знает,
Чашу, что должен испытать человек.*

У Ольги Элрад, если вчитаться, даже сны расцвечены. Возможно, потому это и происходит, что у неё «Как робкий птенчик бабье лето, что дикий ветер перемен «озадачил как-то странно нелепым привкусом вины». Перечитывая сборник стихов, обнаруживаешь вдруг «Ах, как непросто *просто жить!*» Задумываешься над строками о том, что автора так тянет «По утрам умываться лепестками из роз...».

Угадываемый за летучими построениями образ ранимой души по мере прохождения через призму внимания к личности неразбавленностью своей уплотняется до мозаичного портрета преходящести бытия. И начинаешь верить, что состраданье с годами острее: настолько пронзительна наблюдательность бдящего ока поэта.

Книгу эту дамскими экзерсисами не назовёшь, хотя перед нами откровенно Блоковский тип Прекрасной Дамы, шелками схваченный. Шелками осени, так чувственно воспетой. То ли соседство с Китаем, то ли палевых оттенков палитра самого восприятия этого времени года, но эти составляющие явно вытеплили книгу.

Дабы замечания сии не выглядели дифирамбом в адрес автора, за-

¹Ольга Элрад – литер. псевдоним О. Стельмак. (Прим. ред.).

вершу свой опус строками из сборника:

*За словом, сотканным мечтой,
Идём по тропкам Мироздания!*

Не эти ли тропки несут на себе следы нашей причастности к нему?!

Я не имею власти над Душой.
Она сама к безбрежности стремится.
Сама летит безудержною птицей,
Ей тесен мир привычно небольшой.

Душа не терпит догмы никакой.
Она не любит жёсткие уставы.
Ей не к лицу тяжёлые оправы.
Бог создал Душу именно такой!

Дни отпуска летят. И сожалею,
Что не успела насладиться волей,
По мне природа во сто крат милее.
Чем мир страстей бумажных поневоле.

Ещё глоток живительной прохлады,
Ещё денёк хрустальной тишины!
И больше, право, ничего не надо,
Пускай потом расцвечивают сны.

Сквозь ветки тонкие ловлю
Заката нежные разливы.
О миг, нечаянно-счастливый,
Тебя я мысленно люблю!

Стремятся люди кто куда –
Один в тайгу, другой на дачу,

Забывать на время города,
Пожить хоть чуточку иначе.

Вкусить покой лесной тиши,
Незамутненный суетою.
Побыть на празднике души
Наедине с самим собою.

Увидеть снова Млечный путь,
На миг задуматься о Вечном.
И осознать простую суть –
Жизнь, право, слишком быстротечна...

Ах, как непросто, *просто* жить!
И чтоб не скрещивались шпаги.
Неспешно кофе утром пить,
Забыв на время об отваге.

О, это просто, просто жить,
И принимать пустяк за малость,
Из берегов не выходить,
И чтобы радость оставалась.

Вся мудрость мира – просто жить!
Кружится старая планета...
Так мне ли о пустом тужить,
Когда вокруг так много света?!

Пусть бабье лето пролетело,
Но на губах осталась сладость.
Самозабвенно скрипка пела –
Моя нечаянная радость.

Столь безудержного цветенья
Душа и в юности не знала,
Ведь чувств тончайшего плетенья
Она еще не создавала!

Средь листьев тихого круженья
Она в восторге замирала.
И в той Гармонии движенья
Ей и Вселенной было мало ...

И снова осень на дворе.
И снова отступает проза.
В янтарно-жёлтом сентябре
Смешны надуманные слёзы.

О том, что жизнь идёт вперед,
И ничего нельзя исправить,
И Таинство у края ждёт.
Ну, что же к этому добавить?!

Пустяк. Вся радость бытия
Определяется сознанием, –
Что есть на этом свете «Я»
В огромном храме Мироздания!

Бокал осеннего вина,
Его божественную власть,
Мне довелось испить до дна
И насладиться чудом всласть.

Сквозь сон тончайшего стекла,
В плену невиданных миров
Жизнь так божественно текла
Вне временных земных оков...

ДЕНЬ АНГЕЛА

Сегодня ангелы со мной
В одеждах белых.
Княгиня Ольга надо мной
Крыла воздела!

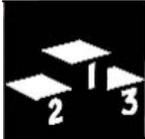
О непрочитанном всегда
В душе я горько сожалею.
О незнакомых городах
Мечту безумную лелею.

О неизведанных мирах
Надежду тайно сохраняю.
О неувиденных цветах
Во сне нередко вспоминаю.

О недосказанных словах
Порою мысленно гадаю.
О ненаписанных стихах
Так никогда и не узнаю.

Среди бесчисленных дорог
Одну мне суждено пройти.
Среди волнений и тревог
Неповторимость обрести!

По утрам умываться
 лепестками из роз
Иль солёной водою
 неразбавленных слёз.
Вечерами купаться
 в предзакатных лучах
Иль с апатией знаться
 при погасших свечах.
Белым днем любоваться,
 зная: жизнь – хороша,
Иль как птице метаться,
 если плачет душа.
Нас Писание учит,
 что уныние – грех.
Каждый сам выбирает
 песню грусти иль смех!

КОНКУРСЫ, КОНКУРСЫ!!!

ИТОГИ XXIII МЕЖРЕГИОНАЛЬНОГО КОНКУРСА МОЛОДЫХ ПОЭТОВ-ПЕРЕВОДЧИКОВ 2018 ГОДА

Формула успеха: «Знания + Умения + Вдохновение!»

30 марта подведены итоги XXIII Межрегионального конкурса молодых поэтов-переводчиков, который проводился под эгидой Забайкальского регионального отделения Союза переводчиков России на базе факультета филологии и массовых коммуникаций ЗабГУ. В конкурсе приняли участие более 100 переводчиков с английского, немецкого, французского, китайского и русского языков.

Участниками конкурса стали молодые люди из Читы, Иркутска, Москвы. Оргкомитет конкурса отмечает большую активность студентов читинских вузов – ЗабГУ и ЧГМА, а также старшеклассников средних школ, гимназий и лицеев г. Читы и Забайкальского края. Среди них учащиеся многопрофильных языковых гимназий № 4, № 12, многопрофильного лицея ЗабГУ, городских средних школ: № 49 (с углубленным изучением английского языка), № 2, 5, 40, 47, учащихся Шилкинской (№ 51), Нерчинско-Заводской, Могзонской (№ 23), Ясногорской, Домнинской, Балейской и Балягинской общеобразовательных средних школ.

Победителем конкурса молодых поэтов-переводчиков 2018 года с английского языка стала Юлия Мусорина, учитель английского языка Забайкальской краевой гимназии-интерната г. Читы, многократный победитель поэтических и переводческих конкурсов, в т.ч. и международного статуса.

Жюри также отмечает поэтические переводы с английского Татьяны Кочерюк, специалиста по логистике и снабжению Музея трав и минералов г. Иркутска, Татьяны Ситниковой, учащейся 10 класса многопрофильной гимназии № 12 и Марины Ваулиной, учащейся 9 класса средней школы № 5 г. Балая.

Победителем конкурса с немецкого языка стала Лилия Краус, учитель географии средней школы № 47 г. Читы.

Английский язык

СТИХИ НЕИЗВЕСТНЫХ ПОЭТОВ

ANONYMOUS

I'LL BE HERE

I cannot ease your aching heart,
Nor take your pain away;
But let me stay and take your hand
And walk with you today.

I'll listen when you need to talk,
I'll wipe away your tears;
I'll share your worries when they come,
I'll help you face your fears.

I'm here and I will stand by you,
On each hill you have to climb;
So take my hand, let's face the world...
And live just one day at a time.

You're not alone, for I'm still here,
I'll go that extra mile;
And when your grief is easier,
I'll help you learn to smile!

ALWAYS REMEMBER

Always remember to forget
The things that made you sad
But never forget to remember
The things that made you glad.

Always remember to forget
The friends that proved untrue.
But don't forget to remember
Those that have stuck by you.

Я БУДУ С ТОБОЙ

Я не могу унять твою печаль,
Избавить от гнетущей боли.
Позволь лишь руку твою взять
И вместе мне побыть с тобою.

И буду я внимать речам,
И успокою все стенанья,
И разделю волнения твои,
И помогу пройти все испытанья.

Я стану крепкою опорой
В любом твоём преодоленье.
И к миру обратим мы взоры.
И будем жить мы каждое мгновенье.

Ты не одна, ведь я с тобой.
Мои усилия неутомимы.
И в час, когда угаснет твоя боль,
Я сделаю тебя счастливой!

Перевод Юлии Мусориной

ТЫ В ПАМЯТИ ХРАНИ

Ты никогда не вспоминай
Безрадостные дни.
Лишь светлые мгновения
Ты в памяти храни.

Ты никогда не вспоминай
Друзей, что неверны,
Лишь преданных тебе людей
Ты в памяти храни.

Always remember to forget
The troubles that have passed away.
But never forget to remember
The blessings that come each day.

Ты никогда не вспоминай
О тяготах судьбы.
Лишь дней счастливых благодать
Ты в памяти храни.

ВСЕГДА ПОМНИ

Перевод Юлии Мусориной

Пусть в жизни были огорченья,
Ты их из памяти гони.
А радостных сих дней свеченье,
Ты нежно в сердце сохрани.

Всегда старайтесь позабыть,
Что заставляет Вас грустить.
Но никогда не забывайте
То, что могло развеселить.

Забудь своих друзей неверных,
Спокойным сердцем отпусти,
Но благодарен будь безмерно
Тем, кто с тобой идёт в пути.

Всегда старайтесь тех забыть,
Кто некогда покинул Вас.
Но никогда не забывайте,
О тех, кто рядом есть сейчас.

Не помни бедствий тяжких бремя,
Что в глубину минули дней.
Но вспоминай благословенья,
Что делают твой день светлей.

Всегда старайтесь позабыть,
Прошедших дней ненастье,
Но никогда не забывайте,
О каждом дне, хранящем счастье.

Перевод Татьяны Кочерюк

Перевод Марины Ваулиной

WILLIAM HENRY DAVIES (1871 – 1940)

A PLAIN LIFE

No idle gold – since this fine sun, my friend,
Is no mean miser, but doth freely spend.

No precious stones – since these green mornings show,
Without a charge, their pearls where'er I go.

No lifeless books – since birds with their sweet tongues
Will read aloud to me their happier songs.

No painted scenes – since clouds can change their skies
A hundred times a day to please my eyes.

No headstrong wine – since, when I drink, the spring
Into my eager ears will softly sing.

No surplus clothes – since every simple beast
Can teach me to be happy with the least.

УИЛЬЯМ ГЕНРИ ДЕВИС (1871 – 1940)

ЖИЗНЬ БЕЗ ИЗЛИШЕСТВ

Не нужно золота; богатство тленно –
Пусть лучше солнце светит неизменно.

Не нужен блеск рубинов – посмотри,
Как бесподобны всполохи зари.

Не нужно книг бессмысленных страниц –
О многом мне расскажет пенье птиц.

Не нужно и картин – мне радостно, когда
Пейзажи дивные рисуют облака.

Не нужно мне пьянящего вина –
Пусть от весны кружится голова.

И не нужны шелка – всего верней
Нам поучиться жизни у зверей.

Перевод Юлии Мусориной

ОБЫКНОВЕННАЯ ЖИЗНЬ

Что золото, когда мне Солнце-друг,
Бесплатно свет свой разольёт вокруг.

Алмазов блеск померкнет пред росой,
Сверкающею утренней порой.

Смысл мертвых книг заменит пенье птиц,
Чьи голоса звенят сильней страниц.

Картины – вздор пред облаков величьем,
Сто раз за день меняющих обличье.

Крепость вина чужда, когда поёт
Весна, в которой сама жизнь течёт.

И зверь любой без лишней сложности
Научит в малом счастье обрести.

Перевод Татьяны Ситниковой

Немецкий язык

ТЕОДОР ШТОРМ (1817 –1888)

**THEODOR STORM
(1817–1888)**

HARFEN MÄDCHENS

Heute, nur heute
Bin ich so schön;
Morgen, ach morgen
Muss alles vergehn!
Nur diese Stunde
Bist du noch mein;
Sterben, ach sterben
Soll ich allein.

ПЕСНЯ АРФИСТКИ

Только сегодня
Я так прелестна.
Завтра, ах, завтра
Пройдёт всё бесследно.
Лишь на мгновенье
Ты ещё мой.
А умереть мне
Придётся одной.

Перевод Лилии Краус

РУССКО-АНГЛИЙСКО-ЛАТИНСКИЙ СЛОВАРЬ РАСТЕНИЙ¹

Составитель НИНА МАРКОВА

РУССКИЙ	АНГЛИЙСКИЙ	ЛАТИНСКИЙ
Сс		
сабельник	comarum	Comarum gen.
сабур (алоэ сокотрина)	Socotrine aloe	Aloe soccotrina
сабур капский (алоэ капское)	Cape aloe	Aloe capensis
саговая пальма	sago palm (tree), smooth sago palm	Metroxylon sagu
саговник	sago-palm, fern-palm	Cycas L. (Cycadaceae)
садовая гвоздика	grenadine	
саксаул	saxaul	Haloxylon ammodendron Bunge (Chenopodiaceae)
салат (латук, молочкан)	lettuce	Lactuca L. (Compositae)
салат дикий	prickly lettuce	Lactuca scariola L. (Cruciferae)
салат кочанный	crisp-head lettuce, head lettuce	Lactuca capitata (Lactuca sativa)
салат ромэн	cos	Lactuca sativa var. romana
салат эскарюль	Batavian endive, escarole	Cichorium enidivia
сальвиния	floating-moss	Salvinia Adans. (Salvinaceae)
самшит	box	Buxus
самшит вечнозелёный	common box	Buxus sempervirens
сандал	sandalwood	Santalum gen.
сандаловое дерево (кампешевое дерево, сандал синий,	logwood	Haematoxylon campechianum

¹См. начало в журнале «Переводчик» № 9, 2009.

чёрное бразильское дерево)		
сандарак (каллит- трис)	cypress-pine	Callitris Vent. (Pinaceae)
сандаракое дере- во (алжирская туя, тетраклинис члени- стый)	arar tree, sandarac	Callitris quadrivalvis (Tetraclinis articulata, Thu- ja articulata)
сансевиерия	bowstring-hemp	Sansevieria Thunb. (Lilia- ceae)
санталовое дерево	sandalwood	Santalum
сантолина (глисто- гон)	lavender cotton	Santolina
сапиндус (мыльное дерево)	soapberry	Sapindus L. (Sapindaceae)
сапиум	tallow-tree	Sapium P.B. (Euphorbia- ceae)
сапота	sapote	Calocarpum sapota
саргасовая водо- росль (саргасса)	sargasso	Sargassum gen.
саррацения	hunter's cup, side- saddle flower	Sarracenia L. (Sarracenia- ceae)
сассапарель (сар- сапарель, сассапа- риль, сарсапариль)	bread-and butter, China root, green briar, green brier, sassaparille	Smilax L. (Liliaceae)
сассафрас (амери- канский лавр)	sassafras	Sassafras gen.
сассафрас лекар- ственный	common sassafras, me- dicinal sassafras, smell- ing stick	Sassafras officinale (Sassa- fras molle)
саурурус	lizard's-tail	Saururus Plum. (Sauru- raceae)
сафлор	bastard-saffron, car- thamus, false saffron, safflower	Carthamus L. (Compositae)
сафлор красильный	dyer's saffron	Carthamus tinctorius L. (Compositae)
сахарная кукуруза	sweet-corn	Zea mays saccharata
сахарный тростник	sugar-cane	Saccharum L. (Gramineae)
сведа	sea blite	Suaeda Forsk. (Chenopodi- aceae)
свёкла	beet	Beta L. (Chenopodiaceae)
свёкла кормовая	fodder beet	Beta vulgaris L. var.

свёкла листовая (мангольд)	leaf beet, mangold	macrorhiza L. (Chenopodiaceae)
свёкла сахарная	beet-root, sugar-beet	Beta vulgaris L. var. cicla Moq. (Chenopodiaceae)
свербига	corn rocket	Beta vulgaris L. var. altissima D.C. (Chenopodiaceae).
сверция японская (трипутник японский)	Japan felwort, Japan swertia	Bunias L. (Cruciferae)
свечное дерево	candleberry tree	Swertia japonica
свидина (свидина кроваво-красная)	bloody dogwood, dogwood	Aleurites moluccana
свиная слива	hog-plum	Cornus sanguinea L. (Cornaceae)
свиной пальчатый (бермудская трава, собачья трава)	Bermuda grass, dog's tooth, doob	Ximenia americana
свинушка	paxil	Cynodon dactylon (L.) Rich. (Gramineae)
свинчатник	leadwort	Paxillus involutus Fr. (Agaricaceae)
свободнаягодник (элеутерококк)	eleuterococcus	Plumbago L. (Plumbaginaceae)
северница	brook-weed	Eleutherococcus
североамериканский кустарник	leather-wood	Samolus L. (Primulaceae)
седач (посконник обыкновенный, седаш)	hemp agrimony	Dirca polustris
седмичник	starflower	Eupatorium cannabinum L. (Compositae)
сезам (кунжут)	til	Trientalis L. (Primulaceae)
секвойя гигантская (веллингтония, мамонтово дерево)	big-tree, mammoth tree	Sesamum indicum
секуригера мечевидная (меченосница)	hatchet-vetch	Sequoia gigantea
секуринега полукустарниковая	suffruticous securinega	Securigera coronilla DC. (Leguminosae)
селагинелла стельчатая (плаунок)	stalky selaginella	Securinega suffruticosa (Securinega ramiflora)
		Selaginella tamariscina

стебельчатый) селезёночник	golden saxifrage	Chrysosplenium opposi- tifolium L. (Saxifragaceae)
селитрянка	nitrebush	Nitraria L. (Zygophyllace- ae)
сельдерей	celery	Apium L. (Umbelliferae)
сельдерей души- стый (сельдерей пахучий)	celeriac, celery, wild celery	Apium graveolens
сельдерей пахучий (сельдерей души- стый, сельдерей салатный, сельде- рей черешковый)	celeriac, celery, wild celery	Apium graveolens
семейство кресто- цветных	mustard family	Cruciferae
семейство лютико- вых	ranunculaceous family	Ranunculae
семенная коробоч- ка (околоплодник)	seed-vessel	pericarpium
семенник (семен- ное растение)	seed plant	
семеносец	placenta	placenta
семеноносный	seed-bearing	seminifer
семизубчатый	septemdentate	septemdentatus
семилепестный	sempetalous	sempetalus
семилистный	heptaphyllous	heptaphyllus
семядоля	sempartite	cotyledon
семянка	achene	achena, achenium
семяпочка (завязь)	ovule, seedbud	ovulum
сенна (кассия)	senna	Cassia
септорий	septoria	Septoria gen.
сераделла	bird's-foot	Ornithopus L. (Legumi- nosae)
серапиас	serapias	Serapias L. (Orchidaceae)
сердечник	lady's mock	Cardamine L. (Cruciferae)
сердечник горький	bitter-cress	Cardamine amara
сердечник луговой (луговой салат)	cuckoo flower, cuckoo spit, lady's smock, meadow bitter-cress	Cardamine pratensis
серебряная трава (мискантус)	silver-grass	Miscanthus gen.

сереноя ползучая (сабаль)	creeping serenoa	<i>Serenoa repens</i> (<i>Serenoa serrulata</i>)
1. серёжка	1. catkin	1. amentum
2. серёжки орешника	2. lamb's tails	
серпник (критмум)	samphire	<i>Crithmum</i> L. (Umbelliferae)
серпуха	sawwort	<i>Serratula</i> L. (Compositae)
сеслерия	moon-grass, moor-grass	<i>Sesleria</i> Scop. (Gramineae)
сивец	devil's-bit	<i>Succisa</i> Neck. (Dipsacaceae)
сивец луговой	devil's bit, meadow succisa	<i>Scabiosa succisa</i> (<i>Succisa pratensis</i>)
сидеритис (железница)	ironwort	<i>Sideritis</i> L. (Labiatae)
сидячий (бесчешковый)	sessile	sessilis
сизал	sisal	<i>Agave rigida</i> Mill. var. <i>sisalana</i> (Amaryllidaceae)
сизигиум ароматный (гвоздичное дерево, ямбоза)	clove tree	<i>Caryophyllus aromaticus</i> (<i>Eugenia caryophyllus</i> , <i>Jambosa caryophyllus</i> , <i>Syzygium aromaticum</i>)
сизон	honewort, stone parsley	<i>Sison</i> L. (Umbelliferae)
сильфия	compass-plant, rosinweed, silphium	<i>Silphium</i> L. (Compositae)
симфориокарпос	snowberry	<i>Symphoricarpos</i>
синеголовник	eringo, fever-weed, sea-holly	<i>Eryngium</i> L. (Umbelliferae)
синеголовник плосколистный	flat-leaved sea-holly	<i>Eryngium planum</i>
синюха	Greek valerian, Jacob's ladder	<i>Polemonium</i> L. (Polemoniaceae)
синюха голубая (синюха лазоревая)	Greek valerian, Greek valerian polemonium	<i>Polemonium caeruleum</i>
синяк (румянка)	viper's-bugloss	<i>Echium</i> L. (Boraginaceae)
сирень	lilac	<i>Syringa</i> L. (Oleaceae)
сирень обыкновенная	bluepipe, common lilac	<i>Syringa vulgaris</i>
сисюринхий	satin flower	<i>Sisyrinchium</i> L. (Iridaceae)
ситник	rush	<i>Juncus</i> L. (Juncaceae)
ситник развесистый (ситник раз-	common rush, effusive rush	<i>Juncus effusus</i>

мётанный, ситник расходящийся) ситняг (болотница)	spike-rush	Eleocharis R.Br. (Cyperaceae)
ситовник	pycreus	Pycreus Beauv. (Cyperaceae)
скабиоза (вдовушки)	Gipsy-rose, mourning bride, scabious	Scabiosa L. (Dipsacaceae)
скальный мох (карраген, хондрус курчавый, ирландский мох)	carrageen, carragheen, Irish moss	Chondrus crispus (Gigartina stellata)
скаммония азиатская (вьюнок стрелолистный, япала)	scammony glorybind	Convolvulus scammonia
скандикс	lady's comb, shepherd's-needle	Scandix pectin-Veneris L. (Umbelliferae)
скерда	hawk's-beard	Crepis L. (Compositae)
скипидарное дерево (кевовое дерево, терпентиновое дерево)	terebinth pistache, turpentine tree, turpentine tree	Pistacia terebinthus (Pistacia mutica)
склереида	grit cell, stone cell	sclereida
сколимус	golden thistle	Scolymus L. (Compositae)
скополия	scopolia	Scopolia L. (Solanaceae)
скорпион (соцветие)	scorpioid	Scorzonera gen.
скорпионница	caterpillar plant, scorpion's-tail	Scorpiurus L. (Leguminosae)
скорцонера (козелец)	scorzonera	Scorzonera L. (Compositae)
скребница	scale-fern	Ceterach Willd. (Polypodiaceae)
скрученник	ladies' tresses	Spiranthes Rich. (Orchidaceae)
скрытница	crypsis	Crypsis Ait. (Gramineae)
скупия (париковое дерево)	Aaron's beard, common smoke tree, smoke tree	Cotinus Mill. (Rhus cotinus L.) (Anacardiaceae)
сладкий рожок (рожковое дерево, цареградский стручок)	carob, carob tree, St.-John's-bread	Ceratonia siliqua
сладкий тмин (анис)	anise	Anisum vulgare (Pimpinell-

обыкновенный, анис голубиный, хлебное семя)		la anisum)
сладкокорень (мно- гоножка обык- новенная)	common polypody, gol- den locks, rock brake	Polypodium vulgare
сланоягодник	sweet fern, wall fern sea berry	Halorrhagis Forst. (Halor- rhagidaceae)
слива	plum	Prunus L. (Rosaceae)
слива ненастоящая (тернослива)	bullace, damson	Prunus insititia L. (Rosaceae)
слива растопырен- ная (алыча, дикая слива)	cherry plum, myrobalan plum	Prunus divaricata Led. (Prunus cerasifera Ehrh.) (Rosaceae)
слива ренклюд	gage, green-gage	Prunus italica Borkh. (Rosaceae)
слоновая кость (пальма)	cohune	Orbignya cohune
смилакс (сарсапа- риль, сассапариль)	bread-and-butter, green briar, green brier, sas- saparille	Smilax L. (Liliaceae)
смирния	Alexanders	Smyrnum L. (Umbellifer- ae)
смоковница свя- щенная (фикус свя- щенный)	fig-tree, peepul tree, sa- cred fig tree	Ficus religiosa L. (Morace- ae)
смолёвка (хлопуш- ка)	campion, catchfly	Silene L. (Caryophyllace- ae)
смолка	German catchfly	Viscaria Bernh. (Caryo- phyllaceae)
смолоносница	giant fennel	Ferula L. (Umbelliferae)
смолоносница му- скусная (ферула мускусная)	musk giant fennel	Ferula moschata
смородина	currant	Ribes L. (Saxifragaceae)
снежнаягодник	snowberry	Symphoricarpos Juss. (Caprifoliaceae)
собачий зуб	dog's-tooth, fawn lily	Erithronium gen.
собачья капуста (телигонум)	dog cabbage	Thelygonum cynocrambe
собачья мята (буд- ра плющевидная)	alehoof, common ground ivy, field balm	Glechoma hederacea (Nep- eta hederacea)
собачья петрушка	cicely, dog's parsley,	Aethusa cynapium L.

(кокорыш обыкновенный)	false parsley, fool's parsley, hedge parsley	(Umbelliferae)
собачья рожа (хатма тюрингенская)	Thuringian mallow	Lavatera thuringica L. (Malvaceae)
собачья трава (бермудская трава, свинорой пальчатый)	Bermuda grass, dog's tooth, doob	Cynodon dactylon (L) Rich. (Gramineae)
сокирки (василёк рогатый, живокость полевая)	branching larkspur, field larkspur, forking larkspur	Delphinium consolida L. (Ranunculaceae)
солерос	glasswort	Salicornia L. (Chenopodiaceae)
солнцецвет (нежник)	sun-rose	Helianthemum Mill. (Cistaceae)
солодка	licorice, liquorice	Glycyrrhiza l. (Leguminosae)
соломонова печать (купена лекарственная, купена душистая)	drug, Solomon's seal, Solomon's seal	Polygonatum odoratum (Polygonatum officinale)
соломоцвет	chaff-flower	Achyranthes L. (Amaranthaceae)
сольданелла	gravel bind	Soldanella L. (Primulaceae)
солянка	barilla, saltwort	Salsola L. (Chenopodiaceae)
сонная одурь (белладонна, красавка)	belladonna, deadly nightshade	Atropa belladonna L. (Solanaceae)
сон-трава (прострел)	pasque-flower	Pulsatilla (L.) Mill. (Ranunculaceae)
сорго	sorghum	Sorghum Pers. (Gramineae)
сосна	pine	Pinus L. (Pinaceae)
сосна кедровая сибирская	cedar pine	Pinus sibirica
соссюрея альпийская (горькуша)	alpine saw-wort	Saussurea alpina DC. (Compositae)
софора	pagoda-tree	Sophora L. (Leguminosae)
софора толстоплодная	thick-fruited pagoda tree	Sophora pachycarpa
софора японская	Japanese pagoda tree, Chinese scholar tree	Sophora japonica
сочевичник весен-	spring vetchling	Orobus vernus L. (Lathyrus)

ний (чина весенняя)		vernus L.) (Leguminosae)
сочное, мясистое растение	succulent	succosus, succulent
соя	soybean	Glycine soja L. (Leguminosae)
спаржа	asparagus	Asparagus L. (Liliaceae)
спартина	marsh grass	Spartina Schreb. (Gramineae)
спекулярия	Venus's looking-glass	Specularia speculum DC. (Legousia speculum Veneris Dur.) (Campanulaceae)
спирея (таволга)	spiraea, spirea	Spiraea L. (Rosaceae)
спорангий (споровый мешочек)	sporangium	sporangium
спороболус	dropseed	Sporobolus R.Br. (Gramineae)
спорт (разновидность растения)	sport	sport
спорынья	ergot, spur	Claviceps Ful. (Hypocreaceae) (Claviceps purpurea)
спорыш (буркун, горец птичий, густяница)	allseed, door-weed, knotgrass, knotweed, prostrate knotweed	Polygonum aviculare L. (Polygonaceae)
спрекелия	Jacobean lily	Sprekelia Heist. (Amaryllidaceae)
стагачка	adder's mouth	Microstylis Nutt. (Orchidaceae)
стальник	rest-harrow	Ononis L. (Leguminosae)
стальник колючий	spiny restharrow, thorny ononis	Ononis spinosa
стальник пашенный	goatroot ononis, field restharrow	Ononis arvensis (Ononis hircina)
стапелия	carrion-flower	Stapelia L. (Asclepiadaceae)
стебелёк (цветоножка)	pedicle, small stalk, stemlet	cauliculus, tigella
стебель (ботва)	haulm	
стеблелист василистниковидный	squawroot, blue cohosh	Caulophyllum thalictroides
стемона сидячелистная	Japan stemona	Stemona japonica (Stemona sessiflora)
стенокарпус	stenocarpus	Stenocarpus R.Br. (Pro-

		teaceae)
стенотрофические растения (со специфическими узкими требованиями к питанию)	stenotrophic plants	
стержень (ствол)	rachis, scape	rachis
стержневидный	rachis-like	rachiformis
стеркулия	bottle tree, hat tree	Sterculia L. (Sterculiaceae)
стиракс	Jew's frankincense, storax	Styrax L. (Styracaceae)
стираксовое дерево лекарственное	drug snowbell, medicinal storax	Styrax officinalis
стиракс тонкинский	Tonkin storax	Styrax tonkinensis
столетник	century plant	Agave americana L. (Amaryllidaceae)
столистная махровая роза (центифолия)	cabbage rose	Rosa centifolia
столон (подземный побег)	offshoot, runner, soboles, sprout, tiller	stolo
страстоцвет (пасифлора)	granadilla, passionflower	Passiflora Juss. (Passifloraceae)
стрелка (злака)	spire	scapus
стрелолист	arrowhead	Sagittaria L. (Alismaceae)
стрептокарпус	Cape-primrose	Streptocarpus Lindl. (Gesneriaceae)
стрептопус	twisted-stalk	Streptopus Michx. (Liliaceae)
строфант приятный	nice-looking strophanthus	Strophanthus gratus
стручковый перец (перец красный или испанский)	capsicum, pod-pepper	Capsicum annum
суданка (сорго суданское)	Sudan grass	Sorghum sudanense Stapf. (Holcus sudanensis Bailey) (Gramineae)
судза (перилла)	perilla	Perilla L. (Labiatae)
судза кустарниковая (перилла нанкинская)	common perilla, shrubby perilla	Perilla frutescens
сумах	poison-ivy, sumac, su-	Rhus L. (Anacardiaceae)

сумочник	mach capsella	Capsella Medic. (Cruciferae)
сумочник пастуший (крестьянская горчица, пастушья сумка обыкновенная)	caseweed, lady's purse, shepherd's purse, shovelweed, windflower	Capsella bursa-pastoris
сумчатые грибы (аскомицеты)	ascomycetes	Ascomycetes
сурепка	wild turnip	Brassica gen.
сусак	flowering-rush	Butomus L. (Butomaceae)
сушеница	cottonweed, cudweed	Gnaphalium L. (Compositae)
сушеница лесная	forest cudweed, wood cudweed	Gnaphalium sylvaticum
сфагнум (мох торфяной)	bog moss, peat moss	Sphagnum (Dill.) Ehrh. (Sphagnaceae)
схенус (очерет)	bog rush	Schoenus L. (Cyperaceae)
сыть	cypress-grass	Cyperus L. (Cyperaceae)
сыть длинная	galingale	Cyperus longus
сыть круглая	nut-grass flat sedge, round cypress-grass	Cyperus rotundus

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

БАЛДОРЖИЕВ ЦЫРЕН-ХАНДА (Виктор Балдоржиев) (с. Новая Заря, Забайкальский край)

Известный русскоязычный поэт, прозаик, публицист, переводчик, член Союза писателей России, член Союза журналистов СССР с 1982 г. В 2005–2009 гг. возглавлял Читинскую писательскую организацию. В 2008 г. Указом Президента России за вклад в развитие культуры и искусства награждён медалью А. С. Пушкина, в 2012 году хамбо-лама буддистов наградил его медалью «200 лет Агинскому дацану», в 2014 году Постановлением Законодательного собрания Забайкальского края награждён медалью «За укрепление Дружбы народов». Автор романов «Разные люди» (1991), «Последние войны волков» (2004); стихотворного сборника «Каторга» (1992), книг прозы и поэзии – «Русский мир бурят-монгола» (Торонто, 2013), «Разговоры в полнолуние» (Торонто, 2014), «Голоса бездны» (Чита, 2014). Поэт-переводчик с бурятского и монгольского языков. Изданы книги авторизованных переводов с бурятского языка: «Свет родимых вершин» (1996), «Алханай – Шамбала моей души» (1999), Рассказы (1999), «Звезда над степью» (2000), «Между Алханаем и Ямато» (2002). Победитель (II место) открытого международного поэтического конкурса на тему «Стихи о переводе и переводческой деятельности» (2013).

БЕЛОКРЫЛОВ ИВАН АЛЕКСАНДРОВИЧ (Москва)

Окончил Литературный институт имени А. М. Горького в Москве. Поэт, переводчик, журналист, главный редактор журнала «Мир перевода». Автор сборников стихов и переводов «Солнечное сплетение» (2002), «Избранные стихи» (2006), «Вотчина» (2013), «Первая сотня» (2018), «Я видел ангела» (2018). Лауреат Большой премии литературного фонда имени Милана Фюшта Венгерской академии наук (2001). Член Союза писателей, Союза переводчиков России и независимой писательской ассоциации «Лютня Ориолы». Художественный руководитель и основатель Международных фестивалей искусств «Генуэзский маяк» (Генуя, Италия, 2016, 2017) и «Степная лира» (станция Новопокровская Краснодарского края, 2017). Ведущий литературной гостиной «На перекрёстках миров» при Клубе писателей ЦДЛ (Москва). Стихи и философские миниатюры переведены на венгерский, македонский, китайский и словацкий языки. Среди переводов – стихи македонских, сербских, хорватских, словацких, венгерских, английских, итальянских, китайских, русинских и мальтийских поэтов.

БЕЛОКРЫЛОВА ДАРЬЯ ИВАНОВНА (Москва)

Поэтесса, переводчик, преподаватель итальянского, английского и русского

как иностранного. Окончила Литературный институт имени Горького, докторант отделения информационных наук Генуэзского университета. Вице-президент международной ассоциации соотечественников Лигурии и Пьемонта «Anima Russa», член Союза переводчиков России, лауреат конкурсов «Новые имена Москвы», «Новые имена России», «Волшебное слово» и др. Стихи и переводы публиковались в журналах «Литературные знакомства», «Столпотворение», «Переводчик», русско-итальянском альманахе «Радуга», «Степная лира» и др. Автор сборника стихов и поэтических переводов «Закат в Камольи» (2013).

БРИЛЕВА ВАЛЕНТИНА РОДИОНОВНА (Чита)

Автор поэтического сборника «Любовь» (2000). Переводит английскую классическую поэзию. Автор четырех персональных фотовыставок: «Жизнь – диво в искристых красках...» (2007), «...Радость, прежде всего, пробуждать» (2008), «Жизни земное отраженье» (2009), «Чувствам предаться несуетным...» (2013).

БОБРОВА ИРИНА АНАТОЛЬЕВНА (Чита)

Окончила университет им. братьев Гумбольдтов в Берлине (Германия) и аспирантуру по германской филологии при ЛГПИ им. А. И. Герцена. Кандидат философских наук, доцент кафедры европейских языков и лингводидактики факультета филологии и массовых коммуникаций Забайкальского государственного университета. Действительный член Союза переводчиков России. Имеет публикации в разделах «Земля Даурская» и «Лексикография» журнала «Переводчик».

БУЛДЫГЕРОВА АННА НИКОЛАЕВНА (Чита)

Окончила китайское отделение факультета иностранных языков Забайкальского государственного педагогического университета им. Н. Г. Чернышевского. Работает старшим преподавателем кафедры китайского языка факультета филологии и массовых коммуникаций Забайкальского государственного университета. Принимала участие в работе VIII Летней школы перевода СПР (Крым, 2015 г.). Сотрудничает с журналом «Переводчик».

ВОРОПАЕВ НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ (Москва)

Окончил китайско-английское отделение Забайкальского государственного педагогического университета им. Н. Г. Чернышевского. Кандидат филологических наук. Переводчик, член Союза переводчиков России, член Национальной лиги переводчиков. Научные интересы – методика преподавания китайского языка, переводоведение, лингвокультурология, психолингвистика. Автор учебных пособий и словарей (в том числе в соавторстве с Ма Тяньюй): Современный русско-китайский словарь (2012); Китайский язык. Три книги в одной. Грамматика, разговорник, словарь (2013); Самый простой самоучитель китайского языка «500 китайских слов» (2013); монография «Китайскоязычный прецедентикон» (2013); Учебник практической фонетики китайского язы-

ка (2014); По-китайски обо всём. 88 научно-популярных текстов-миниатюр на занятиях по китайскому языку (2014); Китай: имена на все времена. Прецедентные персонажи. Лингвокультурологический словарь-справочник для изучающих китайский язык, культуру, историю, литературу Китая (2015); Китайский язык: четыре книги в одной. Разговорник, китайско-русский словарь, русско-китайский словарь, грамматика (2016). Персональный сайт: www.vokitai.ru

ДЕМИДОВА (КОВАШКИНА) НАТАЛЬЯ ВИКТОРОВНА (Исландия, Рейкьявик)

Окончила бакалавриат Государственного университета Исландии. В 2016 году закончила магистратуру того же университета по специальности «Переводоведение». Переводы с исландского и статьи публиковались в журналах «Новая Юность», «LiteraruS» (Финляндия), «Milli mála» (Исландия), «Дон» (Россия), «Переводчик» (Россия).

ЕПИШКИН НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ (Чита)

Окончил факультет романских языков Иркутского государственного института иностранных языков им. Хо Ши Мина, Высшие курсы преподавателей иностранных языков для языковых факультетов при МГПИ им. Ленина. Специалист в области лексикографии, переводчик с французского. Составитель «Краткого исторического словаря галлицизмов русского языка» (Чита, 1999), «Исторического словаря галлицизмов русского языка» (Москва, 2010). Опубликовано: хронологический словник «Французские ткани и их цвет» (2014), «Московитские письма» Ф. Локателли (перевод с французского, 2014). Вышли в свет «Хронологический словник Исторического словаря французской моды в России: одежда, обувь, головные уборы, прически» (Чита, 2015), «Исторический словарь французской моды в России» в 3-х т. (Москва, 2017), переводы с французского книги Александра Стурдзы «Размышления об учении и духе православной церкви» (СПб., 2015), Дрё дю Радье «Словарь любви» в журнале «Переводчик» (Чита), №№ 15, 16), Панаит Истрати «Советский Союз без маски» (Чита, 2018). Собираются материалы для «Большого исторического словаря галлицизмов русского языка».

ЗАМИРСКАЯ ИДА (ЕГОРОВА ЗИНАИДА АЛЕКСЕЕВНА) (Украина, г. Северодонецк)

Окончила факультет иностранных языков Харьковского национального университета им. В. Н. Каразина. Отделение – немецкий язык и литература. Получила квалификацию филолога, преподавателя немецкого языка. Работала переводчиком научно-технической литературы в НИИхиммаш и учителем английского языка. Художественным переводом с немецкого и английского языков занимается с 2012 года. Дипломант открытого международного конкурса «Поэтическое определение перевода» (2016).

КВЯТКОВСКАЯ Майя Залмановна (Санкт-Петербург)

Окончила 2-й Ленинградский государственный педагогический институт

иностранных языков (ЛГПИИЯ), по специальности «французский язык». Переводчик стихов и прозы, в основном, с романских языков. Работала над такими поэтами как Теофиль де Вио, Расин, Лафонтен, Готье, Бодлер, Верлен, Лафорг, Арто (Франция); Камюэнс и Пессоа (Португалия); Лопе де Вега, Сервантес, Гонгора, Кеведо, Валье-Инклан, Мачадо (Испания), Эдгар По (США), Свифт, Россетти (Англия), Сенеа (Куба), Гонсалес Мартинес (Мексика), Дарио (Никарагуа) и др. Член Союза Российских писателей и СП Санкт-Петербурга. Дипломант открытого международного поэтического конкурса на тему «Стихи о переводе и переводческой деятельности» (2013).

КОВАЛЁВА ИРИНА ВЛАДИМИРОВНА (Москва)

Окончила 2-й Московский медицинский институт им. Н. И. Пирогова и Литературный институт им. А. М. Горького. Поэт, переводчик, публицист. Работала главным редактором ряда журналов, включая русско-японский проект «О’Генки». Член Союза писателей Москвы, Союза переводчиков России. Почётный член международной ассоциации «Liguria-Russia» и Русского дома искусств им. Степана Эрзы в Генуе. Вице-президент Независимой писательской ассоциации «Лютня Ориолы», ведущая литературной гостиной «На перекрёстках миров» Клуба писателей ЦДЛ. Художественный руководитель и основатель Международных фестивалей искусств «Генуэзский маяк» (Генуя, Италия, 2016, 2017) и «Степная лира» (станция Новопокровская Краснодарского края, 2017). Лауреат Большой премии Международного литературного фонда имени Милана Фюшта Венгерской академии наук (2001), премий Гуманитарного фонда им. А. С. Пушкина (1990), журнала «Кольцо А» (2001), победитель Открытого международного поэтического конкурса «Стихи о переводе и переводческой деятельности» (2013). Автор книг стихов «Четвертая Троя» (1993), «Кесарево сечение» (1995), «Вёрстка мира» (2002), «Орден госпитальеров» (2011), «Terra Italica» (2013), «Страна стрекоз» (2015), «Карта памяти» (2017), «Лигурийский залив» (2018).

КОМКОВ ОЛЕГ АЛЕКСАНДРОВИЧ (г. Павловский Посад, Московской области)

Окончил факультет иностранных языков МГУ имени М. В. Ломоносова. Культуролог, герменевт, переводчик. Доцент кафедры сравнительного изучения национальных литератур и культур факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М. В. Ломоносова. Поэтическим переводом занимается с 2008 года. Подборки переводов и оригинальных стихотворений публиковались в «Литературной газете», сербских литературных журналах «Траг» и «Српски југ», в разделе «Антология мировой поэзии» чикагского еженедельника «Реклама», в литературных альманахах «Белый ворон» (Екатеринбург – Нью-Йорк) и «Слова, слова, слова...» (Чикаго – Москва), в журнале поэзии «Плавучий мост». В 2016 году вышла в свет книга стихотворений «Тихое вече».

КОРЖОВА ЕКАТЕРИНА МАКСИМОВНА (Чита)

Окончила с отличием бакалавриат и магистратуру на факультете филологии и массовых коммуникаций Забайкальского государственного гуманитарно-

педагогического университета им. Н. Г. Чернышевского. Поэт-переводчик с английского, немецкого и русского языков. Многократный победитель региональных конкурсов молодых поэтов-переводчиков. Автор поэтического сборника «Трепет застенчивой души».

КРОТКОВ АНДРЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ (Москва)

Окончил Московский государственный институт культуры. Работал государственным служащим в системе Госкомиздата СССР. Печататься начал в 1984 году. С середины 1990-х – профессиональный литератор и журналист, автор более 2000 публикаций. Поэтическим переводом интересовался с юности, однако публиковать ранние опыты не считал возможным. Зрелые переводческие работы печатал в 2000-х годах в журналах «Юность» и «Литературная учёба». Перевод цикла Томаса Элиота «Книга доподлинно известных котов» опубликован в антологии «Век перевода. Выпуск 3» (М.: Водолей Publishers, 2012). Книга переводов с французского «Уснувший в ложбине» вышла в Санкт-Петербурге в ноябре 2014 года.

МАРКЕЛОВА ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВНА (Москва)

Окончила филологический факультет МГУ им. Ломоносова и гуманитарный факультет Университета Исландии; кандидат филологических наук, специальность: скандинавская литература. Литературовед, с юных лет пишет собственные стихи и прозу. Основные публикации: монография «Становление литературы Фарерских островов и формирование фарерского национального самосознания» (Пушкино, 2006). Опубликовано переводы: Шарлотта Вайтсе «Письмоносец» (пер. с датского), Хатльгрим Хельгасон «101 Рейкьявик», «Женщина при 1000 С» (пер. с исландского), «Корабль призраков» (антология традиционного исландского фольклора), антология фарерской поэзии «Классика фарерской поэзии» (2017). Автор стихов и малой прозы в московских журналах «Юность», «Литературные незнакомцы», «Наша улица», альманахах «Складчина», «Остров», «Вышгород» (Таллинн), «Tímarit Máls og menningu» (Исландия), OUTSIDER (Фарерские острова). Дипломант открытого международного конкурса «Поэтическое определение перевода» (2016).

МАРКОВА НИНА АЛЕКСЕЕВНА (Чита)

Окончила Читинский государственный педагогический институт им. Н. Г. Чернышевского и аспирантуру по германской филологии в РГПУ им. А. И. Герцена. Кандидат филологических наук, доцент, действительный член Союза переводчиков России. Является постоянным автором раздела «Лексикография», составитель Русско-английско-латинского словаря флоры и фауны (в помощь переводчику).

ОСЬМИНИНА НАДЕЖДА ВАСИЛЬЕВНА (Москва)

Окончила факультет журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова. Поэт, сценарист, переводчик, журналист. Член Союза писателей России. Автор поэтических книг «Узы» (2004), «Андрей Рублёв» (2013), «Вербная Русь» (2016). Пе-

чаталась в газетах «Московский литератор», «Республика Абхазия», «Общеписательская литературная газета», альманахах «Истоки», «Природа и человек», «Русь православная», «Россия – Испания», «Москва – Нью-Йорк», «Образ» и др. изданиях. Избранные стихи переведены на английский, армянский и абхазский языки. Лауреат и дипломант международных фестивалей и поэтических конкурсов: «Генуэзский маяк» (Италия), «Степная лира» (Россия), «Поэтическая премия «Образ» (Россия), «Звезда Рождества» (Украина). Награждена медалями «За верное служение отечественной литературе», «М. Ю. Лермонтов», орденом «Союз писателей России». Академик Евразийской академии телевидения и радио (ЕАТР). Сценарист и автор текстов 12 документальных фильмов. Фильмы «Отец Евгений», «Нюрнбергский процесс: вчера и завтра», «Матрона Московская» награждены призами Евразийского телефорума (Москва), Международных кинофестивалей «Победили вместе» (Украина) и «Невский Благовест» (Санкт-Петербург). Член Союза журналистов России. Работала корреспондентом, обозревателем, редактором в журналах «Работница», «Крестьянка», «Здоровье», в газете «Московский Комсомолец» (шеф-редактор издания «МК-Здоровье»). Сотрудничала с журналами «Смена» и «Северные просторы».

ПАНКРАТОВА ЭЛЕОНОРА ЛЕОНИДОВНА (Москва)

Окончила МГУ, литературовед и переводчик, кандидат филологических наук. Член Союза писателей Москвы. Член Союза переводчиков России. Автор статей, посвященных норвежским писателям в энциклопедиях, предисловий в книжных изданиях, статей в периодической печати. Переводчик произведений Кнута Гамсуна, романов Сигрид Унсет, сказок Петера Асбьёрнсена и Йоргена Му, произведений Нильса Юхана Рюда, Кнута Фалдбаккена, Юстейна Гордера, а также Одда Соломсмюена, Эвы Себерг, Тура Обрестада, Сигмунда Доксума, Дага Сулстада, Марион Коксвик. Переводчик фундаментального труда профессора Пера Саугстада «История Психологии» (2008). Печаталась в журналах «Юность», «Иностранная литература», «Литературное обозрение», в норвежской печати (газета «Aftenposten», журналы «Prosa», «Forfatteren», «Nordlit») и др. Участник международных конгрессов, конференций и семинаров в России, Норвегии, Дании, Швеции, Финляндии, Германии, Англии, Болгарии.

САГРАТЯН АШОТ АРИСТАКЕСОВИЧ [1936 – 2015]

Окончил русское отделение филологического факультета университета им. Молотова, затем Литинститут им. А. М. Горького. Учился в аспирантуре Института мировой литературы. Писатель, поэт, художник. Воспитатель переводческих кадров: с 1969 по 1995 гг. руководил творческим семинаром в Литературном институте им. А. М. Горького, читал лекции по теории перевода и психологии творчества, в том числе и на Высших литературных курсах. С 1968 г. журналист-международник. Перевел около 30 книг. За уникальные разработки в области этнопедагогики в 1998 г. был избран членкором Академии педагогических и социальных наук, а в 1999 г. – действительным членом

АПСН. В 1999 г. был удостоен Золотой пушкинской медали. Автор книги «Введение в опыт перевода. Искусство, осязаемое пульсом» (2001), посвященной 1700-летию принятия христианства государственной религией Армении. В 2009 г. награжден медалью В. Я. Брюсова за более чем полувековой вклад в науку о переводе и пропаганду шедевров армянской литературы на русском языке. В 2010 г. выпустил поэтический сборник, посвященный 65-летию Великой Победы. Дипломант открытого международного поэтического конкурса на тему «Стихи о переводе и переводческой деятельности» (2013). Автор поэтических переложений шекспировских трагедий: «Гамлет. Принц Душевной Смуты» (2013), «Джульетта и Ромео», «Отелло», «Ричард III», «Король Лир» (2014), «Антоний и Клеопатра», «Макбэт», «Юлий Цезарь» (2015).

СЛАВОРОССОВА ЕВГЕНИЯ АЛЕКСЕЕВНА (Москва)

Окончила философский факультет Московского государственного университета им. Ломоносова. Поэт, переводчик, журналист. Долгое время работала шеф-редактором журнала «Детская школьная академия» и была членом редколлегии журнала «Первоклашка». В настоящее время работает литературным редактором журнала «ЧИП – детям» (приложение к журналу «Чудеса и приключения»). Стихи и переводы её печатались во многих центральных журналах, газетах, альманахах и коллективных сборниках. Автор книги стихов «Утренний поезд», детской книги «Детективное бюро мистера Спича», нескольких сказочных повестей и многих статей на темы литературы, искусства и др. Получила звание «Лучший автор года» в журнале «ЧИП – детям». Дипломант открытых международных конкурсов: «Стихи о переводе и переводческой деятельности» (2013). «Поэтическое определение перевода» (2016).

СТЕЛЬМАК ОЛЬГА ВИКТОРОВНА (Чита)

Окончила Читинский государственный педагогический институт им. Н. Г. Чернышевского и аспирантуру по германской филологии при МГПИ им. В. И. Ленина в Москве. Кандидат филологических наук, доцент кафедры европейских языков и лингводидактики факультета филологии и массовых коммуникаций ЗабГУ. Поэт-переводчик, действительный член Союза переводчиков России, руководитель Забайкальского регионального отделения СПР, главный редактор научно-художественного журнала «Переводчик», директор университетского предприятия ООО «Забайкальский лингвистический центр «Прогресс». Опубликованы англо-русские словари (поэтизмов, цветоименований, стихотворных терминов) в помощь переводчику; книги переводов английской и американской поэзии на русский язык: «Прекрасное пленяет навсегда...» (1998, 2-е изд. 2004), «The Songs of Joy and Sorrow» (2009). Стихи и переводы также опубликованы в журналах «Переводчик», «Гуманитарный вектор», «Встречи», «Рождая звезду...». Автор поэтических сборников: «Я дарю тебе осень ...» (2000), «Волшебный мир любимых грёз» (2003), «Мой зачарованный мираж...» (2006); «Сладкой грусти наслажденье...» (ин-

тернет-издание на сайте «Стихи.ру», 2012). Опубликовано стихи в коллективных поэтических сборниках: «Поэт 2012 года», «Союзники» (2012), «Русские поэты» (2012), Сборник стихов (2012), Любовная лирика (2013). Дипломант поэтического конкурса «Поэт 2012 года».

ФЕЛЬДМАН ЕВГЕНИЙ ДАВЫДОВИЧ (Омск)

Окончил Омский государственный педагогический университет (факультет иностранных языков и исторический) и аспирантуру при кафедре новой и новейшей истории Томского государственного университета. Член Союза российских писателей и Союза переводчиков России. Стаж творческой деятельности более 40 лет. Перевёл свыше 60.000 стихотворных строк из англо-шотландской классической поэзии. Впервые перевёл и подготовил для печати сборник стихов А. К. Дойля «Песни действия». Основные публикации: переводы в 3-хтомной антологии «Семь веков английской поэзии» (2007), Д. Китс «Эндимион» (2008), Р. Бёрнс «Былые времена» (2009, 2012), Р. Киплинг «Кабульский брод» (2010). В 2012 году в издательствах Москвы и Санкт-Петербурга опубликованы книги: Р. Бёрнс «Джон Ячменное зерно» (стихотворения, поэмы, песни, баллады); Р. Киплинг. «Бремя белых» (часть 2 в пер. автора); Блэкмор Р. Д. «Лорна Дун» (роман); Брэддон М. Э. «Тайна леди Одли» (роман); О. Уайльд. «Сфинкс» (стихотворения и поэмы). «Лауреат Бунинской премии 2010 г. в номинации «Поэтический перевод». Награжден Всероссийской общественной организацией Героев, Кавалеров Государственных наград и Лауреатов Государственных премий «Трудовая доблесть России» Почетным знаком отличия «Трудовая доблесть. Россия» (2013). Лауреат Национальной литературной премии «Золотое перо Руси» в номинации «Литературные переводы» (2013).

ФЕЩЕНКО-СКВОРЦОВА ИРИНА НИКОЛАЕВНА (г. Бенавенте, Португалия).

Окончила Волгоградский государственный педагогический университет (биология-химия). Кандидат педагогических наук, доцент, более 60 научных публикаций. Занималась проблемами творчества, языка и культуры. Поэт, эссеист, автор пяти поэтических сборников, литературоведческих статей, эссе об искусстве. Член Союза российских писателей, международного союза писателей. Автор многих альманахов поэзии России и Украины, антологий («Поэзия третьего тысячелетия», по итогам литературного конкурса «Согласование времен 2009»), зарубежных альманахов («Встречи» № 30, Филадельфия; «Стороны света» № 9). Лауреат конкурса «Вся королевская рать» (литературно-критическая статья). В Португалии живёт с 2003 г. В 2008 г. подтвердила учёную степень в португальском университете, участвовала в трёх научных конференциях. По материалам своего выступления на международном коллоквиуме «Триумфальный день Фернандо Пессоа» (Лиссабон, 2014) опубликовала статью в журнале «Иностранная литература» (№ 7, 2015). Опубликовала ряд статей о творчестве португальских поэтов-классиков и современных авторов, («Новый мир», № 8, 2016; «Иностранная литература»

№ 4 2017 и др.). В её переводе вышли: поэзия Антонио Нобре «Мельник ностальгии» («Водолей», 2013), Фернандо Пессоа «Книга непокоя» (Ад Маргинем Пресс, 2016), антология португальской поэзии XV – XX веков «Лузитанская душа» («Водолей», 2017).

ШИНКАРЕНКО НАРГИС ВЛАДИМИРОВНА (Москва)

Окончила факультет психологии МГУ им. М. В. Ломоносова. Член Союза переводчиков России, член Московского союза литераторов. Практикующий психолог, переводчик с норвежского языка, автор статей, рецензий, консультант российских издательств по переводной профильной литературе. За свою деятельность в качестве переводчика и популяризатора норвежской литературы награждена норвежской переводческой премией NORLA (2016). Переводила публицистику и письма Кнута Гамсуна, книги философа Ларса Свендсена («Философия зла» Прогресс-Традиция, 2008; «Философия страха» Прогресс-Традиция, 2010), книгу психолога и педагога Эрлинга Руланна «Как остановить травлю в школе. Психология моббинга» (Генезис, 2012), а также целый ряд книг по психологии, в частности «Самооценка у детей и подростков. Книга для родителей» (Альпина Паблишер, 2014), «На крючке. Как разорвать круг нездоровых отношений» (Альпина Паблишер, 2016), «И больше не дерись! Как избежать ревности между детьми в семье» (Альпина Паблишер, 2016) и др. Участник международных конгрессов, конференций и семинаров в России и Норвегии.

Научное издание

Переводчик

Выпуск 18

Печатается с оригинал-макета авторов

Подписано в печать 11.05.2018. Формат 60×84/16.

Бумага офсетная. Способ печати цифровой.

Усл. печ. л. 15,1. Уч.-изд. л. 10,3. Заказ № 18059.

Тираж 300 экз. (1-й з-д 100 экз.).

ФГБОУ ВО «Забайкальский государственный университет»
672039, г. Чита, ул. Александрo-Заводская, 30